

Канта Ибрагимов

**Учитель
истории**

Канта Ибрагимов

Учитель истории

«Издательские решения»

Ибрагимов К. Х.

Учитель истории / К. Х. Ибрагимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859620-9

Предыстория написания этого произведения такова.

В одном из своих выступлений, посвященных военным действиям на Кавказе, лауреат Нобелевской премии немецкий писатель Гюнтер Грасс высказал мнение, что если кто-нибудь из писателей напишет об этой войне роман, то она непременно закончится. Идея буквально захлестнула воображение автора этой книги, который хорошо знал, что такое война, потому что жил в ней, ее ощущал, от нее страдал, мучился и верил... Роман впервые был опубликован в 2003 году.

ISBN 978-5-44-859620-9

© Ибрагимов К. Х.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Часть II	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Учитель истории

Канта Хамзатович Ибрагимов

*Не зная прошлого
не понять настоящего,
не иметь достойного будущего.
(Кавказское изречение)*

© Канта Хамзатович Ибрагимов, 2017

ISBN 978-5-4485-9620-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

*Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?*
Д. В. Веневитинов, 1827

* * *

Учитель истории Малхаз Шамсадов, несмотря на свой возраст – под тридцать, слыл вечным юношей, наверное, из-за своего небольшого роста и телесной юркости, а более – из-за не сходящей с лица улыбки в виде постоянно вздернутых, смешливых губ и неунывающих, искрящихся темно-карих глаз, которые жизненной влагой любопытства и познания блестели на его смугловатом, по-юношески слабо поросшем щетиной лице...

Сегодня, 1 сентября 1991 года, у учителя истории двойной праздник: во-первых, понятно, первый день занятий, что всегда для него трогательно и приятно, а, во-вторых, что более важно, в маленьком горном селе Гухой, после долгих лет строительства и простоя, наконец-то сдано небольшое, но уютное здание школы; значит, есть надежда – село не опустеет, останутся в горах люди жить.

Ожидается, что открытие школы будет торжественно-праздничным. Из республиканского и районного центров придут важные руководители. По сценарию, который почти все лето с вдохновением готовила директор школы Пата Бозаева, с кустарной трибуны, изготовленной местным плотником, высокими гостями должны будут произноситься напутственные речи; с ответным словом благодарности об отеческой заботе выступит учитель истории как наиболее языкастый и молодой, а закроет торжественную часть сама директорша, после чего с различными номерами художественной самодеятельности выступят школьники (репетиции шли почти все лето), потом чаепитие и прочие обряды в духе горского гостеприимства и советской действительности.

Оправдывая себя тем, что готовится к торжеству, учитель истории, как никогда ранее, надолго застрял у небольшого выдавшего виды зеркала, пытаясь повязать старомодный галстук. Однако ни этот неумело повязанный и не уместный в горах атрибут одежды, ни белая новая сорочка с большим воротником, ни бессонная ночь, якобы проведенная за написанием доклада, не придали его молодому лицу строгости и важности момента. Наоборот, уголки губ лукаво устремились вверх, а в глазах заблестели новые искорки мечтательного романтизма. Было отчего. Накануне директорша представила ему свою племянницу – практикантку, студентку исторического факультета.

– А я знаю Малхаза Ошаевича, – озаряясь улыбкой, привстала практикантка, – Вы у нас преподавали на первом курсе... а потом неожиданно уволились.

– Да, было такое, – в ответ улыбнулся учитель истории.

Больше коллеги-историки ничего сказать не успели и стоя слушали речь директорши о том, что племянница специально привезена в родное село, чтобы она хотя бы немного пожила в горах, подышала чистотой родного воздуха, «ибо в городе все не так, люди черствые, наглые и плохие». Учитель истории согласно кивал, как обычно улыбался и изредка, все больше и больше задерживая взгляд, смотрел на слегка порозовевшее, опущенное лицо практикантки. В мыслях он вернулся на несколько лет назад, пытаясь вспомнить эту студентку, и прозевал вопрос директора.

– Так где доклад? – повторила Пата Бозаева.

– А!? – учашенно заморгал Шамсадов и с такой непосредственностью перевел взгляд на директора, что та глубоко вздохнула и, чмокнув недовольно губами, все же без злобы сказала:

– Когда же ты взрослым станешь?.. Чтобы утром все готово было, и свой доклад мне тоже покажи. А то опять понесешь ахинею о своих хазарах... Не надоели тебе твои дурацкие раскопки? Вы, историки, какой-нибудь разбитый горшок найдете и целую легенду насочиняете... Иди домой, готовься и не лазай больше по пещерам, и так все горы перелопатил. – И уже вслед, в коридор. – От твоих находок теперь и нам неприятности... Понимаешь, – когда Шамсадов торопливо ушел, директор обращалась к племяннице, – в пещерах что-то нашел, так сюда со всего мира тунейдцы и романтики потянулись. Весь район консервными банками забросали. Слава Богу, власти как никогда быстро среагировали, округу госзаказником обозвали. Казалось бы, пронесло, так нет. Года два назад высоковольтную линию вели через горы, в Грузию. Всем свет, дорога, работа. И что ты думаешь?! Снова этот историк! Все детство в нем играет! Стал он, как ворон за пахарем, ходить за строителями. И вот рыли очередную яму для вышки в ущелье, а этот историк присмотрелся и обнаружил целое городище. Куда-то позвонил. Даже иностранцы примчались... А в итоге что: ЛЭП – не ведут, все закопали, ГЭС строить не будут, словом – вновь запретная зона... Ведь нас, вайнахов, после депортации жить в горы не пускали. Наше одно село на всю округу. А раньше здесь жизнь кипела.

В это время слышались восторженные детские крики. Директор бросилась к окну.

– Шамсадов! Шамсадов! – высунувшись в окно, повелительно закричала она. – Прекрати! Ты хуже детей. Вы всю траву помнете. А завтра люди приедут... Что? Ты не люди, ты учитель. Тебе не стыдно с детворой гонять мяч! Расходитесь по домам, готовьтесь к школе! Я вас всех на второй год оставлю. А ты, Шамсадов, доклад иди готовь.

Раскрасневшись от крика, директор стала вытирать пот с лица, наблюдая, как юные футболисты нехотя покидают школьную площадку.

– Фу! Что за горе этот Шамсадов. То детей в горы уведет, то купаться с рыбалкой, а теперь – вот, футбол выдумал. Нет, чтоб полезным делом заняться. Вот что значит безотцовщина!

– А школьный музей ведь он организовал, – из-за спины сказала практикантка.

– Да, – обернулась директор, лицо ее сразу похолодело. – Видела?.. Все он собрал, а как рисует! Просто талант! Вот только нет в нем степенности, недотопами делами занимается... Ты знаешь, ему за одну саблю – «Жигули» давали, нет – всю находку государству сдал. А там разворуют все... Женить бы его. – Она вскользь взглянула на племянницу, с ног до головы. – Вымахала ты. Все вы в городе акселератки, как на дрожжах... А вообще-то – непутевый он. Мужчина должен быть мужчиной, а этот все в книжках да в земле копается, бездельник этакий.

– А твой портрет он хорошо нарисовал.

– Да, – приосанилась директор, глянула искоса в зеркало. – Как есть! У него глаз – алмаз!.. Малхаз! – вновь выглянула она в окно. – Иди домой, иди. Надо доклады подготовить.

В это время учитель истории подумывал пойти на речку искупаться, потом побродить по горам, но раз назавтра ответственное мероприятие, то хочешь не хочешь, а хотя бы для директора доклад написать надо, сам-то он и без шпаргалки выступить сумеет.

Дома было душно, у настезь раскрытого окна изредка лениво шевелилась занавеска, под потолком упорно жужжала оса, с улицы тянуло алычовым вареньем, где-то плакал ребенок. Писать доклад, тем более для кого-то Шамсадов не хотел. От этих докладов он немало пострадал, и хотя сейчас не горюет, но одно время считал, что они исковеркали ему жизнь.

Не сумев пересилить себя, Малхаз, вместо того, чтобы сесть за стол, повалился на жесткие чеченские нары, устланные старинным ковром, рассеянно следил взглядом за осой, что-то упорно выискивающей у потрескавшегося от времени узорчатого деревянного потолка, а встревоженные чувствами мысли понесли его назад. Он хотел вспомнить студентку Бозаеву, но это никак не удавалось, потому что он, хотя ему и нравились, пытался не обращать внимание на девушек выше себя, и в то же время девушек вровень с собой и ниже тоже отвергал. В любом случае эту Бозаеву он не вспомнил, а память, как уже прошедшая история, побежала своим чередом.

...Малхаз Шамсадов отца своего не помнил; говорили, умер от какой-то болезни. Его мать вышла замуж повторно, родила еще нескольких детей, и так получилось, что Малхаз в жизни мало с матерью виделся и вследствие этого привязанности к ней, и тем более к ее детям, особо не питал. Как положено у чеченцев, вырос Малхаз со стариками по отцовской линии. Его дед был страстный пчеловод, со своей пасекой он весь сезон мотался по альпийским лугам, выискивая для пчел самые душистые травы. Вместе с дедом в горах пропадал и Малхаз. Прохладными летними ночами, сидя у костра, у самых звезд, дед рассказывал ему захватывающие истории, связанные с родным краем. Оказывается, у каждого склона, каждого ущелья, каждой пещеры и тропинки были своя судьба, своя жизнь, свое имя; а что касается бесчисленных полуразрушенных каменных башен горцев, что еще стоят в горах, то вокруг них такие невероятные предания, полунебылицы-полулегенды, что Малхаз долго не мог заснуть; кутаясь в бурку, теснее прижимаясь к теплу деда, он задавал очень много вопросов и, больше дрожа от тайн гор, нежели от прохлады, мыслями уносился в тот сказочно богатый древний мир, и с высоты гор как в зеркале вечного звездного неба он пытался переосмыслить историю Кавказа; лишь мерный храп дедушки да далекий лай совы и шум водопада заставляли его смыкать глаза. Однако он еще долго грезил историей, впадал в память тысячелетий; и только ласковое солнце и мягкое прикосновение дедушки приводили его в реальность утра гор.

Никто не удивился, что Малхаз Шамсадов поступил на исторический факультет университета; никто не удивился, что он отлично учился; никто не удивился, что он постоянно участвовал во всевозможных археологических экспедициях, и не только в горах, но и на равнине, в долинах Терека и Сунжи. Никто не удивился, что он три года подряд писал курсовые работы на тему: «Хазария и ее поселения на территории Чечено-Ингушетии»; просто их никто не читал. И только его дипломный проект, который уже вынуждены были преподаватели прослушать, вызвал неоднозначную реакцию историков – от «лженаука» до «невероятно» – не мог остаться незамеченным.

В те годы по окончании вуза было строгое государственное распределение. Поступили заманчивые предложения – типа обком комсомола или высшая школа КГБ. Тем не менее, Малхаз, не задумываясь, принял предложение декана – стажировка и аспирантура при факультете. Ему невероятно нравилась работа преподавателя, а летние полевые занятия стали смыслом его жизни. Подготовка к археологической экспедиции и сама экспедиция возбуждали в нем страсть.

Потом он выступил с докладами на региональной и всероссийской конференциях. Тезисы его докладов вызывали оживленную дискуссию и интерес. Доходило до выкриков: «ненаучно, недоказуемо, историю не надо переписывать». Были и сторонники, поддерживающие его идеи. Как положено, по материалам конференции выпустили сборники трудов. На третий год аспирантуры Шамсадов имел более десятка публикаций об истории Хазарии, он готовился уже защищать кандидатскую диссертацию, как вдруг прямо в деканат пришло письмо. Это письмо было от иностранного коллеги, тоже занимающегося историей Хазарского каганата. Американский ученый на довольно хорошем русском языке сообщал, что он не только историк, но в первую очередь, лингвист, владеет многими языками, в том числе

древними, причисляет к таким языкам и нахский¹ диалект, а что касается истории Хазар, то это его давняя тема исследования. В письме было много суждений и вопросов, на которые Шамсадов высказал свои предположения в ответном послании. Вскоре от Давида Безингера (так звали коллегу) пришло второе письмо, в котором было еще больше конкретных исторических вопросов, а помимо этого и просьба о встрече в Москве, так как поездку в Грозный советские органы не разрешают.

Весной 1988 года в Москве состоялся международный симпозиум, в котором участвовал господин Безингер, и к удивлению всех прямо от ЮНЕСКО именное приглашение получил и Шамсадов. В холле гостиницы «Интурист», в Москве, они встретились. Безингер оказался моложе, чем представлял Малхаз, – лет сорока пяти-пятидесяти. Иностранец довольно сносно говорил по-русски, козырнул парой фраз на чеченском, был очень щедр, многословен, улыбчив. Три вечера после заседаний высокий статный Безингер брал под руку маленького Шамсадова и гулял с ним по центру столицы, рассказывая гражданину Советского Союза историю древней Москвы. А потом они ужинали. В отличие от умеренно пьющего и курящего иностранца, Шамсадов вообще не пил и не курил, однако был возбужден не меньше коллеги, когда они, до полуночи, порой споря, засиживались в роскошном ресторане.

В последний вечер, так и не наговорившись, коллеги просидели в номере Безингера до утра, продолжая жаркий диспут. Расстались на рассвете, крепко обнявшись, став друзьями. Наутро сонный Шамсадов, отягощенный заморскими сувенирами, вылетел в Грозный. Два дня он с гордостью рассказывал в университете о встрече, а на третий его вызвали в партком, и, следом в сопровождении насупленного секретаря парторганизации, историк попал в здание обкома КПСС.

Шамсадов в компартии не состоял, и хоть говорилось, что партийная карточка для историка необходимый атрибут к ученой степени, – он этого не понимал, и посему, как в диковинку, умилялся строгой обстановке идеологического отдела обкома КПСС и суровости его мрачных обитателей.

Как и своим коллегам в университете, он с жаром стал рассказывать о симпозиуме в Москве, а когда показали фотографию Безингера, даже воскликнул от восторга. От его неподдельной непосредственности партийные боссы недоуменно переглядывались, не могли понять, чем восхищен историк, а молодой ученый думал, что он на грани исторического открытия и только этим обязан столь высокому приему. Даже когда показали фотографию его подарка американцу – фрагмента осколка каменной плиты с замысловатыми фресками, Шамсадов не понимал, чего от него хотят, и только слова «вредительство», «шпионаж» и «сокрытие и продажа гостайн» – заставили его замолчать, призадуматься. Однако наивная улыбка, недоумение не сошли с его лица даже в тот день и в последующие, когда его неожиданно уволили из университета и следом вручили повестку в прокуратуру.

Незадачливый историк все еще не отчаивался, в душе даже ликовал: он в центре внимания, а все новое всегда трудно пробивает себе дорогу и встречает сопротивление масс. Однако декан истфака Дзакаев, симпатизирующий молодому ученому, был более приземленным гражданином СССР; он забил тревогу среди родственников Шамсадова. Первой появилась мать; она заставила подсуетиться мужа, отчима Малхаза; и Шамсадову вместе с очередной повесткой в прокуратуру пришла повестка в военкомат – университетская бронь снята, вместо Кавказских гор – леса Подмосковья, в ракетных войсках его умение каллиграфически и грамотно писать, а главное хорошо рисовать – востребовано, он редактор полковой газеты, писарь в штабе. Словом, для чтения книг времени валом, и хоть дивизионная библиотека архивом не богата, все равно он доволен, исследование продолжается; он пишет бывшим

¹ Нахский диалект – в эту группу языков входят чеченский, ингушский, бацбийский

коллегам, чтобы прислали нужную литературу. Почему-то никто не откликнулся, и только один сам объявился: в особом отделе дивизии ему показали заказное письмо из Америки со знакомой фамилией – Безингер.

В штабе, в Подмоскowie, тем более в ракетных войсках стратегического назначения – Шамсадову не место. Переводят поближе к Америке, на Камчатку, а потом еще далее на острова, в океан. Еще служить очень долго, здесь не до книг, их и нет, постоянно в карауле; и ветер, ветер, ветер. Но как ни свирепствовала стихия, а сдуть улыбку с лица Малхаза Шамсадова не смогла; вернулся он домой такой же молодой, только офицером – лейтенантом, да к тому же и в партию, раз приказали – вступил.

Вот только на Кавказе ожидало его печальное известие: дед уже полгода как умер. Горько плакал Малхаз над могилой самого родного человека, а потом корил себя – почему не записывал все рассказы деда. Ладно, старик был неграмотным, а он! Вот так и остались вайнахи без истории; теперь все у других летописцев ищут, что про них когда сказали? А что другие напишут? Только у костра погреются, хлебосольством порадуются, пепел на земле оставят, а его разнесет неугомонный ветер времени, вот и не было ни огня, ни очага, ни жизни; только кто-то помог дикарям с гор спуститься, так они еще веками в цивилизацию входить будут, а что еще вернее, ассимилируются на бескрайних равнинах и, как многие народы и языки до этого, – бесследно исчезнут. Примерно, как та же Хазария – тема научных исследований Шамсадова, которую он тоже по воле событий забросил.

Нет, нельзя горевать, надо с улыбкой смотреть в будущее, и, такой же сияющий, Шамсадов после полутора лет службы поехал в Грозный, а в университете, как и в целом по стране, иные порядки. Его научный руководитель Дзакаев теперь простой доцент, с утра от него разит перегаром, а университетом и факультетом руководят новые кадры, кругом висят и витают иные лозунги – перестройка, свободные выборы, демократия. Плюрализм мнений во всем, однако на истфаке дальше 1917 года историей не интересуются и ее всякими словами клеймят. Разумеется, Шамсадова все помнят, даже любят, но на работу взять не могут, историю не перепишешь – есть грешки, хоть и говорят о свободе.

Тем не менее, и тут рядом оказалась мать, любит она своего первенца, а ее уважают муж и его родня. Заходили важные люди по коридорам университета и при самом минимальном участии самого Малхаза устроили его в университет. Разумеется, кого-то пришлось подвинуть, отозвать, а то и вовсе уволить. Короче, волей-неволей нажил Шамсадов сразу же врагов, и они на первом же заседании кафедры попрекнули его связью с американским шпионом, агентом ЦРУ Безингером, и даже обвинили в расхищении и распродаже национального богатства.

Вопреки ожиданиям, от этих слов Шамсадов не вскипел по-горски, а наоборот, от удивления еще выше взметнулись уголки его губ. От этой наивности злослов стих и уже чуть не плача, глядя на заведующего кафедрой, бросил:

– Вы ведь знаете, сколько я заплатил. Я еще и половину не отработал. Как я долг погашу?

Все потупили взгляд, наступило тягостное молчание – понятно, не до истории, могут жить только сегодняшним днем, искоса вглядываясь в будущее.

С надеждой глянул Шамсадов на Дзакаева, тот еще ниже опустил голову. Тогда, так же улыбаясь, он поблагодарил всех, извинился и распрощался.

На следующий день в горы примчалась мать, твердила – жизнь борьба, что он глупый и наивный, потом плакала, говорила, что она во всем виновата, бросив его маленьким со стариками, умоляла уехать с ней, ведь в городе все у него есть и даже готовая невеста. С виноватой улыбкой успокаивал Малхаз мать, отвечал, что свирепая горная зима поможет ему уговорить одинокую бабушку спуститься вместе с ним на равнину.

С тех пор две зимы прошло, и уже второе лето последний день доживает, а он и сейчас здесь. Зимой в высокогорном селе Гухой – тишина. Зато летом в диких горах все явственнее ощущается развал страны. Масса охотников-браконьеров, что истребляют всех зверей из всех видов оружия, следом туристы-романтики оставляют следы своего варварства, потом горе-строители, еще хуже кладоискатели, и наконец, капитально оснащенная международная экспедиция под лозунгом «Край Вайнахов – в современную цивилизацию». Спонсоры экспедиции: ЮНЕСКО, Московский историко-археологический институт и еще какой-то могущественный международный фонд. У экспедиции есть все лицензии, все справки, прямо в Москве утвержден маршрут, в Грозном им предоставлен наряд милиции для сопровождения. От правозащитников экспедиция отказалась, сказав, что у них в горах гостеприимный друг, он же гид, он же участник экспедиции и еще в Америке внесен в список на контрактной основе с приличной зарплатой в валюте. Его фамилия – Шамсадов.

Сам Малхаз от этой неожиданной новости долго смеялся, и только взяв в руки сопроводительное письмо за подписью «профессор Безингер» – насторожился. В отличие от предыдущих, это письмо было написано на добротном русском языке, в нем было много дружеских посылов и посулов. В целом эта экспедиция по своей цели и задаче должна была принести республике и ее народу только пользу. Тем не менее, имя Безингер исковеркало в его жизни многое, и, несмотря на сильнейшую тягу подписать контракт, а по окончании экспедиции участвовать в международной конференции в Европе, а потом и в Америке, Малхаз категорически отказался подписывать какие-либо бумаги, однако при этом обещал по возможности помогать.

Руководитель экспедиции – профессор из Москвы, отнесся к решению Шамсадова с пониманием, зато его помощник, историк из Англии, был опечален и, особо не владея русским, только повторял: «Очень не хорошо, очень». Потом англичанин попросил Малхаза поехать с ним в Грозный, чтобы оттуда позвонить в Америку Безингеру. От этого Малхаз тоже отказался, и в итоге стал участником экспедиции на добровольных началах.

Первые дней десять ушли на ознакомление с местностью. Каждое слово Малхаза двое переводчиков записывали в блокнот, а самое важное на магнитофон. Исследователей интересовало все: названия, связанные с ними легенды и предания, и при этом они часто возвращались к статье Малхаза о древних поселениях Варанз-Кхелли и Хазар-Кхелли.

Когда определились на местности, между профессором из Москвы и англичанином начался спор. Говорили на английском языке, и поэтому Малхаз ничего не понимал, однако потом выяснилось, что англичанин настаивает на исследовании пещер, а москвич предлагает начинать раскопки вокруг древних развалин Идахой в долине ущелья притока реки Мулканэрк. Как и ожидалось, верх взял тот, кто платил. Стали исследовать многочисленные пещеры. В отличие от остальных, Малхаз знал, что пещеры – дело опасное, трудное и мифически пугающее. К некоторым пещерам он даже не подходил, зная от деда, что с ними связаны нехорошие поверья. Приезжие суеверием вроде не страдали, но если их гид впереди не лез, тоже воздерживались. Англичанин злился, настаивал, пытался уговорить Малхаза. Однако Шамсадов неумолимо придерживался рекомендаций деда.

За целый месяц работ ничего путного не обнаружилось, кроме каких-то невзрачных мелочей, и тогда Малхаз, видя уныние искателей, выдал свою давнишнюю тайну. Дед рассказывал и показывал на отвесном склоне горы Шялга-дук² едва заметное углубление – вход в пещеру. Говорят, давным-давно в ней что-то захоронили, единственный ведущий к входу выступ рабами был разрушен, и почти все, кто это знал, были сброшены в ущелье.

– Но это легенда, – улыбался Шамсадов, – а что на самом деле, я не знаю.

– Вот это цель! – воскликнул англичанин.

² Шялга-дукъ (вайнахское) – дупло-хребет

Шамсадов и без переводчика понял смысл восторга, а заодно и то, что, за исключением профессора из Москвы, это не историки-археологи, а кладоискатели, и к тому же ищут не золото и бриллианты, а что-то, по их мнению, существеннее.

Как всегда в эти дни летнего солнцестояния, в горах Кавказа обычно начинаются затяжные дожди, и по имеющейся предварительной договоренности Малхаз покинул экспедицию, чтобы в непогожие дни присмотреть за пасекой. В эти же дни пришлось поехать в Грозный на похороны родственника. Во время обратного пути, на крутом подъеме, двигатель автобуса перегрелся, все, в том числе и Малхаз, вышли полюбоваться завораживающей красотой Аргунского ущелья; и как раз в это время вниз пролетел вертолет. Шамсадов в знак прощания помахал вертолету рукой, и оказалось не зря – в нем увозили покалеченного англичанина.

Затянувшаяся непогода англичанина бесила, и он, не дождавшись, пока обсохнут склоны, погнал своих скалолазов в разведку. После труднейшего спуска-подъема те доложили, что никакой пещеры нет – только ложный небольшой проем.

– Все правильно, – заключил англичанин, – вход в пещеру должен быть заложен каменным валуном.

На следующий день англичанин в сопровождении двух альпинистов спустился с вершины. Как раз вновь слегка заморосило. От очередного фиаско он рассердился, на подъеме нервы подвели, поскользнувшись, сорвался, до дна ущелья не долетел – страховочные тросы спасли, но пару раз о каменные выступы стукнулся, получил сотрясение, в итоге, охоту исследовать дальше Кавказские горы напрочь отшибло.

После отлета иностранцев экспедиция еще недели две доедала припасы, а потом, недовольно побурчав на гида Шамсадова, а больше на его болтуна-деда, тоже убралась.

Правда, месяц спустя из Москвы пришла телеграмма, что экспедиция возвращается и будет работать с середины августа до первых холодов. Прошли август и сентябрь – никто не объявился. «Неужели все рассказы дедушки – одни лишь выдумки?» – все это время мучился Малхаз, и не выдержал, в начале октября, пользуясь тем, что в межсезонье в горах никто не блуждает, сам, в одиночку, приступил к раскопкам.

Дед рассказывал, что в урочище Галин-дукь³ есть древний курган-могильник. Давным-давно кто-то хотел разграбить захоронение; и Боги наказали вандалов: внезапный оползень их заживо схоронил. С тех пор к кургану никто не подходит, да и не видно никакого кургана, просто холм небольшой, каких в округе множество.

Считая, что он не вандал, а хочет знать историю своего края, Шамсадов приступил к раскопкам. Перелопатить все урочище – дело бесполезное; экскаватора в округе нет, да и не проедет до этих мест обычная техника. За три недели кропотливого труда не один черенок на лопатах поломался. И когда уже зачастили дожди и сильно похолодало, он, отчаявшись, покидая урочище, с высоты перевала еще раз глянул на изрытую долину, вдруг обнаружил, что он копал именно там, где действительно, обнажая до камней скалу, когда-то давным-давно произошел оползень. Видимо, в этом месте располагался лагерь кладоискателей, а курган-могильник там возводить нелогично, для этого должны были использовать более широкое и красивое место.

Только пару дней, пока шел проливной холодный дождь вперемешку со снегом, Малхаз смог высидеть дома, а потом опять отправился на поиски, и удача ему улыбнулась – попал прямо в точку.

В горах уже лежал полуметровый слой снега, когда Малхаз, его научный руководитель Дзакаев и еще двое историков – работников республиканского краеведческого музея заканчивали раскопки. Сомнений не было: перед ними захоронение раннего средневековья. В те

³ Галин-дукь (вайн.) – башенный хребет

далекие времена здесь был с почестями захоронен знатный воин. Об этом свидетельствовали по-разному сохранившиеся воинские доспехи. Большой обоюдоострый меч и наконечники стрел и копья были в отличном состоянии, серебряные пряжки от ремня – как новые. Рядом с воином был захоронен конь, в ногах – девушка, у изголовья – кувшины для съестного.

Время многое уничтожило, но были уникальные находки: стремя, обломки удила, костяные накладки от седла, бронзовые украшения девушки и еще всякая утварь, которая была необходима воину в загробной жизни на пути следования к языческим богам.

Самое ценное по акту сдали государству, а остальное стало толчком для создания школьного музея по истории Кавказских гор.

Вопреки ожиданиям Малхаза, находка не вызвала никакого интереса в республиканском центре, только в узких заинтересованных кругах были всякие пересуды и даже не совсем одобрительные толкования, ибо выяснилось, что все находки отправлены то ли в Москву, то ли в Ленинград, в Эрмитаж, а было бы лучше не предавать все огласке, оставить найденное в частных руках. Малхаз этих взглядов не разделял, он думал, что в столицах его находки вызовут сенсацию, с нетерпением ждал результата экспертизы, каждую неделю ездил в Грозный, досаждая директору музея – «есть ли ответ?», пока не услышал брошенное в сердцах: «Нет, и не будет, и до сих пор не было... А ты дурак!».

Так прошли зима, весна, вот и лето на исходе. Больше экспедиций нет. А недавно Малхаз перенес музей в новое здание школы, оборудовал свой кабинет истории. В целом жизнь протекала обыденно, спокойно, и тут эта студентка-практикантка все его мысли перевернула. И не хотелось ему писать доклад за директоршу, да и ничего ему не хотелось. Так и заснул он под мерное жужжание осы, а когда проснулся, понял, что время за полночь, лето кончилось, наступило первое сентября 1991 года.

Доклад для Бозаевой написал сходу, за час, а потом не спалось, и он, не задумываясь, на нижней полустраничке, где заканчивалась пафосная речь, карикатурно нарисовал директоршу, орущую в окно школы, а позади нее строгую, красивую практикантку. И теперь, утром, увидев это художество, неумело в очередной раз перевязав галстук, он посмеивался над собой и над тем, что его накануне волновало. Просто, идя на поводу своих желаний, он нарисовал практикантку вровень с директоршей, зная, что та одного с ним роста. А на самом же деле практикантка чуть ли не на голову выше тети и, соответственно, его.

– Малхаз! – он восторженно вскрикнул от детского голоса. – Директор требует доклад, и тебя немедленно зовет.

Сложив поперек листок, он оторвал карикатуру, бросил ее в печь и пошел отдавать творение, чтобы сразу же сделать некоторые пояснения.

Как и следовало ожидать, Бозаева раскритиковала написанное, заставила спешно кое-что исправить. Но все оказалось напрасным: ни к девяти, ни к десяти часам никто не приехал.

– Пата, что ты и детей и себя мучаешь, стоя на солнцепеке, – крикнул подошедший председатель сельсовета, пенсионного возраста крепкий старик Ахтаев Баил. – Кто в эту дыру без нужды сунется? Кругом развал и хаос, а ты школу вздумала открыть! Что, телевизор не смотришь? В Москве смута – ГКЧП называется, в Грозном смятение – митинги, а в райцентре не знают какому господину служить!.. Что им, до нас и до детей наших?!

Директорша что-то под нос обиженно пробурчала, как маленькая девочка насупилась и, неожиданно заплавав, убежала в свой кабинет.

В маленькой высокогорной школе не более сорока школьников, и три учителя, в том числе директор. Как таковых классов нет, расписания тоже, просто, точнее очень замысловато, грамоте – от азбуки до Толстого и Айдамирова – учит филолог, математику и физику преподает Бозаева, историю, географию и остальное – Шамсадов; многих предметов нет, тот, кто хочет получить аттестат о среднем образовании – в девятом и десятом классах должны учиться в другом месте.

В классе Шамсадова больше всех учеников, на последней парте практикантка Эстери. Все дети, по возможности, красиво одеты, ухожены.

Предательское волнение, вызванное присутствием девушки, учитель истории смог преодолеть только к середине урока, и когда казалось, что все постепенно входит в привычную колею учебного процесса, со двора послышался дружный крик: «Едут! Едут!».

Позабыв о дисциплине, школьники бросились к окнам. От природы сверхлюбопытный Шамсадов потянулся за ними. Растрепав залезшую пыль, с легким форсом на школьный двор въехал не виданный в здешних местах иностранный джип. Трое симпатичных, щегольски одетых парней с видом благодетелей вышли из машины, покрасовались, небрежно глянули на школу. Далеко в сторону полетел окурок. Тот, что был с роскошными цветами, сделал шаг вперед, и в это время его встретила сияющая директорша:

– Добро пожаловать, – торжествовала Пата, схватила букет, но приезжий не хотел с ним расставаться. Возникла неловкая перетяжка.

– Цветы для Бозаевой, – в отчаянии пятился молодой человек.

– Так я и есть Бозаева! – все еще улыбалась директор, затем резко потупилась, сникла; под дружный смех школьников засеменила в школу.

– Займите свои места, – крикнул учитель истории.

Растрепанные дети не могли уgomониться, они тайком – мальчишки со смешками, девочки, быть может, с завистью – оглядывались на практикантку.

– Эстери, это к тебе, – восторженно крикнула какая-то девчонка, раскрыв дверь класса.

Практикантка не шелохнулась, даже голову не склонила; лишь смоляные ресницы не находили покоя, в ее руках треснула ручка.

– Перемена, – нашелся учитель, поняв, что ситуация критическая. Вся детвора, толкаясь, хлынула во двор поглазеть на чудо-машину. Вслед за ними вышла и практикантка, тут же вернулась, в строгой позе застыла на месте, а в это время отчего-то смущенный учитель рылся в своих записях, будто что-то искал.

– Эстери! – еще раз раскрылась дверь.

Краем глаз Шамсадов видел как дочь директора, двоюродная сестра практикантки, в удивлении машет рукой.

– Малхаз Ошаевич, – заговорила Эстери, – у меня поломалась ручка, нет ли у Вас запасной?

– Да-да, конечно есть! – вскочил учитель. Они встретились в центре класса; боясь встретиться глазами и прикоснуться пальцами, передали ручку, и вновь сели на свои места, не проронив ни слова в течение очень долгой перемены, которая закончилась продолжительными музыкальными сигналами уезжающей с визгом машины.

Потом в том же классе Шамсадов вел уроки географии, обществоведения, астрономии, и узнав, что директор из-за головной боли ушла домой, вместо математики провел факультативное занятие по истории родного края – уже не в классе, а в школьном музее, демонстрируя замороженным легендами школьникам и практикантке археологические изыскания и свои картины на темы народного эпоса вайнахов⁴.

Во время экскурсии учитель истории просил детей не трогать экспонаты, потом, улыбаясь, хлопнул в ладоши и сказал:

– Все. На сегодня хватит. Теперь и я устал и вы, наверное, от меня устали. А завтра урок истории будет вести наша практикантка – Эстери.

– А что стало с Аной?

– А она доскажет нам эту историю? – наперебой вопрошали дети.

⁴ Вайнахи (чеч.) – от слияния двух слов вай (наши) и нахи (люди), отсюда – нахчо – чеченцы

– Что стало конкретно с Аной – пока никто не знает, и может, никто и не узнает, а об истории Хазарии Эстери вам расскажет.

Крича, толкаясь, школьники бросились на улицу. Эстери, замерев на месте, часто моргая, сверху вниз вопрошающе глядела на учителя.

– Откуда Вы все это знаете? Неужели это правда?

– Мне рассказал дед, ему его дед, и так из поколения в поколение, через века, – улыбался Шамсадов. – И с тех пор прошло ровно тысячу лет.

– Да-а, – вполголоса проговорила Эстери, и через паузу раздумий. – Так я ведь не знаю об этом ничего. Как я завтра буду выглядеть перед детьми?!

– Выглядишь ты прекрасно! – не без смущения еле выдавил из себя учитель истории. И если бы это прозвучало в тоне комплимента, то реплика осталась бы незамеченной, а так наступила неловкая заминка, которую нарушила девушка.

– Малхаз Ошаевич, Вы ведь знаете, что в университетском курсе об этой Хазарии и двух слов нет. Что я детям расскажу?

– Ну, – непонятно для практикантки улыбался учитель, – если хочешь, веди обычную школьную программу, а если интересно, то я тебя сейчас посвящу в эту историю; однако наберись терпения, она не скоро сказывается.

– Ой! – на груди сжались беленькие ручки Эстери. – Мне очень интересно, расскажите, пожалуйста.

* * *

– Хотя данное повествование будет идти вокруг легендарной женщины – Аны Аланской-Аргунской, – начал свой рассказ учитель истории, – тем не менее, об этой героине нельзя говорить вне контекста тех конкретных временных событий; ибо, в основном, только в переломные моменты истории проявляются выдающиеся личности...

...Если проследить историю прошедших двух тысячелетий, то можно заметить, что на бескрайних пространствах Азии неоднократно зарождались кочевые, воинственные и мобильные суперэтноты – молодые цивилизации, которые в поисках новых пастбищ, и не только, неоднократно вторгались на территорию европейской части евроазиатского континента и надолго покоряли местные народы, частично истребляя их и заставляя выживших платить дань⁵, и первой территорией, подвергшейся этому беспощадному смерчу, становился Северный Кавказ с многочисленными народами, населяющими этот благодатный край.

С начала нового времени, с востока, на Европу шли гунны, савиры, авары, уйгуры, и наконец в V веке Восточную Европу покорили тюркитские племена. В то же время из Закавказья угрожали Византия и Иран. Под давлением внешних сил народы Северного Кавказа в VII веке впервые объединились ввиду того, что жизненно назрела потребность в государственной организации с целью выживания.

Одиннадцать дагестанских царей, а также представители других коренных народов Северного Кавказа не смогли выбрать из своего числа взаимоприемлемого лидера и пригласили править тюркита из древней династии Ашина, и, как принято у тюрков, назвали его каган.

⁵ Выходя за рамки данного повествования, можно предположить: этот процесс еще не прекратился; в «подбрюшьях» малозаселенных пространств бывшего СССР всесторонне бурно развиваются японо-корейская, китайская, индуистская и исламская цивилизации

Хазарский каганат исчез с исторической сцены в XI веке, и с тех пор исследовали гадают, а куда делись хазары? Да никуда они не делись, как жили в те времена на Северном Кавказе, так и поныне, естественно видоизменившись, живут.

Что касается хазар как народа, то их, вероятнее всего, и не было. Хазария представляла собой федерацию, как Югославия, СССР недавно, и тот же Дагестан. И что, вот теперь Югославия распалась, а где югославы? Есть сербы, хорваты, македонцы и остальные, а как таковой нации югославы – нет. Вот так и хазары: их не было, а было государственное образование под названием Хазария, которое это название, может быть, получило благодаря тому, что так называли это место в те времена, и по крайней мере иных объяснений нет, а те, что есть, необоснованны.

Удивительное дело, просуществовав более пяти веков, огромная империя раннего средневековья, игравшая в те времена немаловажную роль, оставила после себя только один документ – письмо хазарского царя (кагана) испанскому государственному деятелю. В этом письме сказано, что по ландшафту и климату Хазария резко отличалась от окружавших ее сухих степей. По зеленым лугам текли неглубокие речки, поросшие ивами и камышом. Протоки были полны рыбы и птицы, заливные луга служили прекрасным пастбищем для скота. В дельте рек выращивали сочные арбузы и прекрасный виноград. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, садов и парков. Все они орошаются из рек. Очень много всяких фруктовых деревьев. Словом, прекрасный уголок земли под названием Хаз-ари⁶.

В период своего расцвета столицей Хазарии был город Самандар, который располагался и тогда на территории Чечни, там, где Сунжа и Аргун сливаются с Тереком. По данным арабских географов, Самандар – город громадный, но жилища – палатки и строения из дерева с горбатыми кровлями. Деревянные жилища не могли сохраниться, однако археологи обнаружили едва уцелевшую от времени саманную цитадель, преграждавшую врагам путь в Хазарию. Отсюда и название: Саман-дар – саманные ворота.

О мощи тогдашней Хазарии говорит тот факт, что иранский шах соорудил у себя во дворце три золотых кресла на случай приезда правителей Китая, Византии и Хазарии. А императоры Византии считали за честь породниться с хазарами, брали в жены хазарских девушек, и так случилось, что с 775 по 780 годы в Константинополе правил сын хазарской принцессы Лев IV Хазар.

В середине VII века хазары захватывают византийскую провинцию Крым, а потом в течение двух веков неоднократно вторгаются в Закавказье, которое принадлежало то Ирану, то Византии, то арабскому халифату.

Несмотря на воинственный нрав, народы Хазарии не кочевники, а оседлые племена. Занимаются растениеводством, скотоводством, рыболовством. И хотя край богат, по преданиям современников, экспортировала Хазария только воск, мед, икру, рыбный клей.

Как правило, любая империя держится на агрессии и порабощении соседних стран. В начальный период Хазария и в этом роде была уникальной державой. Основной статьей дохода хазарской казны служили поступления от уплаты дани проезжающих по территории Северного Кавказа купцов, в основном иудеев-рахмидитов, которые везли из Китая и Индии шелк, фарфор, драгоценные камни и пряности, а обратно – пушнину, рыбу, икру, золото, серебро. Караванные пути пролегали с севера на юг и с востока на запад. Наемная армия Хазарии должна была обеспечивать сохранность грузов и жизнь купцов.

По мнению многих историков, именно богатые купцы с целью понижения платы за проезд, выражаясь современным языком, пролоббировали проникновение иудеев в правящие круги Хазарского каганата, и дошло до того, что хазарский князь – военачальник Булан и его сын были приглашены в некую таинственную пещеру в горах восточного Кавказа, где

⁶ Хаз-ари (чеченское) – прекрасная земля, местность

они в течение нескольких дней посвящались в таинства древней религии, и вышли из нее не язычниками, а уже иудеями, пройдя процедуру обрезания. Видимо, после этого, в угоду влиятельному князю, многие в правительстве каганата тайно стали посвящаться в новую религию, однако на данном этапе этот процесс развития не получил, ибо тогда же мощно расцвел арабский халифат. Приверженцы новой магометанской религии клещами, через Испанию, вторглись в Европу, а через Сирию покорили Иран, частично Византию, все Закавказье. Войска халифата под руководством Мервана не смогли пройти на Северный Кавказ через Дарьяльское ущелье, двинули все силы в сторону прохода через Дербент. Не сумев вновь объединиться, горные княжества Дагестана сопротивлялись поодиночке. Арабские летописцы сообщали, что город Шенк, не сдаваясь, держал осаду более месяца. Только подготовив специальные сооружения, Мерван штурмом его взял. Захваченные в плен мужчины были казнены; жен, детей и имущество побежденных он отдал своим воинам, а город приказал сравнять с землей. Затем был razорен город Гузии-Ами. После этого правитель Серара⁷ испугался и заключил договор, обязавшись выплатить единовременно 10 тысяч диргемов, 100 мальчиков, 100 девушек и 500 мер хлеба.

Аналогичная участь постигла и другие города, и наконец в 737 году был захвачен Самандар, после чего столица Хазарии перекочевала на север в город Итиль⁸. До Итиля Мерван не дошел, тем не менее хазарский каган обязался принять истинную веру и платить завоевателям ежегодную дань.

Владычество халифата в Хазарии было непродолжительным – в стане арабов начались распри: шиитская пропаганда, восстание персов под знаменем Аббасидов, вражда кайеитов и кельбатов. В 744 году Мерван вынужден был оставить Кавказ; получив известие об убийстве халифа Валида, он поспешил в Дамаск, где и провозгласил себя халифом. Через шесть лет он был убит; правящая династия Омеядинов рухнула; и успехи арабов были ими самими уничтожены.

Пользуясь выгодами своего географического положения, горские племена Кавказа признавали чужеземную власть настолько, насколько это было им выгодно, и быстро стряхивали даже тень зависимости, когда считали это для себя необходимым. И хотя горцы Кавказа так и остались в основном язычниками, вместе с ближневосточной экономикой и культурой ислам проник на территорию Средней Азии и Кавказа и по Волге пошел вверх вплоть до волжской Булгарии.

В отличие от южных соседей – христианской Византии и мусульманского Востока, Хазария была веротерпимой державой: этому свидетельство – в Итиле семь судей, по два для христиан, мусульман и иудеев, и один для язычников.

Веротерпимость способствует экономическому развитию, и пока Византия, Персия и арабский Восток укрепляли внутри себя религиозный порядок, быстро окрепшая Хазария через Дарьял вновь вторглась в Закавказье, захватив Тифлис, Албанию (Азербайджан) и часть Армении. Во второй половине VIII и весь IX век на ареалах, прилегающих к Кавказу, доминировала Хазария, взимая со всех соседних народов дань. И хотя казалось, что Хазария должна была процветать, случилось обратное: каганат превратился в химерическое образование, где только в столицах кое-как поддерживалась власть, а периферии из-за противоречий с центром уже вели самостоятельное существование. Когда в 965 году русичи вместе с печенегами напали на Итиль, они, без труда разгромив наемную армию, завладели столицей Хазарии, а затем по Волге и Хазарскому (Каспийскому) морю дошли до Самандара, овладели им и пошли далее на запад до Саркела (Белой Вежи).

⁷ Серар – одно из княжеств Дагестана

⁸ Итиль (тюрк.) – Волга

На первый взгляд кажется, что внешние силы сокрушили Хазарию, а на самом деле процесс «гниения», как и в других империях, шел изнутри, и хотя историки утверждают, что этому способствовали люди, пришедшие в Хазарский каганат, то есть иудеи из южных империй, однако всегда удобно на кого-то уповать, забывая пословицу – «если нет в курятнике своего петуха, появится соседский».

Вместе с тем, как известно, во все времена иудеи были наиболее образованными и способными в науках людьми. И несмотря на то, что главным достоинством правителя считалась его воинская доблесть, однако, рядом всегда должен быть искусный царедворец и жесткий правитель, который умел бы грамотно вести политику двора, казначейство и поддерживать порядок внутри государства. Как правило, на такую работу привлекались все знающие люди, а они, как правило, иудеи. Последние, в основном, рьяно служили господину, а потом из-за религиозной приверженности, вроде незаметно, привлекали ко двору своих единомышленников, и когда критическая масса иудеев на одну казну возрастала, они, сказочно обогатившись, вспоминали, что они богоизбранный народ, и при этом зачастую забывали, кто их господин и в каком государстве они живут. К тому же и между самими иудеями тоже возникали разногласия и вражда. В конце концов, еще в VIII веке иудеи потеряли место вначале при дворе иранского шаха, а потом и у императора Византии. Изгнанные из этих стран богатые евреи нашли приют у своих северных единомышленников в Хазарии, где уже иудаизм постепенно стал религией господствующего класса. Однако богатые пришедшие евреи с презрением относились к местным иудеям, так как местные не были потомками Моисея, не знали иврита, а были тюркитами. Изохрененные в интригах Византийского двора, богатые пришедшие евреи быстро совершили в Хазарии дворцовый переворот и, умело, чисто номинально оставив во главе государства кагана, всю полноту власти взяли в свои руки, выдумав новую должность – бек, или царь.

Постепенно хазарская казна опустела, наемной армии нечем было платить, и когда русичи и печенеги напали на Хазарию, пришедших евреев уже не было; что-то не поделив, они разбежались, одни ушли на Восток, в Хорезм, Бухару, а другие оказались в Европе.

Чтобы поставить точку в этой краткой истории Хазарского каганата, скажем, что русичи и печенеги были еще очень слабы и не могли контролировать эту территорию. В конце X века жители Итиля просят протектората у Хорезма, но тогда они должны принять мусульманство. Богатые и влиятельные хазары меняют свою религию на ислам, столица Хазарского каганата превращается в периферию новой зарождающейся империи и постепенно исчезает с лица земли. Такая же участь постигла и другой крупный город Хазарии – Самандар...

Однако, желая отобразить общий фон, мы забежали немного вперед, и кажется, что такое судьба отдельной личности, когда бесследно исчезают целые империи. Тем не менее, выдающиеся личности навсегда остаются в памяти народа. И хоть не было в те времена письменности у чеченцев, «предания старины глубокой» передавались из поколения в поколение. Когда пришло время, дед Шамсадов поведал своему внуку Малхазу эту необычную историю о том далеком, вроде позабытом времени...

* * *

...Мать пятерых детей, ухоженная, миловидная женщина Пата Бозаева и в семье и в школе чтит строгость и порядок; посему, как было заранее оповещено, она вернулась в школу и после занятий первого учебного дня провела учительскую пятиминутку, которая надолго затянулась. Переборов утренний конфуз, директор, коей не тремя, а тысячами людей руководить, выясняла, как прошел первый день, у всех ли тетрадки, ручки, книжки

есть, и только, как опытный педагог, увидев, что учитель истории и практикантка почему-то витают в облаках, закончила заседание.

Покидали школу вместе. Солнце катилось за хребет, было тепло, но уже не по-летнему, леса еще сочились зеленью, однако редкие кукурузные скирды на дальнем склоне извещали, что осень пришла и еще одно лето жизни померкло. На кустах сирени, прямо перед школой, привлекая внимание всех, висели алый бантик и целлофан от роскошного букета цветов. Все смущенно отвели взгляды, опустив головы, молчали и уже распрощались, как Малхаз вдруг спросил:

– Эстери, а ты любишь цветы?

– Нет, – повелительно, не оборачиваясь, ответила за нее Пата, а девушка необыкновенно добро улыбнулась, глаза ее заискрились и, ничего не говоря, она только утвердительно много раз кивнула и даже, как девчонка, с озорством, игриво слегка повела плечами.

Эту ночь учитель не спал, и не думал он о далекой истории, лишь будущее интересовало его, но это будущее было так же, как и прошлое, неведомо и, как он не без иронии считал, из-за его роста невероятно. Тем не менее, он выдумывал причуды, чтобы стать выше, вплоть до того, что будет носить с собой табуретку; от этого, переворачиваясь с боку на бок, долго хохотал, а дождавшись зари, побежал в горы...

Когда, волнуясь от предстоящего урока, вошла в класс Эстери, сидевший сегодня на последней парте Малхаз видел, как практикантка вспыхнула от восторга: на учительском столе, в древней вазе с замысловатым орнаментом на обожженной глине красовался бело-войлочный грациозный цветок.

– Какая прелесть! – прошептала она, склонилась, втягивая аромат гор. – А как он называется?

– Эдельвейс альпийский.

– А еще есть такие цветы?

– Есть, но больше рвать нельзя.

– Спасибо, – после долгой паузы, не глядя на учителя, зардевшись, очень тихо сказала Эстери; вновь наступило молчание, и едва глянув на него. – А Вы мне так и не рассказали об Ане.

– Расскажу, – шурясь от улыбки, обещал Шамсадов.

Но всякие дела, горский этикет и возникшая взаимная смущенность мешали им общаться, разве что коротко, по делу.

А потом неизвестно как, видимо на попутках, приехал в далекое село очень видный молодой человек, и Малхаз слышал, из-за угла школы, залихватистый, счастливый смех Эстери. И еще приезжали молодые люди; и с ними Эстери виделась, но недолго и без смеха; затем вновь появился тот лакированный джип, с этими «нахалами», как их обозвала Пата; к ним Эстери опять не вышла; приезжая молодежь вновь учинила музыкально-гоночный концерт перед школой, полностью поглотив внимание школьников, да и не только их.

«От греха подальше!» – взмолилась директор, «за ручку» увезла племянницу в Грозный, к родителям.

Выдумывая веские причины, зачастил Малхаз в столицу. В то же время приоделся, чуть приосанился; не прежняя улыбка благодущия, а скорее мечтательный романтизм застыл на лице. Зарабатываемого не хватало на проезд, но он брал в счет будущей зарплаты, а потом стал просить в долг. И как Малхаз ни лелеял свои замыслы, все знали о его потугах. Только изредка ему удавалось в городе встретиться с Эстери. Когда она дала ему домашний телефон, он был на вершине блаженства; правда, поговорить не удалось: услышав его имя, отвечали – «нет дома». При редких выстраданных встречах, она сама подходила к Малхазу, спрашивала о жизни в родовом селе, школе, просила передать всем привет, тут же уважительно прощалась, и не более того. Малхаз же, с застывшей улыбкой умиления, до тех пор, пока она

не исчезнет, провожал ее взглядом, а потом вместо истории думал о ней; ему становилось дурно, и всякие нелепые мысли, вплоть до умыкания Эстери, роились в его голове.

Так почти в еженедельных поездках в город прошло более года. В это время пришедшие к власти в республике национал-патриоты, провозглашая свободу, порождали анархию и произвол. В первую очередь страдали такие, как Малхаз, люди, которые кроме зарплаты не имели иных доходов и не имели способностей «крутиться» в смутные времена. Тем не менее зная из истории, что на смену спаду может прийти бурный всплеск, он, надеясь на лучшее, все больше и больше обрстал долгами; и ему уже не давали в долг, его избегали, и лишь одно спасало – из-за его простодушной улыбки никто не требовал возврата, лишь бы не просил более.

В очередной раз обойдя знакомых и в очередной раз получив отказ, Малхаз, виновато улыбаясь, вошел в кабинет Бозаевой. Директор его опередила, выложила на стол древний кувшин:

– Вот, вернула в музей твою щедрость... Слава Богу, не разбили... Ты думаешь, в городе знают, что это такое, их история о русско-кавказской войне только интересует, и к ней они вновь призывают.

– Э-э, – сконфузился Малхаз, – так это ведь мой подарок.

– Знаю, что подарок, – перебила его Пата, – так в приданое не взяла, в подвале валялся.

– Да, как-то неудобно, – сел Малхаз за стол, бережно взял кувшин, как великую ценность погладил. – Все-таки подарок, – повторил он, и чуть погодя. – А зарплаты и в этом месяце не будет?

– Нет зарплаты, нет, – злясь, выдавила Бозаева, – им не до нас, – ткнула она пальцем в потолок. – Голодранцы... ни образования, ни культуры... Откуда они взялись?!

От гнева директорша вспыхнула, и пока она приходила в себя, Шамсадов, все так же виновато улыбаясь, тихо вымолвил:

– Пата, дайте еще раз в долг.

– Что?!

– Я в министерство. Может, что выбью для нас.

– Какое министерство?! Что, оглох? Эстери замуж вышла... Отец выдал; за этого «нахала», проходимца... теперь он на огромном «Мерседесе» ездит... Такую девушку загубили! Ну да ладно, благослови ее Бог. Лишь бы в сытости и в покое была...

– Да-да, благослови ее Бог, – ритуально пробурчал Малхаз.

– А ты себе ровню ищи, – постановила директор, потом опомнилась. – Я имею в виду социальный статус... Из деревни бери, нашенскую, а то стареешь ведь.

– Да-да, – улыбаясь, соглашался учитель истории, прижимая кувшин к груди, побрел к выходу.

– Так дать тебе денег? – уже в коридор крикнула Бозаева. Никто не ответил.

Будто бы мир перевернулся и жизнь кончилась, казалось Малхазу несколько дней; потом он слегка ожил, но пребывал в глубокой прострации и рассеянности. И только через пару недель, как-то блаженно всем улыбаясь, он вышел на работу. В школе было мучительно: ему казалось, что Эстери все еще сидит за последней партой и своими красивыми темно-голубыми глазами наблюдает за ним. Ему хотелось видеть ее, и он в какой-то надежде снова поехал в город. Уже наступала зима, дни стали короткими, в обратный путь рассчитывать на транспорт в горную даль было бессмысленно. Снова проситься на ночлег к Дзакаеву не хотелось, хотелось побыть одному, хотелось бродить по городу, где живет его любовь, думать о ней, мечтать.

Это прогулка по Грозному стала поистине романтической. Столица свободной Чечни погружена во мрак, света нет, фары редких машин, как языки дракона, выползали из-за поворота мракобесия и не разжигали мрак, а наоборот, вызывали еще большее чувство подав-

ленности, падения и умопомешательства. То там то здесь стреляли; тень отделилась от дома, просила покурить, обозвала козлом.

Как историк Шамсадов представлял, что аналогично протекала революция 1917 года. И где-то в глубине души он даже был рад, что мрак в его душе и мрак общественного переворота бьются с одинаковой амплитудой затухания. Ему даже показалось, что он попал в свою стихию; и поймав себя на том, что под воздействием среды думает не об Эстери, а о философских категориях и диалектике развития, ему стало впервые радостней и свободней, и это чувство высвобождения все возрастало и возбуждало его, пока удар по голове не навел полный мрак.

Ранние прохожие доставили его в больницу, врачи говорили, что повезло, чудом жив. Долго Малхаз отлеживаться не мог: в горах беспокоится одинокая бабушка. Без паспорта, без копейки в кармане, где на «перекладных», под конец пешком, в ночь, через четверо суток он добрался до родных гор, и когда преодолел последний подъем, перед ним предстала заснеженная панорама села, разбросанного темными пятнами домов вдоль мутной, извилистой ленты ущелья реки. Он надолго застыл, всей грудью жадно вдыхая кристально холодный, насыщенный воздух; и только далекий, из-за перевала, рев водопада да частые, резковатые порывы ветра нарушали покой; слабо мерцающий огонек керосиновой лампы в оконце бабушки сладко манил домой, а он все стоял и стоял, как бы физически ощущая, что удар, едва не лишивший жизни, вышиб его юношескую блажь, и вместе с этим чуть-чуть опустил заостренные уголки вечно вздернутых насмешливых губ, приглушив огоньки в глазах, уже окруженных морщинками.

Насильно прощаясь с Эстери, он скрыто ото всех, в основном по ночам, решил рисовать ее портрет на память; однако по мере работы стало выходить что-то иное: волосы, вместо черных и прямых, стали золотисто-волнистые, и брови золотые, и нос с горбинкой, и вообще, вроде и Эстери, но не она. Не имея ее фотографии, полагаясь на свое воображение, он когда с вдохновением, когда через не могу работал почти всю зиму, и как-то на рассвете, сделав последний мазок, очищая руки, он глянул в зеркало – и даже не узнал себя: перед ним был изможденный, измученный, уже немолодой человек... но как он был счастлив!

И когда, поспав всего пару часов, он глянул вновь на свое творение при ярком свете дня, то, потрясенный, невольно отпрянул – перед ним в полный рост, со слегка отставленной красивой рукой, повелительно указывающей в даль, с непонятной улыбкой – то ли печали, то ли счастья – стояла грациозная властная женщина, чем-то похожая на юную Эстери, но совсем не она... и только внимательно, с испугом взглядевшись, изумленный учитель истории понял – перед ним, как описывал дед, – древняя легенда гор, знаменитая Ана Аланская-Аргунская!

* * *

Есть творения, в истинности которых автор сомневается и, выставляя их на суд зрителя, с волнением ждет реакцию, по их различным откликам судит о своих возможностях и таланте; а есть такие редкие композиции в жизни художника, которые ничего не требуют, и мастер знает, что это – шедевр, и пусть другие так и не скажут, это автора абсолютно не интересует; в порыве вдохновения он создал то, о чем мечтал!

Вот такую картину нарисовал Малхаз, и сколько он ни смотрел на нее, все с благоговейной любовью, и порой даже кажется ему – а он ли это создал? И, будто украдкой в дом женщину привел, боялся, что кто-нибудь картину увидит, и уходя из дома прятал ее за шкаф. И тогда даже в солнечный день ему казалось, что, как и картине, ему мрачно на свете. Второпях возвращался он в маленький саманный дедовский домик, извлекал свою ценность на свет, и только когда видел ее – легчало на его душе. А однажды, так случилось – гости

нагрянули, в спешке засунул он картину в укрытие, и словно по сердцу ржавой бритвой полоснули, гвоздь слегка, но со слышимым писком, поцарапал картину. Так он ночь не спал, сильно переживал, знал, что больше такого не создаст, что небеса еще такое не ниспошлют. Около суток он не доставал травмированную картину из укрытия, боялся увидеть испорченное полотно. И тут, пребывая в неотвязном волнении, он стал колоть дрова, и как ни с того ни с сего топорик скользнул и глубоко рассек левую руку. Соседка-медсестра очень долго не могла остановить кровотечение. Ночью рана заболела, и Малхаз не мог понять, что болит больше – рука или душа. Тем не менее, испорченную картину достать из укрытия не хватало духа. В таких мучениях прошли еще сутки, потом еще; от раны побежали зловеще-красные пятна, боль в руке стала нестерпимой и, опасаясь заражения крови, односельчане повезли Малхаза в райбольницу. К ужасу всех, еще до укола, учитель истории, как сумасшедший, вдруг вскочил прямо с операционной кушетки, с невероятной скоростью бросился к машине. Дома, тщательно запершись, впервые после порчи он достал картину и от давящего мистического наваждения чуть не обомлел: с картины с гнетущим укором смотрела в упор на него эта властная женщина, и что самое странное – именно в том же месте, что и его рана, на отставленной руке глубокий, неровный след; холст не порезан, но краска покороблена, и разница лишь в том, что рука на картине правая. Зарисовать царапину невозможно, нужный компонент краски закончился.

С невыносимой болью в опухающей руке учитель истории тут же помчался в Грозный, только через сутки вернулся, огрызаясь на соседей, вновь заперся. Обливаясь потом, но не спеша, долго корпел он над своим творением, и когда, закончив, снизу виновато глянул в глаза женщины, изображенной на картине, то невольно ответил улыбкой. Изможденный от усталости, а более от боли в руке и уже во всем теле, он повалился на нары и через силу, не смыкая глаз, смотрел на дорогое творение. Только в густых сумерках, когда очертания картины, приняв однородный сумрачно-фиолетовый оттенок, слились с рамкой, ему показалось, что благодарно сверкнули белки глаз женщины. Малхаз впал в беспокойную дремоту, и ему еще долго представлялось, что женщина сошла с картины и знахарствует над ним. А потом было полное забытие, будто провал, лишь первые солнечные лучи, густым снопом ворвавшись в его мир, заставили раскрыть глаза, и первое, что он увидел, – грациозную красавицу гор в лучезарном сиянии земного светила. Перехватив ее по-матерински добрый, божественный взгляд, Малхаз посмотрел на свою больную руку – окровавленный и пожелтевший от мази Вишневого скомканный бинт развязался, сполз к запястью, опухоль почти сошла, а рана, еще не зажившая, уже по краям зарубцевалась, легонько чесалась, тоже «зарисовывалась», как было...

В то утро Малхазу показалось, что он заново родился, а картина с тех пор так и стоит прислоненная к стене поверх старинного ковра; там, в маленькой комнатенке, в которую каждое утро, омывая щедрыми солнечными лучами творение, заглядывает ласковое солнце, и там, куда отныне никто, кроме Малхаза, никто, даже бабушка, ступить не может – на двери замок.

* * *

Днем в селе дел неуворот: школа, скотина, пасека и прочее-прочее. По ночам же Малхаз уже не просто любит картину, а про себя разговаривает с ней, и дошло до того, что кажется ему, и женщина с картины что-то говорит, а может, ему от тускло мерцающей керосиновой лампы так кажется, а иного света в горах уже давно нет, следствие чеченской революции.

С обретением свободы освободились от многих благ цивилизации: электричество стали подавать все с большими и большими перебоями, а тут середь бела дня, из своего же

села выявились люди, некие Сапсиевы, которые все провода, что к селу через горы шли, пообрезали, в «цветметалл» сдали, и, оказывается, они не воры или варвары, а предприниматели, то бишь бизнесмены, и на то или иное действие имеют полное право, ибо они – Сапсиевы – в первых рядах революции были, их отец заводила зикра⁹, а тетя кем-то еще, одним словом, у них документы от имени президента, а так как сами они малограмотны, то думают, что и другие такие же, и для весомости вместе с удостоверением, где обросшая рожа, и дуло автомата под нос любопытным, типа Шамсадова, тыкается. Но Шамсадов негодует:

– И вам не стыдно! При русской власти пикнуть не смели, а сейчас, в безнаказанности, вакханалию развели.

Сапсиевы, а они в каждом селе при смутных временах вылупились, всяких таких слов не понимают, как умели, ответили – дали по башке. Конечно, не так, как в городе, где никто не увидит – чтобы убить, а так, чтобы основательно проучить и другим свое могущество показать. В общем, снова учитель истории с сотрясением попал в больницу, только на сей раз в районную. Больница, как и школа, у лидеров революции не в почете: грязь, нищета, антисанитария – благо, что хоть врачи еще остались, но и они без зарплаты, за лечение платить надо. Посему, а более скучая по картине, Малхаз и в этой больнице не залежался. Дома, наверное впервые, задумался о деньгах; бабушка плакала – схоронить ее не на что. Оказывается, кредиторы Малхаза к нему самому, может, как к учителю, почему-то не обращались, а к бабушке тропинку выходили, и теперь не только последние гроши, но и одна коровка ушла.

Задумался учитель истории над тем, чего не ведал, об отвратительных товарно-денежных отношениях; ведь если бы задолженность по зарплате выдали, богаче него, как он считает, на свете человека не было бы, а так, поразмыслив немало, додумался везти в город свои старые картины.

В уже полуразрушенном, полузаброшенном послереволюционном Грозном – образца 1993 года – его сердечно-теплая живопись Кавказских гор мало кого интересовала, в ходу были волки, тигры, орлы, и вроде несмысленный в коммерции Шамсадов из-за материальных трудностей проявил рыночную смекалку – стал рисовать тех же тотемических¹⁰ хищников, а у него никто не покупает, и он долго ничего не понимал, пока коллега-сосед по базару не объяснил:

– У тебя звери добрые, мягкие, а сегодня потребны злость, дикость, ярость, месть!

Понял Шамсадов; представляя Сапсиевых, всего за пару часов прямо на базаре выдал такую дикую ярость волка, что даже коллеги ахнули. Стали штамповать, бизнес пошел, но ненадолго: идею перехватили, рынок заполнили, и уже на всех машинах, ларьках и столбах эти свирепые клыкастые волки.

Освоил Шамсадов азы рынка и выдал новинку – когтистый орел, и опять то же самое – и плагиаторов много, и хоть и кажется, а поклонников дикостей не так уж и много, просто на виду эти засранцы.

Вслед за орлом Малхаз изобразил тигра – еще меньший эффект; и тогда, так сказать, изучив конъюнктуру рынка, освоил новый сегмент потребления – портрет лидера, очень красивого, доброго, улыбчивого, и не простой портрет, а цельный коллаж: здесь и волк, и луна, и орел, и башни, и горы, и знамя; короче, ноу-хау, штамповать не успевают; и тут появляется здоровенный бородатый верзила, весь в оружии, да еще с охраной, и заказывает тысячу картин за любые деньги, только на холсте. Три месяца все художники республики корпели, облагораживая физиономию лидера революции, а в конце выясняется, что оплата перечис-

⁹ Зикр (чеч.) – религиозный обряд

¹⁰ Тотем (от англ. totem из языка североамериканских индейцев) – животное, растение, вещь, являющаяся предметом религиозного поклонения у родоплеменного общества

лением, зато в два раза больше, правда не в Чечне, здесь банки тоже не работают, а совсем рядом, в Ставрополе. С платежным поручением помчался Малхаз в соседнюю область, а там его поджидали, арестовали; оказывается, какой-то «воздух прокачивают», он соучастник.

Вновь мать помчалась выручать Малхаза. С помощью адвокатов, точнее – взятки, в течение месяца удалось доказать, что Шамсадов не имеет отношения к финансовым махинациям. В итоге – как бизнесмен Шамсадов не состоялся, и если свести дебет с кредитом – полный баланс, то есть как уехал на бабушкины гроши, так и приехал на мамины подачки. Тем не менее, он был рад: главное, он дома и свободен, а больше не в свои дела, типа бизнеса – нос не сунет; и, наконец, жизненное – он видит свою картину, которой ему так не хватало, и почему-то уверен, что обладает таким богатством, что не одна корова, а стада у бабушки будут. Но торговать ею он, конечно же, не намерен, просто уверен, что она принесет ему счастье, а разве это не богатство?

Впрочем, не все так благополучно; хуже нетерпеливых кредиторов оказалась директор школы Бозаева. Вот кто отравляет его жизнь, называя «хапугой»: «За длинным рублем помчался, мало в тюрьме сидел! А где патриотизм, любовь к детям и школе!?» Три дня все это выслушивал Малхаз, а потом не выдержал:

– Пата, какая школа?! Полтора года зарплаты нет!

– А я! – крикнула директор, а потом очнувшись, помрачнела, заплакала и сквозь слезы долго-долго говорила о надвигающейся беде – ведь тот, кто каждый день не учится – вырождается.

Под впечатлением этой истины Малхаз разорвал свое заявление об уходе из школы, чем еще раз растрогал директора. В поисках носового платка Пата Бозаева, сопя, тщетно порывшись в своей сумочке, полезла в ящики стола, и тут вскрикнула:

– Ой, какая я дура! Память куриная, уж сколько времени эти письма лежат.

Обдавая учителя истории беспокойной волной, перед ним на стол упали два увесистых, солидных конверта, обклеенные цветными заморскими марками, с непонятными штемпелями, и даже не посмотрев на адресата, он по своему все возрастающему волнению понял, что корреспонденция от Давида Безингера. Уже много лет Малхаз не имел никакого контакта с этим странным иностранцем, из-за которого претерпел столько неприятностей. Но удивительное дело, ему всегда казалось, что тот историко-этимологический диалог, начатый с Безингером еще в гостинице «Интурист» в Москве, все эти годы продолжался, и вроде связи не было, а нет-нет и какая-то информация, что Безингер существует, до Шамсадова периодически доходила. Так, при последней встрече декан Дзакаев (теперь он вновь в этой должности) сообщил, что в Москве, в историко-археологическом институте его то ли случайно, то ли нет, познакомили с этим Безингером. Иностранец был очень щедр, при этом многим интересовался, даже знал такое о Чечне, что самому Дзакаеву неизвестно, несколько раз переспросил о Шамсадове, передал дружеский привет и якобы был огорчен, что Малхаз избегает переписки. А после встречи с Безингером москвич-коллега Дзакаева, который его с ним и познакомил, предупредил, что с иностранцем надо быть весьма осторожным, ибо он вроде агент всех спецслужб мира – от ЦРУ – Моссад до КГБ, на что еще один присутствующий коллега с усмешкой добавил: «А мне кажется, что не он на них, а все спецслужбы на него работают».

СССР и КПСС уже нет, и вроде живет теперь Малхаз в очень свободной, от всех независимой Чеченской республике, а все равно чем-то давят на него письма Безингера, боится он очередного спроса из-за них, как прежде. Не стал даже сразу читать, просто бросил их на свой стол, остаток дня возился по хозяйству, а дел много: ведь бабушка его дорогая в последнее время, из-за ареста единственного внука, резко сдала, захворала, слегла – вот и хлопот невпроворот. И он все удивляется, как эта старенькая женщина такой воз везла, да еще его, оболтуса (так он самокритичен), в опрятности и сытости столько лет содержала.

Летние сумерки в горах Кавказа длинные, теплые, душистые. Управился Малхаз с хозяйством, упросил бабушку хоть немного поесть, а потом побежал на майдан – из столицы односельчанин вернулся. Молодежи на сходе совсем мало, с началом революции кто в Грозный, кто еще далее за благами цивилизации разбежались. В селе одни старики, все не на шутку встревожены. В Грозном митинг оппозиции разогнали, а потом, ночью какое-то важное учреждение прямо из танков разбомбили, много жертв, и чеченцы чеченцев убивать стали, даже по телевизору к уничтожению единоплеменников призывают, о какой-то политике и религии идет спор. Старики высокогорного села многое не понимают, переспрашивают, задают одни и те же вопросы...

– Да деньги все, деньги! Эта зараза в нас въелась, – поставил точку председатель сельсовета Баил Ахтаев.

С этим доводом никто спорить не стал, угрюмо разошлись по домам, и Шамсадов с ними; надо было уложить спать бабушку, а потом почему-то тревожила мысль о письмах.

Глубокой ночью он зачем-то, видимо чтобы кто ненароком не подсмотрел, занавесил окно, даже в такую духоту ставни закрыл, и, глянув на картину, а женщина показалась ему в этот раз тоже взволнованной, при слабом свете керосиновой лампы распечатал первый, а потом второй конверт. Это были не просто письма – обширный трактат, из чего Малхаз многое не понимал, особенно слова, написанные на непонятной латыни и еще какими-то иероглифами. Смысл был в том, что автор и многие поколения его предков пытались перевести какое-то древнее послание. С этой целью они изучали древние, даже вымершие, языки, и только теперь Давид Безингер близок к разгадке: оказывается, в транскрипции на чеченский язык многое начинает проясняться. Что «проясняется» Безингер не уточнял, сообщая: сам оригинал древнего послания, как величайшая тайна, уже много веков хранится в надежном месте, и даже его копию он не может не только прислать по почте, но и нарочным возить боится. Тем не менее, здесь же приводит несколько знаковых иероглифов и просит Малхаза проверить, есть ли такие названия в топонимии его края. Очень теплыми словами Безингер благодарит Шамсадова, утверждает, что именно публикации молодого ученого о Хазарии и названия Варанз-Кхелли и Хазар-Кхелли направили его по видимо, правильному пути. Он пишет, что оригиналы последних археологических находок учителя истории, в том числе меч и прочее, находятся у него, и, к сожалению, к Хазарии они никакого отношения не имеют, ибо, как подтвердили экспертизы его собственной и независимой лабораторий, это захоронение более позднего, даже постмонгольского периода, что не умаляет значимость открытия, а наоборот, открывает новые страницы в истории Кавказа. Так как если череп воина относится к арабско-семитской расе, то череп захороненной с ним девушки, видимо, рабыни, носит явно выраженные негро-африканские признаки, что весьма любопытно и, естественно, ставит вопрос: что делали люди Ближнего Востока в XV веке в этих горах, если как таковых завоеваний в то время не было? Ответ напрашивается один – что-то искали. («А что? – подумал Малхаз. – Может, то же, что и Безингер ищет?»)

В письмах убедительная просьба приехать в гости, у Безингера по всему миру жилье и даже в нескольких городах Старого и Нового Света частные галереи, и в одной из них, в Милане, он выставил несколько картин Шамсадова, в том числе коллаж, посвященный лидеру чеченской революции. И тут же пару слов о самом лидере: оказывается, Безингер с ним уже знаком, они встречались по каким-то делам в Европе, короче, по словам автора, они (с лидером) в духовном родстве, и Безингера давно приглашают в Чечню, чем он непременно воспользуется.

Содержание обоих писем интригующе интересно, но, что самое удивительное, Безингер откуда-то знает, что Малхаз был арестован в Ставрополе, и просит больше в такие аферы не пускаться, а заработать достаточно денег он ему поможет – нет проблем. И в самом конце,

на отдельном листке, вновь несколько иероглифов или знаков, над смыслом которых Безингер просит подумать Малхаза.

Эта отдельная страничка особо привлекла учителя истории, что-то похожее он вроде видел на стенах одной пещеры. В волнении он несколько раз выходил во двор. Ночь на редкость тихая-тихая, даже рева водопада не слышно, все живое замерло, луны нет, и только вечные звезды жадно манят к себе, сквозь туманность загадочно мерцают.

До глубокой ночи, пока не стала угасать керосиновая лампа, сидел Малхаз, завороченный этими знаками; ему представлялось, что от вида их он переместился на тысячу лет назад. И тут то ли ему показалось, а на следующий день он даже думал, что так оно и было: вдруг, как от легкой поступи, закрипел старый деревянный пол, женщина сошла с картины, склонясь над ним, тоже глядит на эти старые знаки, и он явственно, очень явственно, ощущает не только ее тепло, ее частое дыхание, но даже пьянящий аромат ее очаровательного тела, чувствует, как золотистые локоны ее волос, свисая, шелестят над ухом, распространяя в комнатенке сказочный дух; он онемел, боясь шелохнуться, глубоко дыша... а керосин иссякал, фитиль слабее и слабее мигал, ему становилось все страшнее и страшнее; боясь мрака, он сам сомкнул глаза, все дрожал, как в детстве, когда дедушка ночами в горах рассказывал ему древние легенды... И так же, как в детстве, его разбудили легким прикосновением – только на сей раз будила бабушка.

– Что ж ты прямо за столом заснул, – слабым голосом, волнуясь, сказала она. – Разве так можно? Ну, ты спишь... а я все кричу, все зову, а тебя будто нет. Нельзя читать про плохое, особенно на ночь глядя... Пойди скотину отгони, стадо уходит.

Только к обеду решил Малхаз войти в свою комнату: «Фу, ты», – глубоко, облегченно вздохнул, избавляясь от наваждения: все как должно быть, и картина, как обычно, только тоже вроде не выпалась, будто круги под глазами. – «Ну, это плод моего воображения», – улыбнулся учитель истории, сел за стол, и обмер: длинный светлый женский волос, извиваясь, лежал на листке с иероглифическими знаками. – «Может, бабушкин?» – подумал он, бросился во двор, на солнечном свету гадал: будто бы волос золотистый, а может, серебристый, из-под бабушкиного платка. Ну а почему волос так пахнет, неужели бабушка чем-то ароматным голову моет?

В этот и последующие дни Малхаз, как никогда ранее, был внимателен к бабушке, больше обычного обнимал, все принимался, разобраться никак не мог. И что самое странное, кажется ему, что женщина с картины снисходительно смеется над ним, чуть ли не подтрунивает. Вроде понимает он, что все это от его безграничного романтического воображения, и все равно кажется ему, что-то здесь не совсем так, какая-то сверхъестественная мистика окружает его, довлеет над ним. Посему стал он каким-то рассеянным, полуотстраненным, будто пребывает в прострации, в полузабытьи, в полуреальности.

И в эти дни как-то поутру прибегает к нему весь запыхавшийся председатель сельсовета:

– Малхаз! – кричит он, хоть и рядом. – В наши горы большая делегация на вертолете прилетела. Сам президент-генерал здесь, с ним важные иностранцы, и автоматчиков не счесть. Тебя лично зовут, вон даже охрану прислали.

На живописнейшем цветастом склоне альпийской горы, местами поросшей густым кустарником, отдельно от других, любясь водопадом и всей живописнейшей панорамой Аргунского ущелья, стояли статный Безингер, с биноклем на груди, с логотипом «US army», и лидер чеченской революции в генеральской форме, на которой соседствовали знаки отличия армии СССР и тут же что-то красочное из геральдики свободной республики.

– Ох! Какая красота, какая прелесть! – услышал, подходя, Малхаз голос Безингера.

– Да-да, действительно прелесть! – поддержал генерал, и, тыкая пальцем в даль. – Здесь удобно будет воевать, отличное место для диспозиций.

– Это верно, здесь никто не пройдет, – в продолжение какой-то темы машинально говорил иностранец, и тут он заметил совсем рядом Шамсадова. – О-о-о! Мой юный друг! – чересчур панибратски Безингер стал обнимать учителя истории, задавая массу вопросов в форме джентльменского этикета.

Президент был тоже весьма любезен, правда, только сухо подал руку, снисходительно похлопал по плечу. С появлением Малхаза беседа двух персон явно расклеилась, и по предложению генерала решили тут же, на вершине, сообразить небольшой ланч, хотя было довольно рано. Шамсадову показалось, генерал не сказал, а просто что-то рявкнул в рацию, и многочисленная охрана или группа сопровождения, что толпилась в низине ущелья у вертолета, превратилась из автоматчиков в официантов. Маленький столик, как скатерть-самобранка, изобиловал всем, что пожелаешь; а гость желал только виски с икрой и сигару.

Кому-кому, а президенту Малхаз перед иностранцем отказать не смог и впервые в жизни выпил. Видимо, это развязало ему язык, и он вступил с Безингером в оживленный диспут.

– Ладно, ладно, – в какой-то момент резко оборвал мысль Малхаза иностранец и, похлопывая его по колену, весьма любезно улыбаясь губами, но не глазами, склонившись к уху, прошептал. – Мы об этом после поговорим. – И уже обращаясь к президенту. – Давайте выпьем за этот благодатный край и его мужественный народ!

– Да, наш край очень богат! – после тоста подтвердил генерал. – Только нужны инвестиции для развития.

– Так я ведь Вам уже говорил, – артистично развел руками Безингер, – Конгресс уже выделил миллиард, что Вы волнуетесь? – Надолго присосался к толстой сигаре, с удовольствием выдыхая клубы дыма. – Просто Вам надо окончательно определяться... И еще, деньги пойдут не просто так, а под конкретные разработанные программы... и Вам надо привлекать к себе более грамотных людей, вот таких, как мой юный друг, – при этом он потечески потрепал хилое плечо Малхаза.

Потом уже не по-отечески, а наставительно Безингер что-то растолковывал президенту. Речь шла о ранее говоренном, Малхаз многое не понимал да и не интересно было ему все это, и лишь когда иностранец сказал: «Вот, к примеру, поручите провести полную петрографию гор ему», – Шамсадов очнулся.

– Так я ведь не геолог, – удивился учитель истории.

– Что значит «не геолог»? – урезонил президент, улыбаясь. – «На войне как на войне», прикажем – станешь геологом. Ха-ха-ха!

– Вот это верно! – тоже стал смеяться иностранец.

– А ты хоть стрелять, с оружием обращаться можешь? – переходя на чеченский, спросил генерал.

– Нет, – в такт всем улыбался Шамсадов.

– Вот это плохо, – насупил брови генерал. – Ничего, этому тоже научим, это важнее ихней брехни, – по-чеченски продолжал он, и, переходя на русский, к Безингеру. – Вот, приходится перевоспитывать молодое поколение.

– Да-а, чума коммунизма, – согласился иностранец.

Расставались даже теплее, чем встретились, теперь и президент обнимал Шамсадова, приказал явиться к нему завтра в президентский дворец, там же его должен был ожидать Безингер.

После отлета вертолета чуть ли не все жители как героя встречали Малхаза на краю села. Опьяневший учитель истории, пребывая в эйфории, показывал всем дорогой подарок иностранца – золотые часы с бриллиантами.

– А что ж ты такого гостя с пустыми руками отправил? – бросил кто-то завистливо из толпы.

– Что?! Как! – заплетался язык Малхаза. – Я ему... Я ему... – растерянно оглядывался он.

– Отведите его домой, – посоветовал председатель сельсовета.

– Отпустите! – развязно кричал Малхаз. – Я настоящий горец, я знаю, что такое гостеприимство. Я ему подарю... вещь гораздо дороже этих часов.

– Ха-ха-ха! – хором насмеялась толпа.

– Что ж ты ему подаришь?

– Может, последнюю бабушкину телку?

– Да нет, свои горшки.

– А может, откопанный череп?!

– Сейчас посмотрите, – разъярился Малхаз, кривой иноходью побежал домой, кое-кто последовал за ним.

Через минуту Малхаз вышел, бережно неся перед собой картину, и так случилось, что именно в это мгновение солнце закрылось плотной тучей, стало сумрачно, тревожно. Толпа сразу смолкла.

– Напоили беднягу, – жалобно сказала одна женщина.

– А когда от них польза была, на равнине все пьяницы.

– А картина красивая!

– Вот такую невесту он ищет, потому и не женится.

– Отведите его домой.

Насилу Шамсадова завели во двор, однако в дом идти он противился. Когда последних ротозеев старики прогнали со двора, учитель истории, оставшись в одиночестве, установил картину к стене и пьяно кричал:

– Что эти бестолочи понимают! Что они видели?! Ты, – тыкал пальцем он в грудь женщины с картины, – будешь висеть в лучших галереях Европы и Америки! Мое имя узнает весь мир! Мне будут позировать королевы и президенты! Я стану великим и богатым! – орал он.

Первая крупная капля упала рядом с ним, следующая ударила в голову, а затем зачастили, запахло пылью, от порыва ветра зашумела листва, дождь усилился, грянул гром, совсем рядом блеснула молния. Стихия полностью заглушила надрыв учителя истории, но он упорно стоял и жестикулировал перед картиной вопреки всему; тут подоспели соседи, вначале картину, а потом самого Шамсадова занесли в дом.

Он очнулся глубокой ночью. От раскрытого настежь окна знобило. Буря ушла на восток, и теперь из-за далеких перевалов доносился гул небосвода, который в унисон сливался с разбухшими от обильного ливня ревом водопада, рычанием Аргуна и головной болью Малхаза. Редкие всполохи уходящей зарницы озаряли проем окна, тускло освещали комнату. С замирающим сердцем он первым делом глянул в сторону картины – ее нет. От щемящей тревоги резко вскочил, на мокром от дождя полу поскользнулся, больно ушибся о нары, но, не обращая на эту боль внимание, озирался в потемках. Новая вспышка молнии, и он в упор выхватил ЕЕ гнетущий, брезгливо-укоризненный взгляд; картина, как ненужный хлам, стояла на полу, заставленная в угол. Он осторожно взялся за ее рамку, боясь оступиться в темноте, бережно поставил на прежнее место. Не набравшись терпения зажечь керосиновую лампу, он спичками, до обжога пальцев, освещал разные места картины, в спешке только бегло осмотрев, понял – дождь, а точнее он сам, хотел осквернить картину, но это не случилось, она не сдалась, лишь на основном тоне щек стекла слеза от печальных глаз, поползли уходящие тени, и получилась такая изумительная нерукотворная симфония теней, гамма движений, что, казалось, слезы все текут и текут, создавая иллюзию жизни, наполняя духом картину.

– Не плачь, не плачь, дорогая, – упал он перед ней на колени, – я тебя никому никогда не отдам. Ты будешь только со мной, ... только со мной. Ты моя! И плакать я тебе больше не позволю... Прости!

С рассветом Малхаз помчался в Грозный. Как назло, разбитый рейсовый автобус, на котором он хотел доехать до центрального рынка, остановился для посадки-высадки на площади восстания, прямо напротив огромного, мрачного президентского дворца, вокруг которого сновали обросшие вооруженные лица, и, съездившемуся от страха Малхазу казалось, что вот-вот его заметят Безингер или, еще хуже, охрана генерала-президента, и тогда он не сможет исправить случившееся накануне, и его картина так и будет вечно рыдать.

К удивлению учителя истории, базар был почти пуст, только редкие угрюмые продавщицы украдкой ютились за скудными прилавками.

– А где художники? – поинтересовался Шамсадов.

– Да ты что, какие художники! С неба, что ли, свалился?

– Да нет, он только с гор спустился, – отвечали другие продавщицы, и если в другое время все это было бы сказано с юмором, с издевкой, то сейчас со всей серьезностью.

Над столицей витала атмосфера подавленности, какой-то неизбежной предрешенности судьбы, безысходности. Просто так возвращаться в горы Малхаз не мог – ему нужны краски и новые кисточки. Он пошел к знакомому художнику – дома никого нет, окна заколочены; ко второму – соседи, всего боясь, даже ворота не открыли, объяснили, что семья художника выехала за пределы республики. И все-таки ему повезло, третьего, распухшего от спиртного, он нашел в провонявшей квартире.

– Не смотри на меня так, Малхаз, – склонив голову, молвил спившийся интеллигент, – что я сделаю; воды – нет, газа – нет, канализации – нет, вырваться из этого кошмара – денег нет. Нас принуждают бросить кисточки и мольберт, а взять в руки оружие, ... хотя бы для собственной безопасности. Забирай все, все забирай, все равно все пропадет, здесь скоро будет война.

– Какая война? Ты о чем? – удивленно улыбался Шамсадов.

– Дурак ты, Малхаз. То ли ты слепой, то ли ничего не понимаешь?... А вообще-то всегда я завидовал тебе, есть в тебе непонятная детская наивность и непосредственность. Оттого и смотришь ты на мир другими глазами, все улыбаешься, оттого, видимо, и рисуешь ты хорошо, красиво... Забирай все, дарю! Здесь художники и художества ныне не в почете, другие ценности навязаны нам.

Меланхолия коллеги не повлияла на Малхаза, он был счастлив – нашел краски жизни, то, что искал, и ему казалось, что он несколькими мазками вновь заставит улыбаться свою картину, и так же, как Создатель Мира, несколькими добрыми посылами исправит людей, побудит их стать честными, трудолюбивыми, мирными.

Однако когда Малхаз попал в некогда родной университет, где хотел увидеть своего вечного научного руководителя Дзакаева, благодушие его испарилось, безмятежная улыбка юноши исчезла. Старинное здание – первый корпус университета – в грязи, кругом крайний беспорядок, окна выбиты, мрак, по коридорам то там, то здесь кучкуются не студенты, а тени, с огоньками сигарет, со смогом под облезлыми потолками. От туалетов разит, древний паркет взбух, покрыт утоптанном слоем грязи. И только у ректората блестят новые таблички десяти, вместо двух, проректоров, хотя ни ректора, ни проректоров, кроме одного, дежурного, в кабинетах нет, все они постоянно в Москве, а там не слышны стоны обваливающегося здания просвещения. Воистину – ученье свет, свет – жизнь, а жизнь в Грозном – умалена, абстрактна, на том свете молодежи обещают и свет, и рай, и гурий...

В понуром состоянии Шамсадов покидал столицу. Да чем ближе он был к горам, тем его настроение становилось лучше и лучше: он не поддавался соблазну влиятельных людей,

все они остались в своих дворцах, а он будет жить в своей уютной комнатенке, и впредь будет так же упиваться размеренной жизнью в горах, наслаждаясь улыбкой красавицы с картины.

Однако заставить ее вновь улыбаться оказалось не так уж просто; слезы «утер», а насупленность не уходит, от его переусердствования исчез овал лица и появилась какая-то топорная прямолинейность, и что непонятно – та же гамма красок давала иной тон, иные тени, так что женщина выглядела старой, чопорной, словом, не той.

В конец вымотавшись, на третьи сутки Малхаз свалился на нары и заснул, как убитый. Проснулся – в окно глядит темная ночь. Он зажег керосиновую лампу, встал перед картиной: в мерцающем свете огня она все еще была обезображенной, чужой, не живой.

– Что ты хочешь, что? – в отчаянии закричал он.

– Оставь меня здесь, рядом с собой, а у соседей мне неуютно, неудобно.

– Что?! – вскрикнул Малхаз, с испугом на голос обернулся.

Лампа выпала из рук, змейкой матовый огонь побегал рукавами по полу, озарил комнату. В доли секунды он увидел на нарах укутанную в плед бабушку, тут же заметил, как огнедышащий язык уже подбирался к картине. Он чувствовал всем телом встревоженность лиц обеих женщин, паникуя, стал бороться с пожаром, и все вновь погрузилось во мрак. Он сел рядом с бабушкой, погладил ее холодные руки.

– Спи, дорогая, ты теперь всегда будешь здесь, рядом со мной, я больше никуда не уеду... Спи. – И когда услышал ее мерное сопение, в темноте подошел к картине. В напряжении видя или представляя, что видит ее глаза, уже жгучим, завораживающим шепотом. – Я и тебя никому никогда не отдам! Поняла? Не отдам! Будешь только моей... здесь, рядом! А теперь тоже спи, утром нам надо как следует поработать... Помогите мне, просто все, улыбнитесь, мир не такой уж мерзкий и продажный, не все на свете выменивается и выгадывается. Улыбнитесь, прошу тебя, улыбнитесь; я знаю, что это не в моих руках, а в твоих. Я только вожу кистью... Простите! Помогите! Улыбайтесь всегда! И все у нас будет прекрасно!

Лучи ласкового восходящего солнца шаловливо запутались в ресницах Малхаза, он раскрыл веки – костлявые бабушкины пальцы нежно погладили его густые, курчавые волосы, на ее испещренном морщинами старом лице он увидел такую родную, добрую улыбку, такой теплый тон и нежный овал лица, что в озарении все понял... Жадно бросился к мольберту – и буквально несколько мазков, даже еле видимых штрихов, придали картине грациозное изящество, трепетный дух.

– Вот такую бы нам невесту! – размечталась бабушка.

В это время Малхаз легонько подвел последнюю тень, отошел глянуть на творение и удивился: женщина с картины вновь улыбалась, но не как прежде, а с какой-то смущенностью.

– Фу ты, господи, – прошепелявила бабушка, – ну, точно живая, и даже стыдится, будто невеста.

– Вот видишь, бабушка, послушался я тебя, привел в дом невесту.

– Да-а, красавица! Я тоже такой была, в молодости.

– Не такой, ты еще краше была, и сейчас красивее всех. Ты ведь видела, я с тебя ее только что рисовал.

– Ой, брось... Мне бы чуть-чуть здоровья, а то, не дай Бог, окончательно слягу... Женись, Малхаз, может, еще и с правнуками побалуюсь.

– Даже с праправнуками! – сиял Малхаз, он был предельно счастлив.

Вытирая руки разноцветной от красок тряпкой, он с восхищением и гордостью любовался творением; уже начал прибираться, и вдруг померкло в комнате: солнце скрылось за облаками. Он посмотрел на картину – и там чудное: вместо улыбки жизни – тревога застыла.

– Да что случилось? – заныло сердце Малхаза.

Вновь он взял кисточку, застыл перед картиной, и даже не знает, где и что ему исправить, что делать, может, все вымарывать, отчего же такое превращение?

– Малхаз, это, по-моему, к нам, – отвлекла его от гнетущих мыслей бабушка.

Действительно, гул моторов, голоса, уже в сених, по-хозяйски, настежь раскрылась дверь: молодой человек в камуфляжной форме, увешанный оружием всех мастей, за его спиной – Безингер.

– О-о! Мой юный друг! – воскликнул иностранец, отстраняя военного, склоняясь в дверном проеме; наполнил комнату приятными запахами, замахал большими руками. – Ты почему не приехал? О, здравствуйте, бабушка. Я столько дней жду тебя, ведь договор... – тут он застыл с раскрытым ртом, явно оторопел, даже лицо его побледнело; медленно подошел картине, провел пальцами по полотну, тронул раму. – Откуда она здесь? – наждачными нотками прошипел он. – Я спрашиваю, откуда?..

– Нарисовал, – боясь за картину, приблизился Малхаз.

– Сам нарисовал? – стал мягче голос Безингера. Он осмотрел заднюю сторону холста, потом, надев очки, в упор и на ощупь стал исследовать картину. – Какие линии... а тона, тени... Ты где учился? Я спрашиваю – рисовать? Нигде... Правильно, такому не научат, этот дар только от Бога... А с кого или с чего ты ее рисовал?

– Рисовал по рассказам деда. А образом служила одна девушка, но в процессе работы вот так у меня само собой получилось.

– Это не «само собой», – перебил его Бензингер. – Это знак свыше мне. Это она, моя прародительница! Это судьба! Я на верном пути! – воскликнул он, потом еще что-то стал шептать на непонятном языке, дрожащими руками сильно обхватив раму картину.

– О чем Вы говорите, какая прародительница? – привычная улыбка сияла на лице Малхаза.

– Это Ана!

– Что? Откуда Вы узнали? – теперь уже глаза Шамсадова изумленно смотрели на гостя.

– Все знаю, и гораздо больше тебя. Точно такой портрет, написанный более тысячи лет назад с натуры, с моей прародительницы, находится в моем родовом замке.

– Эта Ана не может быть Вашей прародительницей, – возмутился учитель истории. – Ана¹¹ – наша Богиня.

– Хе-хе-хе, – подобрел Безингер. – Что ты знаешь, мой юный друг? – теперь хлопал он по плечу Шамсадова. – Это, действительно, божество, но существовавшее на этой грешной земле. Она дочь князя, большого военачальника, родилась на рассвете – оттого Ана, в том месте, где начинается Алания¹², и впервые омыта в водах Аргуна, там, где река вырывается из теснины гор на равнину. Потом, когда Ана по воле судьбы стала принцессой Византийской империи и первой красавицей Константинополя, она в честь того, как ее ласкал в детстве отец, назвала себя – Ана Аланская-Аргунская.

– Откуда Вы все это знаете? – спросил потрясенный учитель истории.

– Знаю я многое, мой юный друг, но не знаю главного... Однако мне кажется, что наконец-то я у цели.

– У какой цели?

– Пойдем погуляем по горам, – и склонившись к уху Малхаза, – здесь ушей много.

Далеко уйти не смогли, на первом же небольшом подъеме у Безингера появилась сильная одышка, и тем не менее, чуть отдохнув, он, попивая виски из фляжки, закурил толстую сигару, долго любовался Кавказом.

¹¹ Ана (чеч.) – рассвет, Богиня утренней зари у древних чеченцев в язычестве

¹² Ал-Ани (чеч.) – вся равнинная территория севернее Кавказских гор у древних вайнахов называется Алания

– Не поверишь, мой юный друг, – с неким пафосом стоя на вершине горы, жестикулировал он, – я объездил почти весь мир, но красивее места не видел! Здесь первозданная дикость природы!

– Да, – гордился за свой край учитель истории, однако, выпить за него наотрез отказался.

– Ведь недаром считают Кавказ колыбелью арийской расы.

– Это легенда порождает расизм, – то ли с иронией, то ли всерьез сказал Шамсадов.

– При чем тут расизм? Мы говорим о науках, о бесспорных доказательствах лингвистики, истории, этнографии. А все легенды не беспочвенны. Ведь известно, что Ясон добыл Золотое Руно с помощью чародейки Медеи, греки отняли это сокровище у народов Кавказа и создали бессмертную цивилизацию.

– Да, – поддержал иностранца Малхаз, – с этими горами связано много легенд. Ведь, по преданию, Прометей, виновный в том, что похитил Небесный Огонь с целью передать его людям, был прикован к скале в горах Кавказа. И мой дед, неграмотный горец, точь-в-точь как описано в древнегреческой мифологии, рассказал эту легенду и даже показал эту скалу. Вон она, за тремя перевалами.

– Мы должны туда пойти! – аж вскочил возбужденный Безингер.

– Сегодня не успеем, – охладил пыл иностранца Малхаз. – Это на глаз все рядом, а идти в горах тяжело, многое здесь неприступно

– Какая завораживающая панорама!

Вид, действительно, был потрясающим. И хотя небо местами заволочило как будто взбитыми белогривыми облаками, воздух был настолько чист и прозрачен, что гряда снежных гор была как на ладони, и от нее веяло такой свежестью, легкостью и прохладой, что с веселым щекотанием ноздрей организм людей глубоко насыщался целебным кислородом, хотелось просто расправить руки и лететь, как пара грациозных орлов, изящно парящих над бездонным ущельем ревущего Аргуна.

Опьяненные природой, и не только, они, в основном Безингер, очень много говорили обо всем, но не о главном, и только, как говорится, найдя кое-какие общие знаменатели в историческом аспекте, стали на ощупь выдвигать свои идеи и гипотезы, более оперируя легендами и домыслами, нежели фактами: посему возник спор.

– Да что ты говоришь? – раскрасневшись от непонимания, а может и от спиртного, кричал Безингер. – Золотой Ковчег – это не тот библейский Ковчег Ноя. Это, теперь мне, да и не только мне, доподлинно известно – обитый золотом сундук, в котором хранится каменная плита, на которой выбит общий физический Закон, которому подчиняется вся Вселенная. Конечно, абсурдным выглядит предположение, что человек с его слабым умишком сможет объять Закон во всей полноте, но столь же абсурдно утверждение, будто все ведущие к Закону пути абсолютно недостижимы для людей. Совершенно очевидно, что одаренные особым умом, инстинктом или интуицией, а может быть и явившиеся из «другого мира» люди находили эти пути, продвигаясь порой чрезвычайно далеко в постижении Закона Вселенной, но эти знания, как я ответил, не могли быть в полном объеме, и человечество, будто бы идя к прогрессу и расцвету, самоуничтожало себя. Ведь мы свидетели краха многих цивилизаций! А сколько мы не знаем? И я боюсь, что человечество сейчас находится на очередной грани водораздела или полного коллапса, ибо вот-вот появится создание из «другого мира» – человек-клон, без души, но с разумом, и тогда что он натворит – неизвестно.

– Я думаю, Вы сгущаете краски, – улыбался Шамсадов.

– О чем ты говоришь? Ты-то ведь историк?!

– Да, историк, и историческая наука давно уже выявила закономерность зарождения, расцвета и краха цивилизаций. И все это объясняется не знанием каких-то небесных законов,

а простыми законами общественного развития – откройте любой учебник философии, и Вы многое поймете.

– О, мой юный друг! – с некоторой язвительностью произнес Безингер. – Ты говоришь о советском диамате?! Ты еще и учебники по воинствующему атеизму мне посоветуй прочитать!

– Атеизм тоже не читал, хотя «зачет» получил, но во всякие Золотые Ковчеги и Законы, хранящиеся в них, – не верю.

– Мой юный друг! – перебил Малхаза Безингер. – Сколько чудес на свете, сотворенных людьми, и уже тысячелетие все умы мира не могут разгадать загадку их созидания! Возьми, к примеру, египетские пирамиды.

– Прекрасно! – не в пример иностранцу улыбался Шамсадов. – Так ведь пирамиды есть не только в Египте, но и по всему свету, даже в Америке, куда знающий Законы доплыть не мог.

– Мог, и Хейердал, преодолев Атлантику на папирусной лодке, это доказал.

– Все это ерунда, – был невозмутим учитель истории, – и человечество не с помощью тайны какого-то сундука развивается и живет, а с помощью эмпирического наблюдения за самой природой.

– Вот именно, именно так, ведь Всевышний сказал: «Создал Я мир мерою, числом и весом», что означает существование общего физического закона, которому подчиняется вся Вселенная.

– И этот Закон в сундуке, а сундук в яйце, яйцо в игле...

– Не богохульствуй, господин Шамсадов, – перешел на официальный тон Безингер.

– Я не богохульствую, в Бога верю, – тоже стал серьезным Малхаз, – и соблюдаю все религиозные каноны, которые привил мне дед. Однако всякой ереси не приемлю. И тем не менее, хоть я и не разделяю их, но Ваши взгляды впредь буду уважать.

– Ну-ну-ну! Мой юный друг! – со светской манерностью произнес Безингер. – Не будем из-за вечных проблем бытия спорить. Не для этого я здесь, – и подойдя вплотную, взяв невысокого Малхаза за локоть. – Ты мне должен помочь, чуть ли не прошептал он, будто их кто-то мог услышать. – Я у истины. Все об этом говорит, в том числе и твоя картина.

В этот момент мощный порыв ветра так внезапно качнул их, что они ухватились друг за друга. Новый порыв был еще сильнее, до земли выстелил траву, заскрипел в лощине кустарник. Солнце скрылось за свинцово-тяжелой тучей, вмиг стало холодно и сумрачно.

– Пойдемте, – предложил Малхаз, – в горах погода быстро меняется.

– погоди, – удерживал его Безингер, он надолго присосался к фляжке. – погоди... Ты что думаешь, я просто так здесь мотаюсь? Ты должен помочь мне. Только ты это можешь.

– Что? В чем могу я Вам помочь? Я ведь нищий учитель!

– Ха-ха-ха! Это смешно Теперь ты не нищий. По крайней мере скоро им не будешь... Вот для начала тысяча долларов.

– Уберите, – отстранил руку гостя Шамсадов, – непогодой пахнет, пойдемте скорей.

– Подожди, мне надо с тобой поговорить, – настаивал Безингер.

Шамсадов не слушал, пошел вниз. Иностранец допил последние капли, бросил, как и все туристы, наугад пустую тару, испуганно глянул на резко нахмурившееся небо, заторопился; однако спуск не легче, чем подъем, не совсем трезвый Безингер упал, закричав «ой», к счастью на пологий спуск, а то покатился бы вниз до самого села.

– Стой, стой, дай договорить, – удерживал иностранец подоспевшего на помощь учителя истории. – Это очень важно.

– В горах с непогодой шутки плохи, – беспокоился Шамсадов.

– погоди, это очень важно. Тебе интересно будет. Это касается темы твоего исследования, Хазарии.

– Я этим уже давно не занимаюсь, отбили охоту.

– А судьба Аны... интересна?

Как вкопанный встал учитель истории.

– Слушай, – догнав его, чуть ли не на ухо, стремясь перекричать усиливавшийся ветер, говорил Безингер. – Я буду краток, тезисами. Это чисто моя хроника, но над ее составлением мучился не только я, но и мои предки. Начнем по порядку. Вероятно, Моисей перед исходом из Египта похитил Золотой Ковчег.

– Сундук? – съязвил Малхаз.

– Пусть будет сундук... Только не перебивай больше... Так вот, лишь из-за этого, а не из-за чего-либо другого, фараон яростно преследовал евреев, не желая выпускать их из Египта. Вероятней всего, Ковчег попал в Иерусалим, и царь Соломон, как гласит предание, «обладал всей мудростью египетской», и тем не менее он мало что извлек из нее, а потом вокруг Иерусалима были жесточайшие битвы, и происходит расцвет исламской цивилизации после обретения Иерусалима, и тот же расцвет западной цивилизации, когда, позже, Иерусалим захватили христиане.

– Так Иерусалим и сегодня поделить не могут, – усмехался Шамсадов. – Все сундук ищут?

– Не смейся над чужим недомыслием. А «сундук», как ты его называешь, хранился всегда у потомков Моисея, но разгадать его тайну не просто, и они его не поделили, переругались и разбежались: одни ушли на Запад, в Европу, другие на север, и с ними, по всей вероятности, этот «сундук» попал в Переднюю Азию и хранился где-то в горах. Обладая мизером знаний Золотого Ковчега, евреи на любом новом месте быстро обогащались. Это не нравилось, и сасанидская Персия их стала преследовать, отчего евреи частично перебрались в соседний Константинополь и, спровоцировав конфликт, потеснили Персию, да так, что гора, где хранился Ковчег, оказалась на территории Византийской империи. Но и эта идиллия длилась недолго, всего два-три века, и в начале десятого века началось преследование евреев императором Лекапином, который ими же самими был взращен и посажен на трон с помощью интриг и очередного переворота.

– И после этого нашли новое пристанище у своих северных единоверцев в Хазарии, – не выдержал Шамсадов.

– Да, это известный факт.

– А сундук? – выдал Шамсадов свою заинтригованность.

– Вот тут как раз и скрывается самое интересное. Доподлинно известно, что этот «сундук»... гм, кстати, спасибо, мой юный друг, что ты его так окрестил, это удобно для конспирации...

– У нас, мусульман, не крестят, – улыбнулся Малхаз.

– Ну, это к слову. А вообще-то Бог един, и с этой истины надо рассматривать всякую веру, но не религию...

– И все-таки вернемся к сундуку, погода резко портится.

– Да... Так вот, – Безингер достал из огромного футляра сигару, – этот сундук, как теперь мне окончательно стало известно, находится здесь, в горах. В письме-завещании, которое многие поколения моих предков хранили как святыню, написано: «...в пяти форсатах ночью на восток от Ворот Азии». Форсат – это по древнему измерению день пути. А вот Ворота Азии не могли понять, все искали от Тамани и Босфора до Бейрута и Суэца, пока я, совершенно случайно, когда о вас, чеченцах, стали во всем мире говорить, стал присматриваться к вашему языку. И тут все ясно: Ворота Азии – на чеченском Кавказ, а эти ворота не что иное, как Дарьяльское ущелье, Терек, три дня пути и Аргун.

– От Терека до Аргуна можно и за день дойти.

– Ты пробовал? А я знаю, что нет. Это по карте да по равнине просто так можно пройти, а по горам, тем более с сундуком, и еще, сказано, ночью, скрыто от всех. Понял?

– Понял, что все это брехня.

– Хе-хе, «брехня». Что это за слово?

– Неправда. – отчего-то, скорее всего от стремительно надвигающейся непогоды, стал раздраженным Малхаз, но Безингер будто бы этого не замечал, был по-прежнему любезен.

– Все это, мой юный друг, и было бы «брехня», если бы во многих письмах-отчетах о походах не говорилось об Аргунском ущелье и о тех поселениях, названных в твоих публикациях, – Варанз-Кхелли и Хазар-Кхелли.

– Да... Как рассказывал дед, Варанз-Кхелли – целый город в горах, со всей инфраструктурой и армией, и этот город за одну ночь захватили евреи, всех вырезали, оставив в живых только одну женщину и ее мужа.

– Верно. А знаешь, кто была эта женщина? Я теперь догадываюсь: ее звали Аза – младшая сестра Аны.

– Вы хотите сказать, что Ана имела отношение к сундуку?

– Да, именно так, и она и сундук бесследно исчезли. И не одна экспедиция, не один поход в течение нескольких веков были совершены в горы Кавказа – но все бесполезно, сундук бесследно исчез.

– Правильно, исчез, потому что его и не было. Все это фантасмагория, плод больного воображения и желание быть «избранным Богом», то есть всеми повелевать.

– Шамсадов, – перешел на официальный тон иностранец, изменяясь в лице, – твои слова – слова антисемита.

– Извините, я не хотел Вас оскорбить, тем более, я не знал, что Вы еврей.

– Нет, я не еврей. Я говорил, что я потомок Аны, хотя мои далекие предки воспитывались в еврейской среде... И мне известно, мой пращур был вывезен с Кавказа в Европу, видимо, как заложник Тайны.

– Тогда, по-Вашему, получается, что мы чуть ли не одних кровей, – нотки восторга прозвучали в голосе учителя истории.

– Получается так. Хотя все мы дети Адама и Евы. А если честно, у нас в роду было столько смешения крови, что теперь понять, кто я – весьма затруднительно, и я просто стал гражданином Америки, потому что там родился.

Между тем, пока собеседники очень медленно спускались, день совсем померк, стал неласковым. И не только дальние горы, но и село, что под ногами, будто в тумане. Ветер был не такой свирепый, как на вершине, но все же порывистый.

– Поторапливайтесь, – умолял Малхаз, оглядываясь с тревогой, – а то непогода застанет в горах, скажете – мы не гостеприимны.

– Кстати, о гостеприимстве, – бесшабашно вел себя Безингер, – вы ведь славитесь этим! Подари мне картину, я в долгу не останусь.

Учитель истории призадумался: есть традиция; и в это время, совсем рядом, как шаркнула молния, Безингер, будто срубленный столб, свалился, на каком-то языке крича, покатился вниз. Еще молоденький граб, что тянулся ввысь у тропинки, словно клин всадили, раскололся, зарделся пламенем.

У подножия, на околице села, навстречу бежали обеспокоенные сопровождающие Безингера, сюда же по рации вызвали джипы. Однако иностранец уезжать не желал, отведя в сторону Малхаза, он сунул ему пачку денег.

– Десять тысяч за картину, – страстно шептал он на ухо.

– Нет, – отпрянул учитель истории.

– Сто! – крикнул приезжий; в оглушительном громе ответ растворился, но по глазам учителя Безингер понял. – Да что ты, Ван Дейк или Рафаэль? – стал трясти он маленького Малхаза.

Шквалистый ветер, и принесенный им косой, колючий ливень хлынул с небес. Даже на расстоянии протянутой руки ничего не видно. Безингера еле затолкали в машину, он заставил рядом сесть и Шамсадова, подъехали к дому, и иностранец, словно к себе, оставляя шматки грязи и мокрый след, ввалился в дом; с обвисшими плечами, весь мокрый, с прилипшими ко лбу волосами, страшный, встал перед картиной.

– Так сколько ты хочешь? – кричал он то ли учителю, то ли самой картине.

Молнией озарилась комната, грохочущий гром, будто гора свалилась, сотряс хилую хибару, гулом прокатился по крыше, настежь раскрыл все окна и двери, жалко зазвенело стекло.

– Я не торгую ею! – перекрикивая стихию, чуть ли не фальцетом от напряжения, закричал Малхаз.

Но Безингер, уже никому не внимая, ошарашенный то ли стихией, то ли картиной, гладил пальцами изображение руки женщины.

– Она живая, живая! – как сумасшедший, шептал он, пока охранники буквально на руках не вынесли его на улицу, и оттуда он что-то кричал, но все померкло перед бурей.

Наутро всем селом подсчитывали причиненный урон, почти на всех старых домах крыши словно сдуло, и только крыша дома Шамсадова цела – ни единый черепок с места не сдвинулся. И что еще удивительно – смерч облизал местность узким «языком», и почему-то их село оказалось в эпицентре. В тот же день пришла весть – вчерашние гости где-то недалеко, между Гучум-кале и Борзой, попали под придорожный камнепад, есть покалеченные, иностранец не пострадал, но, говорят, божился, что больше в эти места не сунется.

Сам Безингер, действительно, больше «не сунулся», но буквально через день прибыл какой-то интеллигент в галстуке, то ли советник, то ли помощник, то ли черт знает кто при президенте, словом, упрекал Малхаза в негостеприимстве и вначале требовал отдать «мазню», потом просил продать великому благодетелю земли Чеченской Безингеру – тщетно, и тогда, еще через день, высадился с вертолета десант – гвардия президента, точь-в-точь вооруженные бандиты из фильмов, только обросшие не в меру. И на сей раз маленький учитель истории улыбался, но любезности не проявил. Ожидался «штурм» – сельчане стали стеной; пронесло. И тогда в ход пошли иные методы: дважды, вначале днем, потом ночью пытались просто выкрасть картину; днем заметила соседская детвора, подняла гвалт, а ночью бабушка не спала, все молилась, крикнула Малхаза, он за топорик у изголовья – тень, уже занесшая ногу в проем окна, скрылась.

И тут директор Бозаева подсказала: «Нарисуй копию, пусть подавятся» – как раз вовремя. Нагрянула в село целая делегация духовенства из самой столицы. Оказывается, изображать людей не по-мусульмански, тем более женщину, да такую – совсем пошлость, если не развратность; и наверняка из-за этих художеств здесь смерч был, а что еще будет... Однако местный мулла, родственник Шамсадова, осадил гостей, сказав, что ни сам Малхаз, ни в его роду на семнадцать колен пошляков и развратников не было, и нечего духовенству мирскими проблемами заниматься – Малхаз хозяин, ему решать, а село его в любом решении поддержит.

Тем не менее, не так просто поднаторевшее духовенство – осели слова приезжих на благодатную почву. Кто-то из рода Сапсиевых поддержал их, мол, так оно и есть, одни беды в селе, как языческая, а может и вовсе христианская, картина появилась, и вообще Шамсадов бездельник, до сих пор не женат, весь в долгах, не знает, что гость в горах – святое, даже отца-покойника под нары задвинь, а гостю честь окажи. Однако учитель истории имеет светское образование и знает русскую поговорку – «Незванный гость – хуже татарина»;

тем не менее, он чтит традиции: подчиняясь уважаемым приезжим, в последний раз демонстрируя картину, отдал ее.

– Вот, сразу видно – истинный мусульманин! – окончательный вердикт приезжих.

– А эта на Эстери похожа, – шепнула на ухо Малхазу Бозаева, когда делегация уезжала, и как бы между прочим, уже громче. – Бедная девочка: развелась.

– Как?! Эстери развелась? – резко изменился в лице учитель истории, выдавая потаенные чувства.

– Да, мальчика отец ей не показывает... Погубили родители девчонку.

Поручив бабушку соседям, на следующий день Шамсадов поехал в Грозный и тем самым избежал новой встречи с радетелями горского гостеприимства. На сей раз два вертолета, нарушая покой, поднимая клубы пыли, сели рядом с селом. И вновь Бозаева проявила женскую смекалку: пока высаживался «десант», поручила сыновьям осторожно перенести картину в свой дом. Посланцы – тот же советник, те же гвардейцы и те же старцы – сходу проникли в дом Шамсадова, ни с чем вернулись к вертолетам и вновь направились в село, только теперь впереди них был сам Безингер: он все-таки наведался в эти края, небось страсть довлекла... А копию беспардонно вернули.

– Так отдали мы вам картину, чего вы еще хотите? – возмущались сельчане наглостью приезжих.

– Картина не та, не живая, – отвечал советник-помощник.

– А как картина может быть живой?! – захохотали местные и попросили гостей убираться.

Так бы и улетел «десант» ни с чем, да нашелся сердобольный житель – Сапсиев: видел он, как сыновья Бозаевой огородами что-то обернутое в мешковину несли, наверняка картину.

Бозаевых в селе не перечесть, а тут сама Пата встретила непрошенных гостей у ворот, подбоченясь.

– С миром пришли бы – гостями были бы, – констатировала она, будто перед ней первоклашки, – а раз с автоматами, то у меня вам делать нечего. И вообще, – кричала она ретировавшимся приезжим, – чем женскими картинами заниматься, лучше бы об образовании детей думали... Ублюдки продажные, за доллар как пресмыкаются, все покоя им нет, не только женщину с картины, но и нас бы продали.

А Малхаз в это самое время, наверное, уже в десятый раз обходил квартал, где когда-то жила Эстери. Телефоны давно не работали, кого-либо спросить – некого, город пуст, уныл, везде грязь. И люди какие-то подавленные, без улыбки, серые, никто никого не знает, все друг друга боятся, кто без оружия – чуть ли не перебежками перемещаются. Здесь не до чувств. И даже Дзакаев, у которого Малхаз остановился переночевать, по-прежнему пьет, но не пьянеет, нельзя, автомат у изголовья, в любой момент ворваться могут. И говорит он только о плохом, что есть; о чем еще говорить, если столица давно без электричества, во мраке; а ночью такая тоска, лишь автоматные очереди заставляют еще больше под грязным одеялом ежиться.

Так и не повидав Эстери, вернулся учитель истории из угрюмого города – вновь его губы довольно вздернулись: хотя автоматчики и сюда добрались, а все-таки какое счастье иметь родовой надел, среди родных жить, свою картину видеть!

– Что ж ты все улыбаешься? – журила его Бозаева, видя, как учитель истории картиной любит. – Думаешь, они еще не вернутся? Теперь не отстанут... А картину забери, она действительно как живая. Вчера муж полчаса перед ней стоял, пока я не пристыдила. Я всю ночь не спала, будто она подсматривает. И лицо у нее странное, порой улыбается, а порой – нет. Вот ты приехал – аж засияла... может, солнечный свет так влияет... А та копия совсем не то, я специально вчера сравнить ходила... Вовсе не то, нет в ней души, как в этой.

И похожа та картина на Эстери, такая же ныне убогая... Бедняжка, теперь в школе учительствует; зарплаты нет, да-а...

– В какой? – перебил ее Малхаз.

Будто великую тайну ему поведали – ошастливили учителя истории. Хотел он уединиться в горах, где осенней тоской тянулись леса, дабы обдумать порядок дел, но в селе, как обычно, дел невпроворот. Вначале помогал он соседям с дальних покосов сено везти, и пасека ухода требовала... Только в поздних сумерках забрался он на близлежащую вершину – солнце скрылось за горами, но еще горит алым заревом запад, а остальной небосвод уже покрыт пурпурно-фиолетовым полупрозрачным флером, сквозь него едва-едва обозначились несколько ранних звезд, и тоненькая, покрытая дымкой, бледная луна застенчиво на него одного смотрит, и кажется ему, что как эта луна три ущербные женские судьбы: бабушка, Ана с картины и Эстери, только под его опекой существовать смогут. И не тяготят его эти заботы – наоборот, он счастлив и даже горд, вот только если с живыми проще – они говорить могут, то как быть вроде с неодушевленной, но такой же живой картиной, ведь не оставят ни ее ни его в покое, на все что угодно пойдут, а в селе такую огромную картину спрятать негде – кто-нибудь все равно проболтается.

После долгих, очень долгих, раздумий и колебаний решил спрятать картину в одной сухой чистой пещере недалеко от села, куда никто, даже местные, не заглядывает, боятся – суеверный страх, и только его дед там частенько бывал, рассказывал, что эта пещера в годы гонений советской властью единственным убежищем служила.

Дважды, под покровом ночи, Малхаз ходил в пещеру: в первый саму картину отнес, а во второй два археологических кувшина, в одном зерно, а в другом вода, чтобы Ана не нуждалась. И хотя этот ритуал сопровождал хазар в загробную жизнь, он ее совсем не хоронит, просто ему кажется – так надо.

Глубоко за полночь учитель истории вернулся домой, усталый, только собирался лечь спать, а в окно, вроде он и не заметил, застучал тоскливый дождь.

– Одиноко ей там, вот и плачет, – раздался из темноты голос бабушки, раскрывая все его секреты, и чуть погодя. – Ничего, ей не привыкать в пещерах жить, переждать надо.

– Бабушка, откуда ты узнала, – сбросил одеяло Малхаз.

– Дурачок, мы с покойным дедом все ценное там прятали. А ценное-то что? Мешок кукурузы, чтоб дети зимой с голоду не померли. Так наше добро там и осталось, а нас, как кулаков, в Сибирь; потом, как чеченцев, снова в Сибирь; из пятерых детей одного твоего отца оттуда привезли, и того больного... Хм, и ты знаешь, как ни странно, много-много лет прошло, дед пошел в нашу пещеру, а мешок кукурузы – будто вчера положили. Эта наша пещера – Нарт-Бат¹³ – хорошая пещера, а в те дальние пещеры, где Прометея к скале приковали, – не ходи, там люди гибнут, там и Ана по преданию пропала, в тех местах мужчинам быть нельзя, там только мехкари¹⁴ в древности обитали. Лишь раз в году, по весне, эти мехкари из горных лесов на игрища с мужчинами приходили, и если после этого рождался мальчик – то его отдавали мужчинам, а если девочка – оставляли себе. И вот, легенда гласит, была в какое-то время предводительницей мехкари красавица Астар а у нее три дочери, и самая красивая – Малх-Азни¹⁵. И когда стала Малх-Азни девушкой, повели ее впервые на весенние игрища, и там встретился ей вюззин кьонах¹⁶ – Алтазур, полюбили молодые друг друга с первого взгляда, и скрыто увез молодец красавицу на равнину, в Аргунскую Аланию. Пыталась Астар вернуть дочь – тщетно, Алтазур был могуч, да и Малх-Азни расставаться с любимым

¹³ Нарт-Бат (чеч.) – Нарт – богатырь-великан в алано-нахском эпосе, Бат – голова

¹⁴ Мехкари (чеч.) – в древности – амазонки, современное – незамужние девушки

¹⁵ Малх-Азни (чеч.) – богиня Солнца

¹⁶ Вюззин кьонах (чеч.) – благородный витязь

не желала. И тогда Астар прокляла дочь, а Алтазуру обещала, что только дочери у него будут. Так и случилось, подряд семь дочерей родила Малх-Азни, и самая старшая – золотоволосая красавица Ана. И хотя в те времена такой военачальник, как Алтазур, а в основном чеченцы конниками были, мог иметь, сколько хотел, жен и наложниц, свое ложе Алтазур до смерти не поменял, правда, до нас дошло: усыновил он подкидыша, Бозурко называли.

Сильней завыл ветер в печи, ставни тоскливо заскрежетали, участились и забили крупной каплей дождя по крыше и окну, где-то рядом, видимо у самой околицы, завыл волк, дружным брехом ответили сельские собаки.

– Ух, как непогода разыгралась! Не нравится Ане это воспоминание.

– Нет-нет, говори, – стал умолять Малхаз.

– Нельзя, вдруг снова буря будет.

– Да что ты, бабушка, расскажи. Что ж ты в языческие суеверия веришь?!

– Ой, устала я, внучок... И не знаю я многого, да и никто не знает... небось, только Ана... Ты погоди, она тебе многое расскажет, неспроста она объявилась... А тебе, внучок, жениться бы надо, неужели не доживу я до этого?

– Доживешь, бабуля, доживешь, – недовольно засопел Малхаз, вой ветра и дождь на него тоже нагнали непреодолимую сонливость, с головой полез он под одеяло, и глубокий сон увел его на тысячу лет назад...

Утро было солнечным, тихим, для ранней осени теплым, но уже цветастым: запестрела листва. О ночной непогоде напоминали только многочисленные капельки, что блестели, будто летом роса. На нескольких машинах, что имелись в селе, поутру по делам уже выехали. А Малхаз проспал, и теперь приходилось идти пешком до Итум-Калинской дороги. На перевале перед Аргуном он остановился, обернулся. Судьба наградила его зоркостью: из трубы бабушкиного дома еще валил дым, а чуть в стороне, под уже краснеющим листвою кустарником, прямо над ложиной – вход в пещеру, где его дорогая картина. Нынче же ему надобно торопиться в Грозный, повидать Эстери.

«Эх, были бы они все вместе со мной под одной крышей – вот бы было счастье!» – все назойливее эта мысль крутилась в голове, и от этого Малхаз сам себе улыбался.

В дороге ему повезло. Без пересадок знакомый из соседнего села к полудню довез его прямо до школы в Грозном. Он много лет не видел Эстери, ноги у него тряслись, сердце замирало, и он не знал, как подойти и с чего начать, но и тут удача ему сопутствовала. Пока он в нерешительности стоял на школьном дворе и вроде осматривал здание, на разбитом пороге появилась мечта – Эстери, очень бледная, лицо осунувшееся, но фигура стала более женственной – она выглядела еще выше, еще крупней, еще прекрасней.

– Здравствуйте, Малхаз Ошаевич, – на русском крикнула она, будто вчера расстались.

Потом говорили о том о сем, в духе преподаватель – студентка-практикантка, и когда обыденные вопросы закончились, наступила неловкая пауза. Только увидев, что Эстери уходит, учитель истории набрался мужества.

– Можно я тебя провожу? – попросил он, с надеждой взирая снизу.

Какая-то еле уловимая тень пронеслась по ее лицу, она чуть зарумянилась, даже бледные губы зарделись; но не ответила, лишь кивнула; и всю дорогу разговор не клеился, оба поняли, что отношения вмиг вошли в новую стадию, университетское панибратство закончилось, стали взрослыми; что он хочет – и так по лицу видно, а что хочет она – не понять; и лишь стало ясным одно: между ними сразу возникло столько условностей, что преодолеть их будет непросто. Малхаз шел и думал, будто ей неловко с ним, невысоким. А Эстери думала: он еще не был женат – по традициям гор она, разведенная, да еще с ребенком, ему конечно не пара; да и внешне они не подходят...

И все равно, уже сухо расставшись, Малхаз, пересилив себя, окликнул Эстери, и, подойдя вплотную, чуть ли не жалобным шепотом, вымученно улыбаясь, попросил:

– Эстери, позволь мне видеть тебя.

То ли грустно-мечтательная печаль, то ли улыбка застыла на ее лице, до боли напоминающая женщину с картины.

– Конечно, – заблестели на блеклом лице красивые зубы. – Я так хочу... узнать историю об Ане.

– Ты узнаешь ее! – воскликнул учитель истории.

* * *

Как говорят историки, история человечества – история войн. Как считают экономисты – война самая доходная авантюра. Как утверждают гуманисты – в итоге каждой войны заключается мир, ибо больше грабить нечего, и необходим срок не только для воспроизводства человечества как цели насилия, но и время для нового накопления – одними, для проедания награбленного – другими, просто для земной обыденной жизни – третьими. И как ни парадоксально, во все времена, будь то война или мир, всегда процветает одно – торговля, то есть обмен, и не всяким барахлом, а только стратегическим на данный исторический момент товаром. И если, например, в XX веке таковым всеобщим эквивалентом международной неприкосновенности является нефть, то во времена раннего средневековья таковым являлся шелк, из-за которого одни несметно обогащались, а другие, в том числе и казна могущественных империй, опустошались. И был Великий шелковый путь, по которому в те времена эти богатства перемещались, и никакие коллизии не должны были препятствовать прохождению встречных товаров по этому пути, ибо не только торговцы и их помощники, но и все находящиеся на этом пути страны и народы получали свою долю дохода, и долю немалую, так как дороже шелка, что украсит убранство и покои избранного человека, – не было; словом, шелк – фетиш того времени. И так сложилось исторически, а главное, чисто географически, что пересекая с юго-востока на запад, север и северо-запад весь евразийский континент, Великий шелковый путь, пересекая Кавказ, мог проходить только через «ворота ворот» – древнюю крепость Дербент. Правда, был еще проход – Дарьяльское ущелье, но богатые купцы чурались дискомфорта и ни к чему им эти головокружительные серпантины со всевозможными стихийными катаклизмами высокогорья; пусть лучше голова кружится от баснословных сделок и неизменно следующих за этим сказочных оргий. И чтобы весь этот отдых после долгого пути был приятным и главное безопасным, на стыке Европы и Азии, именно в Дербенте, персидским шахом был построен караван-сарай¹⁷. Потом, чтобы варвары с севера не проникали в Закавказье – от Кавказских гор до волн Хазарского моря¹⁸ построили стену из сырцовых кирпичей, которую гунны и народы Северного Кавказа легко разрушили. И тогда иранский шах Хосрой Ануширван в течение десятка лет воздвиг основательную каменную стену с башнями и цитаделями. Это великое строительство завершилось в 567 году, и именно в то же время те же иранские архитекторы в продолжении караванного пути, в шести форсатах на север, для переправы через большую реку Терек воздвигли вместо ежегодно по весне разрушаемого деревянного моста каменный мост и на противоположном берегу заложили новый каменный караван-сарай для купцов, а вокруг него, ввиду дороговизны издалека привозимого камня, соорудили огромную восьмиугольную крепость из местного сырья – глины; так ее и называли – Самандар. Здесь же, ввиду благоприятных природно-климатических и географических условий, сложился роскошный восточный базар и постепенно осел местный разноязычный люд, образовав большой город – столицу Хазарского каганата. Как ранее отмечалось, по нашествии арабских завоевателей верховный каган

¹⁷ Караван-сарай (персид.) – караван дворец

¹⁸ Хазарское море – Каспийское

переехал в северную столицу – Итиль, тем не менее Самандар своей степенности не утратил, по площади, своему географическому положению, численности войск и жителей, товарообороту и стратегическому положению он значительно превосходил северную столицу, и на многие тысячи верст вокруг него не было поселения равного масштаба, вплоть до Константинополя. И хотя в старине, красочности, урбанизации и грандиозности архитектуры Самандар столице Византии многократно уступал, в то же время этот город был просторным, чистым, уютным, благодатным, и поэтому назначаемый в Самандар тудум¹⁹ должен был при прочих равных достоинствах всучить в два-три раза больше взятки правителям каганата, нежели даже тудум, назначаемый в Итиль. Если в пору становления и расцвета Хазарии каждый тудум являлся лидером и авторитетом на данной территории, что характеризовалось как признак местного самоуправления, то с веками верхушка каганата погрязла в казнокрадстве, во взяточничестве, и вместе с этим появились имперские замашки, вплоть до того, что на периферию присылали из столицы неизвестных наместников, в обязанности которых входили контроль и надзор за местным управлением и исправным поступлением соответствующих налогов.

И вот случилось ожидаемое, народы Северного Кавказа, которые когда-то сами сплотившись создали Хазарию и ее столицу Самандар, с течением времени оказались не только на периферии империи, но и попали в вассальную зависимость Итиля. Последовало недовольство, потом бунт и даже покушение на погрязшего в разврате тудума, и тогда был прислан новый тудум Язмаш, и вместе с ним двухтысячная армия наемников, сплошь состоявшая из азиатских кочевников-тюрокитов.

За год правления Язмаш восстановил некий порядок, по крайней мере, поступление налогов стабилизировалось, однако о прошлом безоговорочном подчинении и речи не могло быть; со времен арабского нашествия северокавказские народы поняли, что от Итиля кроме сбора податей ждать нечего, и, несмотря на противодействие каганата, на юге империи сложилось несколько мощных этнических группировок, опиравшихся на собственные вооруженные формирования. Среди них – очень сильная, фактически автономно от каганата существовавшая армия под руководством уже прославленного военачальника Алтазура. И как бы не хотели в Итиле, и как бы не старался ставленник Итиля Язмаш, на юге Хазарии и в самом Самандаре авторитет Алтазура был беспрекословным, и даже мировые судьи, вынося свои решения, должны были слушаться не только требований Язмаша, но и считаться с мнением Алтазура, а иначе могли лишиться не только права судить, но и всего прочего, вплоть до жизни.

При назначении в Самандар Язмаш, при прочих условиях, согласился с предписанием ликвидировать Алтазура и его конницу. Да одно дело сказать – другое сделать. Сам Язмаш, человек немолодой, коренастый, крепкий, злой, уже давно не на словах, а на деле был знаком с Алтазуром, и подсознательно, как жестокий человек боится сверх своей силы, боялся Алтазура и знал, каков Алтазур в деле и в бою.

С десяток лет до назначения Язмаша тудумом, пользуясь расхлябанностью правителей Хазарии, печенеги-кочевники и волжские булгары с запада и с севера не раз вторгались в пределы каганата, опустошая поселения, угоняя скот и людей, порабощая последних. Желая положить этому конец, Итиль привлек десяти тысячную армию азиатов-наемников. В двух сражениях хазарские наемники потерпели поражение. Некоторые полегли на поле брани, другие были пленены или просто бежали, и только треть вернулась назад; несмотря на поражение, наемная армия потребовала оплаты за услуги. А в те времена в Хазарии, да и не только в ней, в случае поражения наемников уничтожали. На сей раз в Итиле не нашлось достойных сил противостоять наемникам, ибо собственная армия тоже состо-

¹⁹ Тудум (тюрк.) – наместник

яла из тюркитов-наемников. В конечном итоге наемники окружили Итиль. И тогда осталась одна надежда – южная исконная столица Самандар. Тогдашний тудум Самандара бросился на помощь Итилю, и на подступах к столице в голой степи встали лицом к лицу две армии. Как принято по традиции, вышли по богатырю с обеих сторон на поединок, долго бились насмерть, одолел наемник-тюркит, срубил он голову с поверженного, водрузил на копье и повел за собой в атаку ликующее войско. Наголову были разбиты хазары из Самандара, а после наемники камнеметами бросили в осажденную крепость Итиль отрубленные головы тудума и богатыря, как символ победы.

Над существованием каганата нависла явная угроза, через посредников осажденные, желая откупиться, предлагали огромную сумму, уже в тысячу раз превосходящую им обещанное жалование, но наемники вошли в раж, почувствовали вкус близкой победы и хотели отобрать все, в том числе женщин, детей, не говоря уже о жизнях мужей.

Почувствовав, что власть на волоске и что наказания ждать неоткуда, в «разношерстной» Хазарии поползли шатание и разброд. Многочисленные рабы, наемники, пришлые люди, просто бедные и этнически притесненные, так называемые черные хазары, воспрянули духом, прямо или косвенно стали поддерживать восставших. Начались разбои и грабежи. В первую очередь стали страдать влиятельные заморские купцы, а потом местная знать. Словом, восстание во все времена смута, и погрязшая в разврате, кумовстве и воровстве империя должна была рухнуть.

Однако есть личности, несколько меняющие ход истории. В Самандаре бросил клич некто Алтазур – молодой витязь, младший брат поверженного богатыря. Знать южной столицы оказала ему поддержку, ополченцы, сплошь состоящие из представителей народов Кавказа, встали в его ряды. Торопился Алтазур к схватке, древний адат²⁰ призывал к мщению, да умудренные старцы остудили пыл витязя – месть и ярость не лучшие попутчики в жизни, и не сила важна, а разум и правое дело. По совету опытных воинов выслали вперед лазутчиков и разведку, провели в притеркской степи не один раз полевые маневры. Поставив под знамя Алтазура своих сыновей, черкесский князь подарил ему своего лучшего скакуна, дагестанские князья – замечательную кольчугу и шлем, а осетинский князь – сказочный меч, драгоценный подарок шахиншаха Ирана.

И повел Алтазур многотысячное войско на Итиль. И как ранее, встали две армии друг против друга, только на стороне наемников теперь стало в три раза больше голов – всякое отребье на наживу сбежалось.

Как и прежде, выехал на огромном черногривом коне богатырь наемников – как и конь, весь он в доспехах. Султанчик на голове коня и шлем кочевника в лучах знойного солнца блестят золотом, а поверх них в такт аллюру игриво виляют разноцветные перья диковинных птиц. Откормленный здоровенный конь и такой же всадник победно гарцуют под все возрастающий одобрительный дикий рев кочевников.

– Где этот молокосос, что отомстить мне хочет? – на всю степь заорал богатырь-наемник. – Выходи! Вот на это копье я его голову сейчас насажу.

Битва в степи – грандиозное представление, где каждый – и участник, и зритель; и бой богатырей – как волнующая прелюдия, от исхода которой во многом зависят дух и настрой дальнейшего аккомпанемента.

Выехал Алтазур из строя, напротив кровника остановил коня, а дрожь в теле не унимается, и кажется, что и конь под ним так же дрожит. Пот течет по нему ручьем, заливают глазницы, и в мареве прикаспийской пустыни вся орда волнообразно плывет, ревет, сотрясает копьями и мечами... В блестящих щитах врага отражаются тысячи солнц и слепят его

²⁰ Адат – свод законов народов Кавказа

глаза... И все эти треволнения, отражаясь в сознании, создают перед ним образ не простого братоубийцы, а какого-то людоеда-великана.

Видимо, почувствовали соратники состояние Алтазура, дружно воскликнули за спиной. Этот громогласный хор как живительная влага окатил его тело, он обернулся и, увидев за спиной дружную рать, в мгновение воспрянул духом и подумал, а чем он не нарт, если рядом братья-кавказцы!

– А-а-и! Байтмал²¹!!! – не без актерского позерства и бравады воскликнул Алтазур и, не думая о жизни, а мечтая лишь не опозориться в глазах соплеменников, ринулся в бой.

Как любая гениальная увертюра, этот поединок был в буквальном смысле искрометным, по-звериному зрелищным, варварски азартным и жестоким. С первой же атаки со скрежетом схлестнулись длинные тяжелые копья; ударившись о щиты, не сдаваясь, под напором воспрянули ввысь, а кони на скаку столкнулись грудью, и мощный конь кочевника чуть подсадил стройного коня Алтазура, сбил с намета, споткнулось верное животное, полетел Алтазур в ковыль, аж песок в зубах заскрежетал. Не успел он от внезапного кульбита сориентироваться, как грозный топот стал надвигаться со спины. «Нет, не голову терять, а мстить я сюда вызвался», – током прошиб бойцовский дух. Краешком глаза он увидел надвигающиеся огромные конские ноги в латах, а перед ними жалом сверкающий наконечник копья. До последнего выждав, Алтазур бросился в сторону, на лету обнажая меч, – одно копыто, как срубленный нарост, плюхнулось наземь, даже не обагрилось, здоровенный конь врага как-то жалобно фыркнул, ткнулся мордой в песок, перевернулся, всей тяжестью подминая всадника...

Голову братоубийцы поднял над собой Алтазур. Ополченцы Кавказа с бесшабашным азартом ликующих зрителей, дабы разделить лавры и счастье победителя, ринулись в атаку, будто на сцену, оттесняя к приморским болотам подавленного, сбитого прелюдией врага.

...Конечно, первое сердечное обещание кагана назначить Алтазура наместником Самандара, почитать братом-спасителем и прочее, вскоре после того, как страсти улеглись, – забылось, и в Самандар за взятку назначили тудума по прежнему принципу – из своего окружения, с верными обязательствами, однако сколько бы наместников с тех пор не поменялось, авторитет Алтазура с годами только крепчал, и теперь не только на юге Хазарии, но и в соседних странах, вплоть до Крыма, Иберии, Армении и Албании, ощущались его влияние и связи.

В Итиле эти обособленность и автономность все больше и больше не нравились, и вот, наконец, вроде нашелся смелый, хотя и небескорыстный человек, Язмаш, который гарантировал, что став тудумом Самандара вмиг уgomонит Алтазура.

– Не уgomонить, а устранить, – шептали ему сановники Итиля.

– Как угодно! – бравировал Язмаш, да уже год прошел – ничего не меняется, в открытую на Алтазура не попрешь, на провокацию он не поддается.

И волей-неволей почти ежедневно думая об Алтазуре как о сопернике, и без того узкие глаза кочевника Язмаша, чьи родители совсем недавно перебрались с берегов далекого Енисея к Итилю, теперь и вовсе до невидимых сощуриваются, лишь черные, злые искорки в них горят. И ныне в них не только ненависть, но и что-то иное, по-звериному хищное: дочери у Алтазура подросли, красоты невиданной. И знает Язмаш, что грузинский принц и сын великого визиря всей Хазарии к ним сватались; вначале Алтазур дипломатично отвечал что дочери еще малы, а потом – как сами решат, а дочери что решат? со всеми надменны, как и мать, дерзкие амазонки.

Тем не менее, в глубине души Язмаш надежды питает, дочерьми Алтазура, особенно старшей, грезит. И до того дошло, что за кое-какие услуги доставили ему очередную дев-

²¹ Байтмал (чеч.) – восклицание, восторг

чонку, почти ребенка, так никакого интереса. Да и какой может быть интерес, если у Язмаша официально шесть жен и еще в пять раз больше наложниц, чьих не только имен, даже лиц он не помнит и вспоминать не хочет. И удивляется Язмаш, как это у Алтазура только одна жена и больше никого. Правда, жена – Малх-Азни, столько детей родила, а всего его гарема стоит. Да и как иначе, один вид последней жены к зевоте тянет, а он, Язмаш, великий воин, должен перед ней пресмыкаться. А как иначе? Она дочь главного казначея, вот почему он тудумом в Самандаре стал. Конечно, пришлось при этом кое-какими принципами поступиться, а если честно, то какие у него, язычника, принципы, ну вроде принял иудейство, ну и что? как был безбожником, так и остался, только вот обрезание на старости лет сделать пришлось, а так жизнь стала просто райской. И что ему, сыну кочевника, больше надо? Ну лежи, отдыхай, наслаждайся! Так нет, кровь кочевая – с закатом он удаляется в опочивальню, а ни свет ни заря вскакивает, будто стада выпасать надо.

...Вот и сегодня до зари пробудился Язмаш, накинул на голое тело халат из китайского шелка, прошитый золотыми нитками, на ногах арабские мягкие чупаки с бархатом; вышел он на балкон верхнего этажа, на персидском ковре пестрые атласные подушки, тут же вазы и кубки с восточными яствами, плодами, напитками; слуги и рабыни склонились до пояса. Не глядя на них, он слегка, как обычно, махнул рукой – кочевник любит одиночество, он хозяин Самандара, и он любит по утрам, вот так, любоваться краем, будто своей вотчиной.

А любоваться есть чем! Его огромный дворец из жженого кирпича высится на самом берегу Терека, и буйные волны реки неустанно облизывают стены дворца, ласкают его обостренный пустыней слух. Здесь в низине, после впадения Аргуна и Сунжи русло Терека всегда полноводно, стремительно, а в предрассветных сумерках отсвечивает сизоватым глянцем, и лишь на перекатах пузырится белыми барашками, да крупная рыбица, идя вверх, игриво выскочит из воды, взбудоражит течение.

Глянул Язмаш вверх – небо высокое, бескрайнее, еще темно-фиолетовое со звездочками на западе, и уже пурпурно-белесое на востоке, твердь небесная чиста, и только у зари, поджидая припоздалое уже осеннее солнце, легкой стайкой повисли лесенкой перистые облака с посеребренной пушистой каемкой. Как и солнце, Самандар еще не пробудился, но уже появились признаки дня, пролетели дикие голуби, к отлету собираются над рекой ласточки, зачирикали воробьи; на смену ночным, всюду снующим собакам появился редкий люд, кто-то направляется к окраине, к садам, кто-то – к центру, к базару. А базар в Самандаре, по словам заезжих купцов, не меньше, чем в Хорезме или в Дамаске. Прямо за крепостной стеной начинаются самые богатые ряды – здесь торгуют тканями, коврами, золотом и серебром, шкурами и посудой, специями и оружием; к окраине базара и товар подешевле, и люд попроще; в самое же дали вновь богатство – скотный рынок, дорогие скакуны, конское снаряжение, и, наконец, в дельте Терека роскошный ипподром – стадион, на манер византийских, и здесь же театр и место схода почетных граждан округи. Все эти общественные места находятся снаружи крепостной стены. А внутри саманной стены, что высотой в три человеческих роста, дворец тудума, в нем же вся управа города; церковь, мечеть, синагога, с десятков жилых домов очень богатых граждан, и сплошь роскошные караван-сарай, где есть все, что может пожелать очень избалованный вкус.

Простой люд живет за крепостью, в основном в войлочных юртообразных домах, вдоль широких, просторных улиц, которым и конца и края не видно и которые, в свою очередь, упираются в такие же бескрайние сады, виноградники, орошаемые поля, которым тоже нет конца и края. А цветущие сады – первый признак спокойствия и богатства страны, и этот факт не может Язмаша не радовать, ведь ручейками ото всех к нему огромные богатства текут.

В этот момент на бескрайнем горизонте, за степью и морем, цветным маревом обогрив небосвод и наполняя воздух мифическим духом, появилась огненная дуга, она, как все-

гда, гипнотически приковала к себе внимание всего живого и неживого. Потом грациозно, не спеша, зачаровывая величием и силой, всплыл огромный накаленный шар, обдавая ровным светом весь мир.

Машинально Язмаш глянул в другую сторону, куда светило солнце: на юге остроко-нечной неприступной вереницей бледно-розоватым оттенком на фоне синего неба высились горы Кавказа, откуда, питаясь этими вершинами, текли под ноги Язмаша Терек и его притоки Аргун и Сунжа. И как ни странно, Терек – удивительный природный водораздел, с севера бескрайняя степь, переходящая в полупустыню, а на юге, прямо за рекой, иной мир, сплош-ные непролазные леса, вплоть до снежных вершин.

И вроде все, и с севера и с юга, должно быть подвластно ему – тудуму Самандара, однако это не так. На другом берегу Терека из-за густой листвы деревьев еле-еле летом виден огромный дом, нет, это не казенный дворец из жженого кирпича, где веками поочередно менялись люди, как и тудумы, это совсем новый, просторный, уютный дом, с фонтаном, с мраморными колоннами в модном стиле базилики, построенный армянскими строителями под руководством греческого архитектора по заказу Алтазура для единственной жены Малх-Азни.

О! Как давно с землей хотел сравнять этот ненавистный дом и его жителей Язмаш, даже смотреть в ту сторону не мог – ныне любителю, и его проверенный кочевой нюх уже осязает, что вот-вот двоевластию в округе будет положен конец, мраморный дворец станет его загородной резиденцией и, что еще приятнее, обитательницы дворца станут его налож-ницами, а сам Алтазур и его воины будут истреблены. Наконец-то этот герой-богатырь, этот народный любимец замешан в тяжелой крамоле, пошел он с изменой не только супротив соб-ственного каганата, но и нарушил договор с дружеской Византией. Тайный сыск и агентура, внедренная и завербованная в окружении Алтазура, доложили: жена и дети мятежного гру-зинского царя нашли приют у Алтазура и скрываются в горах, в Аргунском ущелье, в башен-ном комплексе, построенном Алтазуром для тещи Астар²².

Этот, казалось бы, естественный шаг кавказского добрососедства вверх Алтазура в интригу истории, корни которой уходили вглубь. Дело в том, что сановники Византийской империи, веками господствуя над огромным миром, вконец «разжирели», погрязли в рос-коши, разврате, чревоугодии, и, не имея возможности, а главное охоты, больше воевать, они все больше и больше повышали дань со своих колоний. Последние, не желая нести такое ярмо, начинали бунтовать, поднимать восстания. Особенно широкий размах приняло осво-бодительное движение на Балканах, вслед за мадьярами восстали болгары, македонцы, хор-ваты. В крови утопил Константинополь всплески сепаратизма, разорил села и поля, в наказа-ние в три раза повысил дань с каждого дыма. И оказалось, что подавление бунта, как и война, тоже выгодно.

Хитрые византийские сановники – знаменитые интриганы – извлекли из этого урок. Подготовив почву, в другие колонии – Армению и Грузию – они послали провокатора, якобы борца за свободу и независимость, некоего полукровка-ублюдка – базарного глашатая, про-ходимца, дав ему армянское имя и грузинскую фамилию, а также еще многое, чтобы заби-тый, угнетенный народ пошел за ним. Провокация удалась, и на подавление восстания послали войска. Они пожгли хлеба, разорили села и наложили дань в 1200 номисм вместо установленных 360. Это непосильное ярмо вызвало теперь уже настоящее народное восста-ние. Константинополь справился с Арменией, а с Грузией не смог. И тогда византийские послы за деньги попросили, как и прежде, чтобы хазары с Северного Кавказа вторглись через Дарьял в Закавказье. В Итиле рады были бы такой возможности, да времена не те, ныне не каган и его слово, а Алтазур господствует в Алании, с родственными грузинами он

²² Астар – в древней мифологии чеченцев богиня луны, брака, любви

воевать не стал, и более того, когда нависла угроза уже изнутри, от близких подкупленных единоверцев, грузинский царь обратился за помощью к Алтазуру, и Алтазур тайно, не через Дарьял, где многолюдно, а из Алазании и через перевал Тебуло, самолично доставил жену и детей грузинского царя в Аргунское ущелье. Чтобы гости не скучали, он отправил в горы, как и ранее, на все лето и осень своих старших дочерей Ану, Азу, Дику²³ и усыновленного подкидыша – Бозурко.

Щедро задобренный Византией Итиль решился захватить и выдать грузинскую царскую семью, а заодно восстановить на юге каганата утраченную власть, «взнуздав» или даже ликвидировав некогда своего спасителя, отважного Алтазура.

Операция была так важна, что из Итиля тайно прибыл в Самандар главный бек – Бадай, а параллельно с ним, не караванным путем, а окольно, на помощь двухтысячной армии Язмаша прибыли еще три тысячи тюркитов. Объединившись, эти войска уже выдвинулись к Ханкальскому проходу²⁴, где в долине между двумя Суйра-Корт²⁵ располагаются ставка и полутысячная армия Алтазура, а также его родовое село Алды, защищая проход в Аргунское ущелье и далее к горам. Одновременно, поднявшись в горы вдоль Терека по Дарьяльскому ущелью, группа из пятисот воинов в сопровождении подкупленных местных проводников двинулась в сторону Джейраха на Галан-Чож и к поселению Никарой, где жила Астарх и ее гости.

А в это же время сам Алтазур в сопровождении пятидесяти воинов двигался в Итиль: личная грамота кагана просила его об этом.

На второй день пути охрана Алтазура заметила, что на расстоянии видимости за ними постоянно следуют многочисленные всадники, и как только Алтазур устраивает привал – те делают то же самое. Заподозрил Алтазур неладное. Не доезжая до очередного караван-сарая, ночью, прямо в степи устроился на ночлег, у огромного костра оставил трех человек, а с остальными, обойдя сопровождающих, поскакал обратно, на юг. Путь, преодолеваемый за два дня, он преодолел за ночь. Всю дорогу его терзал выбор – куда первым делом направиться? В свой дом, в Самандар – где Малх-Азни и четыре младшие дочери, в Алды – где ставка, или прямо в Никарой – где под его гарантией гости. Все-таки направился в Алды, без своего ополчения – дела будут худы.

Он подъехал в разгар сражения. Воодушевленные его появлением кавказцы воспрянули духом. Ровно сутки, заслоня солнце и луну, тучами летали стрелы в обе стороны, а потом только в одну. Затем от натиска сломались закаленные копья, зазвенели о кольчуги и шлемы сабли, а когда и сабли потупились и обломались, заблестели в ночи кинжалы. Только на вторые сутки, к рассвету, поле брани выровнялось, утихло, и лишь слабые стоны людей и коней скликали на пиршество зверье и воронье. Однако другие падальщики, что на двух ногах, рыскали меж куч. Это Бадай и Язмаш, не сумев погнать по трупам коней, спешились, вместе с жалкими остатками войска искали поверженного Алтазура.

– Вот он! Вот он! – послышался крик.

Еще сжимая кинжал, на окровавленной траве с почти неузнаваемой, рассеченной головой лежало богатырское тело в окружении горы трупов наемников. Кто-то Алтазура пнул, он чуть-чуть шевельнул рукой, а все с испугу отскочили, схватились за ножны.

Глаз видно не было, но Алтазур еще дышал, и когда его понесли к опушке, он что-то спрашивал на местном диалекте. Через переводчика тюркиты поняли: «Не подоспели?». Нет, не подоспели кавказцы, слишком поздно узнали.

²³ Аза и Дика – по древней мифологии чеченцев богиня солнца и богиня справедливости

²⁴ Хан-калла (чеч.) – сторожевая башня, крепость

²⁵ Суйра-корта (чеч.) – войск вершина

По приказу Бадая всех, мертвых и раненых, по обычаю кочевников, следовало захоронить в одной могиле-кургане. Однако Язмаш выпросил особой участи для Алтазура. Десятки наемников с помощью коней склонили верхушки двух уже немолодых деревьев, привязали к ним по ноге еще живого Алтазура и отпустили... Разорвалось богатырское тело на части. Так жестоко казнили кочевники-язычники только ярых врагов и преступников.

Насладившись этим зрелищем, Бадай и Язмаш поспешили в Самандар, во дворце тудума их ожидало не меньшее удовольствие – их наложница Малх-Азни.

Эта ночь была не по-осеннему тепла. Сытая луна щедро купалась в переливах широкого Терека. Многоголосый Самандар, столица народов Кавказа, потрясенный внезапными событиями, вроде спал, и даже собаки, учуяв настроение людей, не лаяли, забились по конурам. Лишь на роскошном балконе тудума, что нависал над Терекон, было в разгаре царское застолье: усадив перед собой учащенно дышащую, вместе с тем еще надменно-горделивую Малх-Азни, опьяненные вином бек и тудум, не желая уступать друг другу пальму первенства обладания красавицей, скрежетали зубами, а узкоглазый Язмаш, похотливо щурясь из-под нависших век, в нервном нетерпении дергал не только редкие усики, но и густую живность из носа; и наконец, не выдержав, своими черными пальцами он нежно провел по белоснежной щеке и шее женщины, бормоча сокровенное ей в лицо, да чтобы слышал Бадай, что не позволит он осквернить такую прелесть, а наречет женой, чтоб рожала ему детей.

– После меня – делай, что хочешь, – язвительно парировал бек.

Началась перепалка. Воспользовавшись моментом, Малх-Азни схватила промасленный ножичек, которым кочевники соскребают мясо с кости, и, с силой вонзив его в толстое тело Язмаша, бросилась к перилам. Она уже изготовилась прыгнуть, когда Бадай обхватил ее. И все-таки амазонка не изнежилась во дворце, увлекла она с собой бека. В лунной дорожке в водах Терека еще несколько раз всплывали их борющиеся тела. Может быть, Малх-Азни и спаслась бы, да Бадай плавать не умел, со смертельной хваткой утопающего сжал он женщину, потащил за собой к илистому, ядовито-холодному дну...

В это же время схваченные – семья грузинского царя, три дочери и приемный сын Алтазура, и их насильники остановились на ночлег у ясского поселения Дедаково; еще через шесть суток они дошли до крупного хазарского города на Дону Саркела, где грузины были переданы византийскому послу. А детей Алтазура повезли степью по караванному пути в Итиль. Остановившись на отдых в одном из караван-сараяв, командиры наемников-тюрокитов, задобренные византийцами, так загуляли, что пропили и проели не только заработок, но и загуляли в долг. На просьбу хозяев караван-сарая рассчитаться чуть не последовал разбой. Как бы случайно в этом заведении также оказался очень предприимчивый купец-работоторговец, который через болтливого хозяина уже выведал, что за добро под охраной. Погасив издержки наемников, купец за свой же счет продолжил их загул и, выждав удобный момент, предложил за живой товар такую сумму, что не только пьяные, но трезвые согласились бы. Ведь кто они? – наемники, кто заплатил – тому и служат, а степь бесконечна – поди найди крайнего.

И все-таки не простой товар исчез. Всех наемников выловили, и купца-работоторговца выловили – всех пытали, головы поотрубали, а узнали лишь одно: пленных перепродали в Тмутаракани. Потом о них, как об очень красивых девушках для продажи, шел слух в Геленджике, где был черноморский порт продажи женщин-рабынь. Однако никто самих девушек не видел, и якобы один грек, поставщик светлых девушек к арабам и на Восток, приобрел дочерей Алтазура за баснословные деньги, сделка состоялась прямо на корабле, и этот корабль, только с этими девушками на борту помимо экипажа, в ту же ночь вышел в море. После разразившейся над морем страшной бури обломки того корабля прибило на утро к берегу...

Тем не менее, Итиль через послов и тайный сыск не прекращал долгое время поиски в Византии, Иране, на Ближнем Востоке. Тщетно, канули, как в воду...

* * *

Та поздняя осень 1994 года выдалась особо непогожей в горах Кавказа. Частые проливные дожди сменились непрекращающейся склизкой моросью, с густыми туманами по утрам, безветрием, болезненной, промозглой сыростью и унынием. Стесненное пологими склонами, под давящим хмурым небом, маленькое высокогорное село Гухой пребывало в тоске, в старческой печали. Соблазненная лозунгами свободы и цивилизацией, вся молодежь уже давно перебралась на равнину, в большие города, а редкие, еще не увезенные детьми старики, как и века назад, заняты жалким натуральным хозяйством, мечтая только об одном – пережить непредсказуемую в горах суровую зиму и довести до весны всю домашнюю живность.

Не дождавшись погоды, мужчины потянулись в леса, до глубоких снегов надо запастись дровами. С техникой пожилой люд не в ладах, да и с топливом проблема, и приходится действовать по старинке, запрягая кляч.

Тяжелее всех Малхазу Шамсадову. Как более-менее молодой он всюду хочет поспеть, всем помочь, а дорог в горах нет, одни колеи – развезло, в низинах трясина, так что и пустую телегу кони вытянуть не могут. От зари до зари Малхаз в тяжком труде, так что холеные руки учителя истории все в мозолях, огрубели. А потом, ближе к полуночи, чтобы никто не видел, бежит в горы, в пещеру, где на картине томится недовольная участю Ана.

Не высыпается Малхаз, маленькое тело от нагрузок ноет; тем не менее все для него игра, все у него спорится, и улыбка с лица не сходит, все ему кажется, что вот-вот, еще чуть-чуть и не только его жизнь, но и жизнь всех окружающих, даже его старенькой бабушки, значительно улучшится, что-то ему это подсказывает, этим он живет и этому свято верит. А тут, в противовес его настроению, из Грозного в горы неожиданно потянулись беженцы; оказывается, на равнине случилось страшное, какая-то «позиция» и «оппозиция» прямо в городе бой устроили, и в открытую все говорят, что тем и другим на военной базе в Моздоке федералы одновременно автоматы, пушки и танки выдавали.

Как учитель истории, Малхаз сразу же резюмировал:

– Спровоцировали гражданскую войну.

А директор школы Бозаева, как ей следовало по статусу, подвела итог:

– Все они гады, о народе не думают, власть и деньги поделить не могут.

Электричества давно нет, ретрансляторы не работают, из-за гор приемники сигнал не ловят. Нашел Малхаз новую «забаву» – каждое утро на самую высокую в округе гору взбирается, прикладывает к уху маленький транзистор; когда спускается – у школы политинформация: слава Богу, все быстро прекратилось, одни других одолели, правда, и жертв много, а танками и вовсе русские наемники управляли. И тут последнее слово за директоршей:

– Что ж никто из этих лидеров-подлецов с обеих сторон, и их отпрысков, что за рубежом учатся и живут, не пострадал, даже мизинца не ущемили, а невинную безмозглую молодежь под танками сгубили?

– Глупость говоришь, Пата, – разделились мнения. – Те враги, а эти наши.

– Чем они наши? – воскликнула Бозаева. – Что они нам сделали полезного за эти годы, кроме собственного возвеличивания?

Вот так каждый день начинался спор... Но длилось это недолго, батарейки «сели». А с началом зимы пошел снег, сразу распогодилось, и теперь у Малхаза действительно забава. Летом горцы на специальных полозьях устанавливают стог сена, который с первым

снегом спускают в низину. Вот и резвится Малхаз, чуть подтолкнет скирду, на ходу «оседлает» – и летит вниз, зачастую кувырком, а за ним вал сена; старики ругаются, а он ликует, глаза блестят, румянец аж кипит!..

Нет, невозможно на грешной земле всегда улыбаться. С наступлением нового 1995 года не единицы, а потоки беженцев с равнины хлынули в горы: гражданская война меж чеченцами на сей раз не получилась, и тогда на Чечню хлынули федеральные войска. От рассказов беженцев мурашки по коже ползали, приуныл учитель истории.

И вдруг директоршу осенило:

– Эстери в городе одна!

Помчалась Пата в огненную столицу за племянницей, через три дня вернулась одна – постаревшая, сникшая, от прежней прыти – ничего; Эстери не нашла, а что видела – не дай Бог другому увидеть.

А Малхаз и тогда не очень горевал – «только через тернии лежит путь к свободе!» – взбадривался он. И тем не менее участь Эстери не давала покоя, а еще хотелось ему быть в гуще событий, и давно бы там был – больную бабушку оставить не с кем, да и картина при-смотра требует. После недолгих раздумий не без озорства решил он эту проблему – картину поручил бабушке, поставил рядом с ней у постели, а бабушку – родственникам-соседям.

Путь до Грозного оказался непростым. Пешком Малхаз добирался сквозь заснеженные перевалы до Итум-Кале, до Шатоя на тракторе. И уже ночью слышался гул канонады, а над горами небо бороздят самолеты и вертолеты, где-то бомбят, люди в панике, с равнины все бегут, везут раненых...

Глубокой ночью в открытом кузове задрипанного грузовика, с не включенными из-за страха перед авиацией фарами, по отвесному серпантину узких дорог добрался Малхаз до Транскавказской трассы. Оттуда – вновь пешком до превратившейся в извергающийся вулкан столицы Чечении.

Всюду агония жизни, стреляют, взрывают, горят... А учителю истории кажется, что его никак не убьют, он будто бы глядит на эту историю со стороны, чтобы потом пересказать все доподлинно ученикам. И еще кажется ему – он легендарный герой, все это декорации (не такие уж люди варвары на пороге XXI века), а ему, как в древних сказаниях, предстоит пройти ряд испытаний, в конце найти и спасти красавицу Эстери, и она с восторгом отдаст ему навеки руку и сердце...

С такой душевной непосредственностью прямо по центральной улице имени Ленина Малхаз дошел почти до центра, не обращая внимание на странные реплики паникеров, не обижаясь на знаки «ты что, дурак?» из подворотен, и только когда даже не взрыв, а взрывная волна издалека с болью пришибла его к зданию первой школы, на лице его застыла уже не улыбка, а гримаса, и он вмиг стал не бравым героем, а четвероногим уползающим. И тут еще одна потрясающая явь, что не до сказок и легенд: прямо перед ним еще живая окровавленная стонущая женщина с широко вспоротым животом, и поскольку он был на четвереньках, прямо перед глазами видел, как еще бьется сердце, как вздрагивают легкие, как, будто сизые змеи, расползаются кишки, и запах, запах крови, гари, фекалий... смерти.

Малхаз вскочил, шатаясь, держась за стенку, добежал до угла, думая, что за углом «сказка» кончится. Но за углом еще хуже – ужасное месиво. Он свалился, судорожно закорчился, изрыгая мерзкую слизь, мучительно зарыдал... Он понял, что жизнь не сказка, он – далеко не легендарный герой, а только героический пересказчик, и никого он спасти не сможет, спастись бы самому.

Ползком, уже в сумерках, он пробрался в разбитое здание, и если простое разбитое здание – ужасно, то разбитая центральная школа – ужасна вдвойне... В вестибюле, или точнее там, где когда-то был вестибюль, кто-то страшный, как злодей хмурый, уставился на него, прошмыгнул. Только потом Малхаз понял что это был кусок зеркала. Любопытный от при-

роды, он очень хотел вернуться, посмотреть на себя, однако не смог перебороть страх, он уже всего боялся, даже самого себя.

Скорчившись калачиком, под неумолкающий грохот стрельбы и треск, он всю ночь, дрожа, провел под партами, слышал прямо под окнами чеченский говор, по голосам совсем пацаны, и тогда еще больше сжался, совсем затаил дыхание. Он всего стал бояться, этот мир оказался жесток, и он не ожидал такого варварства.

В жизни, до этого, Малхаз никогда не чувствовал себя так плохо, таким разбитым и опустошенным. Несмотря на ломоту во всем теле, вялость и усталость, он ни на секунду не смог заснуть, хоть и пытался забыться во сне. Перед рассветом, когда канонада стала затихать, он уже подумывал, как бежать и в какую сторону спасаться, и только глянул в окно, как в стоящее напротив здание «Детского мира» влетело что-то громадное, его вновь кинуло под парты. Казалось, что весь проспект Революции охвачен огнем, и тот вот-вот до него доберется. Малхаз вскочил бежать, машинально оглянулся и замер: по иронии судьбы его, оказывается, занесло в класс истории, и все вдребезги, а на одной стене, правда вкривь и вкось, еще висят красочные, горделивые портреты всемирно известных полководцев, и зарево с улицы искрами торжества отражается в их глазах, страстью крови пылают их радостные лица. Сколько раз Малхаз описывал этих легендарных полководцев как выдающиеся личности, а оказывается, они злые демоны; в тиши юрт, палаток и дворцов они разрабатывали стратегию передела мира для благополучия узкого круга людей, и вовсе не думали о пушечном мясе... А после этой войны в ряду полководцев прибавится?!

– Гады! – как обзывала директор Бозаева, крикнул учитель истории, сбил все картины, вначале растоптал, а потом, не насытившись этим, взял их в охапку и кинул в окно, в пекло, чтоб тоже «поджарились».

С рассветом, как по команде, наступила гробовая тишина – совсем в диковину.

«А может, они одумались, договорились о мире?» – подумал Малхаз, еще вконец не утратив человеческой логики. Только поэтому он не подобрал оружие, что валялось перед школой между трупами.

Короткими перебежками, петляя, он бежал не через центральный, а через трамвайный мост, на правую сторону Сунжи, ближе к горам, и даже когда возобновилась канонада, только ускорил бег. И вдруг резкая боль в ноге, а сбоку стремительный разрыв асфальта заставили его лечь плашмя. Тогда сквозь гулкий, очень частый перепоночный стук сердца в голове он услышал душераздирающий свист уходящего из пике самолета. Он так и лежал, уткнувшись носом в асфальт, с ужасом закрыв руками голову, дрожа всем телом, и уже слышал, как вновь пикирует истребитель... но просто не мог встать и страхом был буквально прилипан к земле... Цепкие руки грубо схватили его за шиворот, отволокли к зданию, и в тот же момент фонтанирующими разрывами ровным коридором избороздился асфальт.

– Не подставляйся! – бодрым тоном сказал молодцеватый крепыш, сквозь щетину щедро улыбнулся, победно вздернул кулаком и, бряцая оружием, больше ни слова не проронив, побрел в ту часть города, откуда Малхаз бежал.

Дальше учитель истории не побежал, так и сидел, прислонившись к стене, и не то чтобы не мог или не хотел, просто впервые в жизни какая-то глухая апатия овладела им, и может, он еще долго так бы и сидел, да тоненькая струйка крови обозначилась от ноги. Боль не чувствовал, просто когда с безразличием выдернул тонкий срез асфальта из икроножной мышцы, кровь потекла еще гуще, и тогда он тронулся подальше от центра. Дойдя до здания университета, буквально очнулся: ведь рядом, в частном секторе, живет Дзакаев, а вдруг дома?

Наверное, родного отца Малхаз не так бы сердечно обнимал. Дзакаев был слегка пьян, но тоже очень рад неожиданному гостю.

Водкой обработав рану, Дзакаев бережно перевязывал ногу, пока Малхаз уминал хлеб, лук и квашеную капусту. Потом, то прислушивались к грохоту, то говорили.

– Нет, нет, ты, Малхаз Ошаевич, неправ, и твоя директорша неправа, – от возбуждения ходил по комнате Дзакаев. – Это наше единственное спасение!.. Ну, конечно, несколько перебарщивают. А как иначе? Ну, как бы мы от этой мрази избавились? Ну, как? Это ведь ублюдки, да и не чеченцы вовсе!.. Посмотри, до чего довели республику, народ, этот город! Образование, здравоохранение, культура – им не надо. Да они нас к дикости вели!.. Что значит вели, уже привели! Я с автоматом в обнимку сплю, зарплаты три года нет. А себе дворцы отстроили, иномарки не успевают менять... Нет, я рад! Я так ждал этого, ведь это цивилизованная армия, они быстро наведут порядок... конституционный порядок! Понимаешь? Или ты в горах тоже одичал?

Эту тираду Малхаз уже не слышал, он вырубился во сне; когда проснулся, оказалось, что голова на подушке, а он бережно закрыт одеялом. Как и до сна, Дзакаев был на ногах, только теперь перед зеркалом примерял разные галстуки к белоснежной сорочке.

– Готовишься к торжественной встрече, – еще сонно проговорил учитель истории.

– О! Ты проснулся? Ну, молодец, просто богатырь, – повязывая галстук, говорил Дзакаев. – Целые сутки проспал! Вот это нервы.

– У-у-у! – зевая, потянулся Шамсадов и, улыбаясь, не без сарказма. – Как на свадьбу наряжаешься.

– Свадьба не свадьба, – был серьезен Дзакаев, – а момент нешуточный, долгожданный... И погода, видишь, какая! Ночью снег, а сейчас легкий мороз и солнце, все к добру!

– Тогда хлеб-соль приготовь.

– Хлеб-соль – не знаю, а вот документы все приготовить надо, – Дзакаев с любовью осмотрел диплом кандидата наук, аттестат профессора, погладив, бережно положил в карман пиджака, и очень серьезно. – Слушай, Малхаз, я вот что подумал: может мне сразу ректором стать? А что?... А тебя деканом на истафак.

Малхаз ничего не ответил, пошел на улицу умываться, быстро вернулся.

– Они уже на этой улице, – нескрываяемо дрожал его голос.

– Ну и прекрасно, – был невозмутим Дзакаев.

Действительно, несколько минут спустя, оглушая округу, загоняя в щели ворот копоть, напротив остановился БТР, ударом сапога вышибли калитку, остерегаясь войти, несколько автоматчиков осторожно оглядывали двор. Дзакаев выскочил им навстречу. Малхаз, хоронясь, из окна наблюдал за всем.

Дзакаев махал руками, громко говорил, так что обрывки фраз были слышны и в доме. Вдруг его грубо толкнули, поставили лицом к стене, чуть ли не на шпагат сапогами заставили расставить ноги. Тут же «обшмонали», кандидатский диплом и профессорский аттестат полетели в снег, кошелек – в карман. И тут раздалась короткая автоматная очередь, от которой сам Малхаз упал; через мгновение, не веря, он подтянулся к окну: тело Дзакаева судорожно корчилось в агонии.

– А-а-а! – закричал Малхаз, тут же сам прикрыл свой рот, в сенях уже послышался топот.

Он кинулся к окну, на лету, как в кино, вышиб и стремглав побежал через маленький палисадник, перескочил забор, много заборов, и ему все казалось, что пули еще за ним летят.

Только изрядно устав, задыхаясь, он нашел прибежище в каком-то сарае. И почему-то в этот момент, как никогда ранее, ему вспомнилась мать, она тоже жила неподалеку, однако Малхаз не мог сориентироваться, все в голове, как и в городе, перемешалось. Помня, что у матери очень богатый, а главное большой дом, он стал оглядываться, оказалось совсем рядом. Издали увидев у ворот матери гражданский «КамАЗ», он ускорил шаг. Во дворе матери стояла толстая женщина, он ее узнал – соседка.

– Побыстрее, побыстрее, солдатики, – слащаво голосила она, обращаясь в дом, вытирая с лица пот. – Все, все несите, я вам хорошо заплачу.

– А не подавишься, свинья?! – из-за ее спины злобно выдавил Малхаз.

– Ой! Ты откуда взялся?.. Солдаты, солдаты! Сюда! Вот он враг, вот он бандюга, вот кто русских убивал, стреляйте в него, стреляйте!

Вновь во всю прыть понесся Малхаз, только теперь по улице; за первым же углом напоролся на БТР, и рядом солдаты. Вновь прытко перескочил через забор – и перед глазами сплошная полоса препятствий, а сзади, как у Дзакаева, смерть, сбоку свист пуль, и самое страшное – на сей раз его точно преследуют, даже нагоняют, он слышит топот, голоса, команды. Вот набережная Сунжи, густо заросший берег. Он кувырком бултыхнулся в промерзшую, мутную, с нефтью воду, тут же всплыл, бросился к густым кустам, чьи ветви свисали к реке. Сверху накрыл шквал огня. Покурили, еще раз постреляли... Вроде ушли.

...Глубокой ночью, под сотрясающие взрывы и гул, рыдая, онемевшими руками учитель истории рыл могилу своему научному руководителю в его собственном дворе. Дом Дзакаева был полностью разграблен, из гаража увели машину, даже пол раскурочили, благо дров стало вдоволь.

До утра одежда не просохла, и, осматривая ее, Шамсадов заметил много дыр на куртке, штанах – а его не задело. Только рана на ноге воспалилась, стала чуточку ныть. С каким-то трепетом, но не с отвращением, надел Малхаз на себя одежду Дзакаева; в последний момент заметил на полу галстуки, которые накануне его научный руководитель долго прикидывал, выбирая, и в конце концов, бросая вызов всем, в том числе и себе, повязал ярко-красный галстук, чтобы все видели. Еще раз посмотрел в зеркало: он увидел не только чужую одежду, но совсем чужого, мрачного человека, который вроде никогда ранее не улыбался, по крайней мере не будет делать этого впредь.

День Шамсадов переждал, а под прикрытием ночи тронулся к центру, перешел тот же мост. Нефтяной институт и первую школу – не узнать, трупы все так же чернеют, и вроде их стало больше, но никакого оружия, что валялось кругом, нет. Лишь обшарив несколько окоченевших тел, он нашел пистолет и гранату. Это вселило в него уверенность, он вспомнил, зачем пришел в Грозный – Эстери работала в сорок первой школе, там же рядом снимая комнату...

Что за странность? Так получилось, тот же паренек-крепыш, что спас Малхаза, в предрассветной мгле свистнул из окна «типографского» дома, что напротив Главпочты; так же щедро улыбаясь, поманил к себе.

Их, не каких-то бравых гвардейцев президента, а простых защитников города – молодых ребят, было человек пятнадцать-двадцать, по разным точкам занявших этот плацдарм у перекрестка Главпочты и стадиона «Динамо».

Крепыш, все время, как когда-то Малхаз, широко улыбаясь, поделился иссохшим кукурузным чуреком, трофейными сухарями, кипятком, и когда Малхаз наелся, сказал:

– Ты человек образованный, нам такие еще пригодятся, уходи, здесь жарко будет.

Малхаз только мотнул головой.

– Ну ты ведь уже немолод, – последний аргумент выдвинул крепыш и, поняв, что учитель истории стоек, протянул автомат, пару рожков, десяток гранат. – На, я еще достану.

Не на рассвете, а только часам к десяти, со стороны завода «Красный Молот» показалась бронеколонна, в черной форме – морская пехота. Первый залп гранатометов – три единицы загорелись, колонна отступила, отдышавшись, пошла в атаку. Этот бой был упорным, долгим, беспощадным. Только вначале у Малхаза дрожали пальцы, а потом наступило затмение, хотелось уничтожить все на свете, во что бы то ни стало победить, и главное, соратник по оружию дороже самого себя, не ожидая пощады, бьешься до конца... Вновь колонна отступила, вся улица в смоге горящих машин, кто-то от боли кричит, кто-то стонет,

зовет мать. Ополченцы, а их осталось всего человек восемь-десять, выскочили из укрытий, стали подбирать оружие, боеприпасы. В это время вновь послышался гул.

– Может отступим? – сказал кто-то будто вскользь.

– Куда отступать? – усмехнулся крепыш. – Некуда.

В это время стало совсем сумрачно, повалил крупный, густой, мокрый снег, из-за которого видимость совсем уменьшилась.

Третий натиск был самым отчаянным. Из-за горячей техники колонна не могла продвигаться, и морская пехота двинулась в атаку. Перестрелка была долгой, почти в упор. Вплотную столкнувшись, пошли в рукопашную. Силы неравные. Малхаз был на волосок от смерти, штык-нож уже блеснул перед ним, и тут крепыш буквально своей грудью защитил его, поражая противника, сам принял удар в грудь, навалившись мощной спиной, подмял Малхаза – и может, это еще раз спасло учителя истории.

Снег повалил так густо, что ничего не видно, и казалось, сами небеса хотят уgomонить сумасшедших.

Крепыш еще дышал, из широкой раны на груди в такт его мощному молодому сердцу щедро фонтанировала кровь. Малхаз пытался что-то предпринять – все напрасно.

– Как тебя зовут? Как зовут? – шептал он на ухо раненому.

Крепыш простонал, как-то вытянулся и замер... с той же невинной улыбкой на лице. Никакого документа не нашел Малхаз в его карманах...

Так и погиб безымянно этот защитник, как и тысячи других, на чьих трупах, как на постаменте, потом потомки вознесут памятник некоему генералу, который в данный момент думал о своих сыновьях, что учатся в далеком, спокойном зарубежье. И коллеги Шамсадова, историки, не вспомнят крепыша, упорно будут восхвалять генерала, выправлять до идеала его генеалогию, а потомков назовут святыми, будут им вечно поклоняться и при этом твердить – нет и не было среди чеченцев ни князей, ни рабов, все мы вечно равны...

...В сумерках, от бессилия еле преодолевая еще неглубокий след, окровавленный своей и чужой кровью, почему-то вновь страстно захотевший жить – Шамсадов Малхаз, опираясь на автомат, наугад уходил с поля боя, и в снежном тумане в упор столкнулся с высоченным пехотинцем. От удара в челюсть Малхаз аж взлетел, тяжело плюхнулся. Пехотинец потянул его за галстук, усадил на снегу.

– А ты, жалкий интеллигентишка, что тут делаешь? Тоже защитник? – сжал он хилую шею, прямо перед носом Шамсадова завис раскаленный, дышащий смертью ствол. – Это зачем ты напялил? – небрежно играл он галстуком, – чтобы легче придушить?.. Кто по специальности?.. Кто? Учитель истории. Хм... ну ладно, учитель... живи, может, правдивую историю расскажешь.

Потрясенный, обессиленный Малхаз еще долго лежал под густо валившим снегом, с околелостью он чувствовал какое-то забытие и блаженство, и может, так бы и заснул навсегда, да горячее дыхание и вонь мертвечины привели его в реальность, он раскрыл глаза: перед ним четвероногий хищник. От его движения зверь отскочил. «Тот ли это символ свободы, что я рисовал?» – подумал учитель истории, и следом: «С волками жить – по-волчьи выть». Он тяжело встал, вернулся на поле боя, нашел пистолет, финку и еще зачем-то взял бинокль.

Ночью, мимо уже покинутого президентского дворца, он, хоронясь, уходил из города. У площади «Минутка» перед рассветом встретил регулярную армию свободной республики. Его земляки не унывают, униформа даже не запачкана, есть все, в том числе техника и рации. Малхаз пожелал к ним присоединиться.

– А ну пошел отсюда! Тоже – защитник! – обсмеяли его, а когда учитель истории возмутился и потянулся к пистолету, его обезоружили, слегка побили, дали пинка, потом воз-

вратились, отдали бинокль. – На, будешь издали смотреть, как мы воюем... А галстук в одно место засунь. Ха-ха-ха!

Завизжала техника, элитные защитники умчались, а Малхаз тронулся к окраине, в сторону Аргунского ущелья. Но никуда не пройти, все простреливается.

Еще день Малхаз отлежался в полуразрушенном доме, а ночью вновь попытался выйти, бесполезно, город в плотном кольце. И все-таки садами, лесами, через болота он добрался до трассы Ростов – Баку, попытался в нескольких местах перейти – попал под шквальный огонь, все просматривается приборами ночного слежения. Малхаз был в отчаянии. И тут слышит на рассвете гул, и, не скрываясь, стройной колонной, под горделивым знаменем, уходят организованно в Аргунское ущелье элитные войска, техника, а во главе, в «УАЗике» – видит Малхаз в бинокль – знакомый по телевизору профиль офицера советской, а теперь чеченской армии.

– Вот гады! – процедил Малхаз, «и те и эти гады» – вспомнил он заключение Бозаевой, бросил бинокль в пруд, и зная, что стрелять не будут, договорились, смело перешел трассу, спустился к Аргуну, тщательно умылся, очистил одежду и понял – надо учить детей, это патриотизм, путь к счастью, а свобода – абстракция, ширма отщепенцев...

И все-таки братья по оружию – святое братство. За день пути Малхаз еле добрался до Чишки; здесь заняли оборону настоящие ополченцы. Увидев многочисленные раны Малхаза, его немедленно отвезли в полевой госпиталь, развернутый в местной школе. Здоровенный врач-хирург говорил, что Шамсадову надо хотя бы недельку полежать, подлечиться, но Малхаз рвался домой, нутро горело недобрым, и оказалось – не зря. Именно в тот день, когда он шел в рукопашную, к его дому в селе подъехали два вездехода, вооруженные люди в масках, как утверждал сосед – чеченцы, заскочили в дом Шамсадовых, хотели забрать картину, но бабушка ухватила за нее насмерть. Бандиты стукнули старушку по голове, то же самое получил и соседский мальчик, что присматривал днем за бабушкой. Мальчик выжил, бабушка – нет, картина пропала.

И тогда, неожиданно, вновь на лице учителя истории застыла непонятная улыбка или ухмылка. «Сошел с ума», – шептались сельчане, а к этому и нога разошлась.

Вновь на помощь пришли ополченцы. То на машине, то на телеге, то на носилках через заснеженные перевалы доставили Шамсадова в Грузию, в Тбилиси. После одной операции перевезли в Стамбул. И здесь в госпитале его нашла мать, перевезла в Москву. Оказывается, отчим Малхаза всегда «на коне», и в столице он занимает доходный пост, а сводные братья повзрослели, в отца, старший – уже вице-президент крупной нефтяной компании, второй – совсем умница, открыл свою компьютерную фирму, сам составляет программы, владеет иностранными языками.

Истосковалась мать по первенцу. Как ни кощунственно, мечтала она забрать Малхаза к себе, когда помрут родители бывшего мужа. По всем столичным клиникам возили его, потом по дорогим магазинам. Купили двухкомнатную квартиру в центре Москвы, сватают к красавицам-землячкам, но учитель истории отнекивается, молчалив, угрюм; все по библиотекам да по книжным магазинам ходит, вновь историей Хазарии поглощен. И никто не знает, что есть у него женщины поклонения, что они, быть может, вдалеке, да он их обязательно найдет, и Ану найдет, и Эстери.

Его поиски увенчались некоторым успехом. Стало известно – Эстери беженкой перебралась в Германию. Малхаз тоже загорелся желанием беженцем уехать в Германию.

– Да ты что, это удел бедных, – возмутилась мать, однако, видя настырность первенца, послала его в Германию, но не беженцем, а вольным туристом, с деньгами в кармане.

Через месяц вернулся ни с чем, не зная языка, ему было очень тяжело. Тем не менее, он объездил все лагеря беженцев в Германии, увидел много чеченцев и многих беженцев под видом чеченцев. Вернувшись в Москву, он хотел продолжить поиски в других странах

Европы, но ему было стыдно вновь просить деньги, да и не маленький он, и не больной, чтобы быть иждивенцем.

Жить в многолюдной Москве после одиночества гор – очень тяжело. С матерью Малхаз, несмотря на ее заботы, так и не сошелся душевно, зато он сблизился со вторым сводным братом, компьютерщиком – Ансаром. Именно Ансар подсказал Малхазу, что теперь не надо сидеть в библиотеках, через Интернет все поступает в домашний компьютер. Малхаз «заразился» этой игрушкой, сутками сидел за компьютером, постоянно обращался к брату за помощью и консультацией и так его полюбил, что, не выдержав, раскрыл ему свою страдающую душу.

– Зачем куда-то ехать! – воскликнул Ансар. – Ныне не те времена, в Интернете все есть.

И действительно, через день у Малхаза были все списки беженцев Европы, но Бозаевой Эстери не было. И тогда Ансар, через посредство своих европейских партнеров, сделал запрос в Интерпол – нет.

Совсем сник Малхаз. Как и Ана, Эстери канула в никуда.

Стал скучать он по своим горам, и уже, к ужасу матери, объявил – собирается домой. Однажды рано утром нагрянула милиция. Учужало сердце матери, спрятала она Малхаза в надежном месте. Блюстители порядка особо не усердствовали, мельком глянули в комнаты, проверили паспорта и в конце спросили: «Есть ли такой – Шамсадов?».

– Нет, какой-то Шамсадов? – артистично возмутилась мать. – Не видите – мы Зоевы.

Ушли. Но поняла мать: не пронесло, тучи сгущаются над сыном. Заставила она влиятельного мужа подсуетиться. В тот же день отчим узнал, а через день из Грозного знакомые позвонили: Шамсадов Малхаз Ошаевич в каком-то списке, как командир боевиков, преступник, находится в розыске.

В ту же ночь мать, как ребенка, лично вывезла Малхаза в Стамбул, к родственникам. В Турции, не зная языка, без доступа к литературе, он и вовсе впал в отчаяние. Единственная отдушина – Интернет-кафе, где он может общаться с Ансаром. Сводный брат оказался настоящим братом, прилетел он в гости к Малхазу и через день осторожно предложил:

– Поезжай в Англию представителем моей фирмы.

– Так я языка не знаю.

– Вот и выучишь; без английского в каталогах и в библиотеках делать нечего. А заодно, я порекомендую, на компьютерные спецкурсы устроишься. Поверь, там лучшие в мире программисты преподают.

– Вновь на маминой шее?

– Нет, все за счет фирмы – ты представитель и стажер... Все равно домой дороги пока нет. Не переживай, ты с лихвой отработаешь.

– И долго?

– Для начала год, а там видно будет.

Еще пару дней Малхаз раздумывал, ведь Кавказ от Турции рядом, а потом вспомнил слова директора Бозаевой – «Кто не учится каждый день – деградирует», полетел вместе с братом в Лондон, и под сорок лет вместо учителя стал учеником, первоклашкой.

* * *

Разврат – производная роскоши и нищеты, и если в роскоши это сумасшедшие оргии, то в нищете – просто сумасшествие. Именно в нищете, от безысходности на окраине порта Бейрута некогда родился некто Басри Бейхами, выжил, встал на ноги, и в результате уродства души, впрочем, как и тела, а более упорства и смекалки, он стал основным поставщиком исключительного товара для безумных оргий по всему Средиземноморью, Передней Азии и Ближнему Востоку.

Басри Бейхами – имя присвоенное, а так до тридцати лет он был просто вечно босоногий Басро, без княжеского Бейхами, сын портовой шлюхи, на закате «карьеры» решившей заиметь ребенка, и не от кого-либо, а только от светловолосого здорового моряка-норманна. В норманнов Басро не пошел, разве что ростом: длинный, костлявый, сутулый, с огромными, свисающими, как у обезьян, руками, а остальное в мать, или черт знает еще в кого – смуглый, с выпяченным узким подбородком и большим носом, с глубоко впалыми, вечно подозрительными, блуждающими глазами, с редкой проседью в густых курчавых волосах.

Когда Басро смог носить наполненный кувшин, он стал поить холодной водой базарный люд. В то же время пристрастился к карманному воровству, однако отсеченная рука напарника отбила охоту пользоваться этим ремеслом, и чуточку повзрослев, Басро стал грузчиком в порту, потом моряком. В первом же плавании, в первом же порту более взрослые моряки вынудили его познать первую женщину, такую же, как его мать. Это Басро очень понравилось, и он с нетерпением ожидал каждого захода в порт. А однажды им довелось перевозить живой товар из Туниса, и одна юная рабыня была так хороша, что ею ублажался сам капитан, а когда ему надоело, весь экипаж; все заболели страшной болезнью, и только Басро как ни в чем не бывало. До подхода к Константинополю, куда корабль направлялся, несколько членов экипажа уже были сброшены мертвыми за борт. В порту более-менее обеспеченный капитан обратился за лечением к самому знаменитому врачу Византии – Лазарю Мниху. Именно Лазарь Мних, после бесед с капитаном, попросил доставить паренька, которого болезнь миновала.

Посулив приличное жалование и такую же жизнь, Лазарь Мних назначил Басро своим ассистентом, а на самом деле стал на нем проводить эксперименты, скрыто подвергая его всяким заразам, и бывалый врач был поражен – организм Басро перебарывал любую инфекцию. Это была обоюдовыгодная практика – так сказать некий эпидемиологический щит и одновременно меч в руках врача; и знакомства, и не простые, а весьма интимные, с очень богатыми персонами – для ассистента. Конечно, доходы от сотрудничества были неравнозначны, тем не менее, портовый босьяк, став так неожиданно ассистентом, а точнее смекалистым подопытным, извлек свой иммунодейственный опыт: оказывается, практически в каждом индивидууме существует в различной степени порочная страсть, которую тот в зависимости от возможностей и морали реализует; и учитывая, что у обеспеченных людей возможностей много, а морали зачастую нет, они устраивают вакханалии и до того изощряют ненасытный блуд, что с различными недугами становятся пациентами Лазаря Мниха. С возрастом, хоть и не хочет богатый лекарь терять практику и связи, общаться кошерному пожилому человеку уже приятней с Богом, нежели со всякой заразой, а ее развелось столько с привозом издалека рабов, что даже врач заразиться боится. Вот и прикидывается Лазарь Мних теряющим остроту зрения, сидит за столом, записывает, назначает лечение, а в непосредственном контакте с пациентом ассистент, и он же проводит лечение, и не только предписанное врачом, но и втайне желаемое пациентом. И когда его способности стали не в диковинку, предприимчивый Басро отправлялся в порт; если в порту на данный момент не было того, что надо, делал срочный заказ, удовлетворяя тайную блажь уже не заразного пациента, а «изысканного» клиента.

Сотни, если не тысячи, детей и подростков, юношей и девушек, здоровенных мужчин и дородных женщин всех мастей и рас прошли через костлявые, огромные руки Басро, щедро позолотив их. И наверняка любой другой крутившийся в такой грязи, среди столь могущественных вельмож давно потерял бы все, в том числе и голову, да только не Басро, порожденный в порту плут: он четко следовал по надежному фарватеру – молчание золото, и ничего не знаю. В пропитанной сплетнями и погрязшей в интригах Византии это качество было редким и щедро оплачиваемым.

Однако кроме Басро в эти тайны был посвящен и Лазарь Мних, а он не какой-то портовый ублюдок, потомственный врач, ныне главный лекарь императорского двора и, по слухам, первый человек еврейской общины. Конечно, руководствуясь не последним, а только тем, что он врач и не может допустить издевательств над здоровьем и жизнью пусть даже рабов, он – Лазарь Мних, обнародовал диагнозы персон – не всех, а очень влиятельных, и это почему-то совпало с моментом ужесточенного преследования евреев одним из императоров Византии Романом Лекапином.

Сенсационное сообщение Лазаря Мниха вызвало панику, не только императорский дворец, но даже главные увеселительные заведения – императорский ипподром и театр – стали пустовать. Назревали заговор и очередной дворцовый переворот. И тогда император Роман Лекапин вынужден был пойти на сговор, в результате торга усилились позиции другого императора, Константина, приближенного к евреям, и откровенные репрессии по отношению к последним пошли на убыль. Вместе с тем не обошлось без показательных жертв, иначе империя развалилась бы быстрее: кого-то за прелюбодеяние казнили, кого-то посадили, многие лишились постов и привилегий, а сестра Романа Лекапина – Феофания, очень красивая, умная и влиятельная женщина, ненавидевшая не излечивших ее врачей, а значит евреев, была принудительно изгнана не только от двора, но и из Константинополя. Ходил слух, что именно Феофания, а не ее брат, организовала жестокое убийство не только врача Лазаря Мниха, но и его жены и четверых детей, кроме одного – Зембрия, который, в тот период готовясь принять духовный сан, обучался где-то далеко в горах.

В общем, пострадали многие, но Басро – главный соучастник зла, не только не пострадал, но снова выиграл. Он всегда молчал, не поддавался ни на чьи уговоры, не соблазнился подкупом, не выдал никого в суде и даже под угрозами. И все его клиенты и партнеры поняли, что хотя Басро и дрянь, но, как и они, порядочный, к тому же уже богат, имеет тайные связи и влияние, притом купил приличную виллу в пригороде Константинополя. В завершение становления в свете женился на очень богатой и не очень молодой особе из круга своей клиентуры, заимел княжеский титул и стал именоваться Басри Бейхами, имея свою конюшню, ложу в театре и многоэтажные доходные дома в центре Константинополя.

Шли годы, многое менялось, но не менялось одно – дело Басро, он не изменил поприщу, которое вывело его в люди. Правда, ныне он не босяк Басро, а князь Басри Бейхами, и поэтому несколько изменилась его специализация, но не клиентура. Специальные агенты Бейхами, а это люди в основном странствующие – такие, как послы, купцы, их проводники, моряки, искатели легкой наживы и отчаянные головорезы, доставляют ему информацию, где подрастают красивые юноши и девушки, которых Бейхами различными способами превращает в товар, в товар очень дорогой, тайный, пользующийся вечным спросом и до чрезмерного потребления не портящийся. При этом, с опытом, Басро сделал еще один очень выгодный для его дела вывод. Оказывается, во все времена много таких, как он, босяков в силу различных причин становились богатыми людьми, нуворишами. И некоторые из этих резко обогатившихся людей, перепробовав многие прелести жизни, страдают патологией ущербного происхождения. Они, то ли для самоутверждения, то ли из мести, то ли просто из любопытства или еще из-за чего-то, мечтают пообщаться с особами из привилегированных каст, с отпрысками потомственных династий, будь то из черной Африки или далекой Сибири. Для удовлетворения этой генной прихоти, этого выравнивания не только материальных, но, что с достатком важнее, и моральных амбиций, идут на любые расходы от деликатных предложений Бейхами, тем более, что можно не только насладиться недоразвитое нутро, но и в особых случаях получить политические выгоды и провести удачные спекуляции.

Разумеется, занять товар в виде красивой дочери какого-либо князя или царя – дело очень рискованное, дорогостоящее и не всегда удачное. Однако и барыши соответствующие: одна такая операция стоит двух-трех лет обыденной возни, а бывало и два-три года скры-

ваться приходилось, пока не улягутся страсти, пока не откупишься. Словом, любит Бейхами свое дело, и уж весьма богат и немолод, но алчность и азарт не ослабевают в нем, только доход, несмотря на риск и борьбу, влечет его к новым варварски изощренным авантюрам.

Именно Басри Бейхами, пользуясь политической ситуацией, сложившейся между Константинополем и Грузией, вдохновил и организовал операцию по пленению семьи грузинского царя, и главное – дочери царя, и при этом в основном использовал государственный ресурс в виде послов и агентов сыска, сановников и купцов, армию и просто бандитов, и не только Византии, но в большей степени самой Хазарии, на территории которой эта операция проходила.

Не в Саркеле, а в Фанагории, и то, как обычно, через посредников, завладел Басри Бейхами дочерью грузинского царя, и только после этого узнал, что были пленены еще три дочери какого-то крупного хазарского военачальника и были они гораздо краше грузинки, а старшая была просто загляденье.

Загорелся Басри, поскакал вдогонку за караваном, направлявшимся в Итиль, быстро нагнал загулявших наемников в одном из караван-сараев в степи, и по-прежнему, не лично, а подкупив проезжающего грека-купца, за приличные для Хазарии деньги выкупил детей Алтазура. Воочию же увидев старшую, Ану, понял, что дело стоящее, и, заметая следы, проехался по побережью, распространяя ложные слухи, в то время как товар уже ушел морем, и не в византийские порты, где всюду тайный сыск. Ночью, пройдя Босфор, корабль с пленниками причалил к пристани одного из маленьких чудных островов с видом на Константинополь, якобы принадлежавших работоторговцу.

От кражи семьи грузинского царя Басри Бейхами ничего не заработал: за них было кому заступиться, чем пожертвовать; грузинский царь пошел на попятную, подписал кабальный договор. А дети Алтазура никого не интересовали, да и нет за их спинами государственно-монолитного народа, вот и потирает Басри огромные ручки, предвкушая огромные барыши. Не спешит, ищет привередливого покупателя на товар, и знает, что в данном случае как никогда выгоднее трех сестер продать оптом, в одни, такие же, как у него, грязные руки.

И такой покупатель нашелся. Прямо на острове за ничего не подозревавшими сестрами наблюдал смуглый толстяк с перстнями почти на всех пальцах рук. В тот же день хотел «товар» испробовать, однако Бейхами, прожженный торгош, свой «товар», да тем более такой девственный, как зеницу ока бережет – пробовать нечего, и так видно, краше чуда нет. Деньги вперед – делай, что хочешь. Таких денег с собой не возят. Покупатель согласился: «товар» в Дамаске, сделка состоялась; ожидает девиц презренная участь рабынь.

Как любой базарный торговец в день по десять раз драит каждый помидор, чтоб блеснул до покупки, так и Басри Бейхами, притворяясь заботливым опекуном, наседкой носится вокруг трех сестер и их брата. У каждой девушки по две рабыни, их каждый день купают, хорошо кормят, обихаживают, как могут. Словом, живут они, словно принцессы, а чтобы не страдали, им каждый день обещают, что вот-вот за ними прибудет отец или выедут к нему навстречу.

Когда Басри на острове, он каждый день, порой по несколько раз, непременно склонив голову в знак уважения, очень вежливо, через переводчика, общается с гордыми девушками, интересуется, что еще они пожелают, и как всегда: «вот-вот уедут домой». Кроме чеченского, который был основным языком в Самандаре, дети Алтазура знают еще тюркский сленг с хазарским диалектом. Носителя чеченского языка не нашли, впрочем, и не искали, а знающих тюркский – очень много. Но пленники умны и молоды, и за несколько месяцев уже практически полностью понимают греческий, но, сговорившись, не выдают этого.

И вот наступил долгожданный день, их посадили на корабль, как принцесс; сопровождают их те же рабыни. Была середина зимы, после недельного шторма море еще бурлило.

Небо было низкое, морозящее, тяжелое, с недалеким горизонтом; под стать неласковому небу мраком волновалось гневное море, меж волн раскрывая голодную пасть, шипящими брызгами обдавая борта легкого суденышка, бросая его с гребня на гребень. Капитан, он же рулевой, и Бейхами стояли на корме, пять пар гребцов-рабов дружно махали веслами, а между ними сидели пленники и их прислуга. Три сестры и брат сидели кружком, они верили и не верили в грядущее, полупшепотом переговаривались на родном языке.

– Вы чеченки? – вдруг так же тихо спросил сидящий рядом гребец.

– Да, – встрепенулись девушки и их брат-подросток. – А Вы кто?

– Я, как и вы, родом с Кавказа, из Дагестана, а ныне, как и вы, – раб.

– Мы не рабы, – возмутилась младшая Дика, даже привстала. – Нас ждет на берегу отец – Алтазур... Не волнуйтесь, мы ему скажем, он сильный... и Вас тоже заберем на Кавказ.

– Хм, – ухмыльнулся гребец. В этот прохладный день пот тек по нему градом, он злобно сплюнул за борт, и, с такой же злобой повернувшись к девушкам, бросив грести, в ярости на всю жизнь, ядовито прошипел: – Нет вашего отца, нет! Разорвали Алтазура на куски! И никого у вас нет, и матери тоже! Все мы рабы! Рабы! Поняли?! И везут вас не домой, а на перепродажу. Все кончено, не увидим мы больше родной Кавказ, не увидим!

– Молчать! Молчать! – крикнул с кормы Бейхами.

В ужасе перекосилились лица девушек, первым истошно завопил Бозурко, затем зарыдали сестры, попадали. Пока их волоком перетаскивали на нос судна, два здоровенных надсмотрщика нещадно колотили палками болтливую гребца. Аза потеряла сознание, закатились глаза, забились она о палубу, выпуская изо рта пузыри.

– Аза, Аза! – сквозь рев теребила ее старшая Ана.

В это время Бозурко резко дернул саму Ану, диким криком привлекая ее внимание: в пучину страшно ревущего моря прыгнула младшая – Дика. Она раз всплыла, вроде крикнула, махнула рукой и исчезла. Раскидав всех, Ана решительно бросилась к борту, может мгновенье раздумывала, а скорее ждала – не покажется ли вновь сестра, и тоже головой вниз нырнула под вскипающую волну. По инерции корабль ушел далеко вперед, а Бейхами, раздирая глотку, орал: «Назад, назад гребите!». Шесть раз, задерживая дыхание, ныряла Ана в холодную толщу воды; выбилась из сил, почти околела, и уже сама хотела с облегчением уйти вслед за сестрой из отвратительной жизни. В этот момент, будто бы напоследок, гребень волны вознес ее ввысь, и она издали увидела, как на такой же волне вздернулся нос судна, а на нем очертания брата с простертыми к ней руками, в его ногах в беспамятстве сестра. «Нет, я старшая, и ради них должна жить», – в последний миг озарилось сознание, и Ана из последних сил стала бороться с холодом и со стихией, подплывая к корме, с которой тянулась спасительная смуглая рука ненавистного Бейхами...

Доставленный «товар» не отвечал предварительной договоренности ни качеством, ни количеством, и будто он разорился и стал вновь босяком, Басро, работорговец, орал на всех, хватался за голову, называя сумму убытка, и сквозь свое несравнимое горе отдал команду на разворот.

На волосок от смерти завис разбитый горем и к тому же переохлажденный организм Аны. Не на шутку взволнованный носился вокруг нее Басри Бейхами, и как ни странно, если вначале Ана представляла собой только дорогостоящий товар, то со временем больная Ана притягивала чем-то иным, доселе Басро неведомым. Нет, это не могла быть любовь, ибо такому извергу не могли небеса даровать такое счастье. Он любил только деньги и богатство. И тем не менее что-то непонятное бурлило в нем, не давало покоя, и Ана уже была не «товар», а нечто иное, сильное, смелое, притягивающее к себе не только красотой, но и чем-то внутренним, возвышенным, благородным.

Пожизненный босяк – Басро никогда не вникал в эти человеческие параметры, однако даже это полуживое трепетное создание всколыхнуло в нем какое-то человеческое чувство; за немалые деньги для невольницы привозил Басри Бейхами на остров знаменитых врачей, и, как бывший ассистент великого врача Лазаря Мних, он понимал, что все они в основном знахари, как и он, шулера, и осталась одна надежда – доктор Зембрия Мних.

Зембрия был старшим из пяти детей Лазаря Мниха. Потомственные врачеватели – династия Мних из поколения в поколение передавала накопленный опыт. Зембрия не был исключением, с детства он учился у отца, и вместо игр его заставляли сидеть у больных. В пятнадцать лет его отправили за знаниями на три года в Европу, потом вместе с купцами-рахмадитами отправили на тот же срок в Китай, еще пару лет он провел в горах Тибета и на Алтае, познавая тонкости восточной медицины. И когда казалось, что Зембрия, вернувшись из долгих скитаний, продолжит дело отцов, случилось иначе. Руководство еврейской общины Византии, а скорее и не только Византии, решило, что Зембрия в интересах нации должен принять духовный сан. Для этого Зембрия отправили в какие-то священные горы для очень долгого паломничества. Как раз в это время и случилась трагедия – Зембрия потерял всех родных и, по мнению одних, от горя сорвал голос, с тех пор говорит фальцетом; другие утверждали, что в интересах чего-то заветного, будучи в горах, он согласился кастрироваться. Словом, Зембрия так и не женился, почему-то и духовным лицом не стал, а продолжал дело отца – врачевание. Все знали, что учение врача нет во всей Византии, а значит и далее, и еще знали, что Зембрия унаследовал какое-то могущество предков, какую-то тайну. Самые влиятельные сановники Византии и других стран преклоняются перед ним, даже императоры, хоть им это не нравится, считаются с ним. Тем не менее, положение в обществе никак не отражалось на жизни Зембрия. Он строго придерживается своей религии, но без показных излишеств. С виду он невысокий, краснощекий, полненький добряк, поглощенный своей работой. И только одна у него в жизни страсть, впрочем как и у многих в Константинополе: ипподром, скачки, кони.

Зембрия чуть моложе Басро, с первого взгляда не воспринимал ассистента отца и за глаза называл подопытной крысой. А когда Зембрия узнал о промысле Басро, вообще его возненавидел, брезговал, не общался. Прошло уже много лет, как они не виделись, и тут не Басро, а Басри Бейхами обратился к врачу за помощью.

– Вообще-то, Басро... или как Вас сейчас величать – Басри Бейхами? – сухим фальцетом общался Зембрия, – как Вы знаете, хоть я и врач, но всюду бывать не могу, и помимо личной клиники посещаю больных только в императорском дворце... и то не всех... Однако я знаю круг Вашего общения, и сострадая им, а главное, из-за любопытства о Вашей внезапно пробудившейся заботе, приму вызов на остров, если больной нетранспортабелен.

– О-о! Какое чудесное место, прямо у города! – воскликнул Зембрия, очутившись на острове Бейхами. – Да, оказывается, Ваше дело очень доходное.

– Да, – тем же тоном отвечал работороговец, – ублажаем души людей.

– Хм, я-то думал, что Вы как раз калечите и души и тела людей.

– Вы говорите о рабах?

– Под Богом все равны.

– Ну... я не буду с Вами спорить, скажу лишь одно: я ученик Вашего уважаемого отца. И без того румяное лицо Зембрия стало пунцовым.

– Не Вам упоминать моего отца! – еще тоньше, до срыва, завизжал Зембрия.

– Простите, – склонил голову Бейхами, – сорвалось... случайно.

Раздраженный Зембрия пожалел о приезде, хотел бегло осмотреть больную и уехать, но врачебный долг взял свое, а когда он от Азы услышал трагедию семьи Алтазура, так похожую на свою и даже еще ужаснее, он провел около больной более трех часов, уехал, а на следующий день сам вернулся со множеством приборов и двумя ассистентами. Пробыл Зем-

брия на острове ровно сутки, пуская у Аны кровь, насильно вливая в ее рот гранатовый сок и еще какие-то микстуры, прикладывая на голову и ноги пиявки, прокалывая кожу иглами со змеиным ядом. Увидев на лице Аны едва заметный румянец, Зембрия впервые за время пребывания на острове улыбнулся и, почему-то шепотом, сказал Азе:

– Будет жить, сильное у нее сердце.

Не меньшую радость испытывал и Басри Бейхами, довольный тем, что Зембрия Мних не взял плату за лечение. А потом стал недоволен: доктор и без вызова навещался к больной каждую неделю, вплоть до наступления лета, и под конец совсем огорошил:

– Сколько они стоят? – смущенным фальцетом спросил Зембрия.

– Чего? – еще больше ссутулился Бейхами. – А зачем Вам женщины? – засмеялся он, тут же осекся, извинился и, наигранно изображая конфуз, потер руки, не зная, какую сумму назвать, чтобы не прогадать и не перегнуть – ведь Мних не простой человек, не уровня его клиентуры, с коими можно как угодно торговаться.

– Дорогой Зембрия, – пробудился опыт торговца, – давайте этот вопрос обсудим при следующей встрече.

Всерьез призадумался Басри Бейхами, и тут же поймал себя на мысли, что не может не видеть Ану, он так к ней привык, она так прекрасна и загадочна, в ее присутствии он становится почему-то иным – робким, мягким, воспитанным, и даже боится при ней грубость сказать, тоже пытается быть аристократом или благородным рыцарем. Эти доселе неведомые Бейхами чувства изменяли его внутреннюю жизнь, и он как-то в отъезде поймал себя на мысли: страстно хочется на остров, видеть это лицо, просто быть рядом с ней, с Аной.

– Нет, – категорично ответил Бейхами Зембрия, – она не рабыня, не продается... Я на ней женюсь... И посему прошу Вас назвать сумму моего долга за лечение Аны, и пожалуйста, больше не являйтесь без вызова на мой остров.

Благовоспитанный Зембрия Мних, скрипя зубами, подчинился воле Бейхами, но вместе с тем, не питая надежды и иллюзий, а просто из сострадания, тайно, через челядь, передал Ане свой адрес в Константинополе – на всякий случай.

А Бейхами почти уверовал в сказанное; вечерами ему хотелось, чтобы Ана была его женщиной, а утром при подсчете капитала как всегда казалось, что он нищает из-за своего романтизма, дела не идут, и он вот-вот разорится. «Нет, нужно сохранить товар и выгодно продать», – превалирует днем устоявшаяся жилка работоторговца.

Однажды, находясь под влиянием такого решения, он бросил клич на древний рынок: «Есть изумительный товар, лучше не бывает!».

И сразу объявился покупатель, и не из известных клиентов Бейхами, а новый – наглый, который, не глядя на товар, предложил позорный мизер и чуть ли не угрожая потребовал продать.

Нюх портового босяка подсказал Басро, что кто-то навел на него этого наглеца, похлеще его самого. Не долго раздумывая, Басро понял – Зембрия, и уже хотел пойти на поклон, как новый, совсем неожиданный удар: эскадра лодок избороздила песчаный берег, чиновничий люд, в сопровождении когорты гвардейцев, оккупировал остров. Повели допрос: чей Бейхами подданный, за счет чего живет, как платит налоги и сколько? и прочее, прочее. И когда не только отказались от огромной взятки, а потребовали явиться в суд, Бейхами понял: не над тем пошутил.

В тот же вечер, осознав, что он все же Басро, несмотря на свои капиталы, засобиравшись в Константинополь.

И вновь гости: небольшая, богато разукрашенная резным деревом и цветными смолами лодка причалила к песчаному мысу. На ней, как ни странно, одни женщины, две гребут и третья посередине, вроде в чадре, да в какой-то цветастой, нарядной. Та, что была в чадре, соскочила прямо в воду, умело подтолкнула лодку к берегу, в чуть ли не по пояс вымоченной

одежде вышла на берег. Очень долго смотрела на двух девушек и подростка, резвившихся в прибрежной воде, а затем какой-то необычной походкой, бочком, уверенно направилась к покоям Бейхами. Ей преградили путь двое охранников – она что-то рывкнула гнусавым голосом; когда это не помогло, раскрыла лицо и, видя, как отшатнулась охрана, издевательски засмеялась и продолжила путь, снова прикрыв лицо.

– Как почитаешь, Басро? – она уже вошла в покои хозяина. – Не узнаешь? А теперь? – скинула она чадру и, видя, как Басро, сморщив лицо, отскочил, ядовито-раскатисто захохотала. – Что, не узнал, кого облагодетельствовал? Значит, много таких, как я, через твои мерзкие руки прошло... Ха-ха-ха, все-таки вспомнил! Да, я Мартина... та Мартина, которую ты юной в Алжире украл.

– Никого я не крал!.. Отойди!

– Что, боишься заразиться? Так к тебе ведь ни одна зараза не пристает, ты ведь не человек – дьявол. У-у – дрянь! Ха-ха-ха! Боишься?!

– Стража! Стража!

Несколько здоровенных стражников поспешили на крик.

– Ха! – рывкнула на них гостя, и они, страшась не ее крика, а мерзкого лица, резко отпрянули, затрясли копьями. – Убери их, и подальше! – с гнусавой повелительностью приказала она, и, видя, что нет реакции, с издевательской фальшью в голосе. – Я от Феофаны, как ты, наверное, догадываешься... Вот так, без лишних ушей, я думаю, тебе будет лучше... Так знаешь с чем меня прислали? За тобой ведь должок, и давний.

– Никому я не должен!

– Должен, должен, – ходила за отступающим Бейхами пришедшая по огромной зале с мраморными колоннами, с золотыми подсвечниками, с китайскими цветными вазами на персидских коврах. – Иль забыл, что не всех из семейства Мних ты убил, как должен был?

– Не кричи!.. Его не было тогда здесь.

– А ныне? Зембрия уже давно в Константинополе, и даже у тебя, здесь частенько бывает. Что ж ты обещанное не выполняешь... а свое получил?!

– Прочь! Прочь, что ты себе позволяешь – рабыня!

– Ха-ха-ха! Ошибаешься, Басро. Это ты раб, мерзость, ублюдок, босяк. А я благородная дочь достойных родителей, и теперь, как ты знаешь, первая фаворитка императрицы Феофаны. И наконец ты в моих руках.

– Отстань, не трогай меня! Что ты хочешь?..

– Ха-ха-ха! – дико смеялась и говорила Мартина. – То, что я хочу, не волнуйся, сбудется. Тысячи, нет миллионы моих проклятий витают над твоей поганой головой и ждут момента расплаты... А сейчас отработай долг – приказ Феофаны.

– Не могу, не могу! Ну как?! Как я это сделаю?

– Молчи! Слушай и исполняй. Зембрия добывается твоей красавицы...

– Откуда Вы узнали? – перебил ее Басро.

– Ты что думаешь, если Феофана добровольно удалилась от людей, то есть вас, подлых мужчин, то она и от дел отошла?

– Нет, не думаю, я все знаю.

– А мы знаем в тысячу раз больше тебя, и даже то, кто тебя проверял, кто будет на днях судить и какой будет приговор.

– Ты о чем, Мартина?! Я ведь верен Феофане, верен, – теперь он сам, не брезгуя, приблизился к госте. – Я ведь все делал...

– И будешь делать впредь! – повелительный свистящий тон.

– Да, да... О, как я его убью? Как? – схватился Басро за голову.

– Не так, как ты думаешь, а как Феофана повелевает, чтобы мучился этот еврей, как мы... Слушай. Сегодня к закату доставишь красавицу ко дворцу императрицы. Близко

не подплывай, ты знаешь, Феофана теперь не переносит духа мужчин. Ночью красавицей насладится императрица, а утром подаришь ее Зембрию, пусть заразится главный еврей... Вот и все.

– Нет, только не так!

– Кого ты щадишь? Свою красавицу или Зембрию? Помни, в Византии не только врачи и сановники – евреи, но и судьи тоже. Ха-ха-ха, мечтаю я посмотреть, как тебя на веревках в холодную яму к голодным крысам спустят... поднимут, спустят, поднимут, и так трое суток!.. Какое у тебя будущее! Представляешь?! Так что на закате жду тебя с красавицей в проливе, в миле от дворца. И помни: ты должен быть один, чтоб ни одна душа не видела, не знала.

Свою бывшую рабыню, ныне повелевающую им, Бейхами провожал до берега и, уже не брезгуя, даже помог женщине взобраться на лодку. В это время в море виднелась только золотистая голова Аны, заплывшей очень далеко.

– Здорово плавает красавица, – рука Мартины, уже стоявшей в лодке, козырьком прикрыла глаза от солнца.

– Да, – сказал Бейхами, – она говорила, что жила у большой буйной реки Терек и с детства, в день по десять раз, эту мутную реку переплывала.

– А не боишься, что уплывет?

– Нет. Видишь, ее сестра и братец на берегу, под охраной. Без них она никуда не денется.

Тем не менее, как только лодка с непрошеной гостьей отплыла достаточно далеко, Бейхами стал орать на прислугу; ценность Аны возросла. К ней навстречу выплыли сразу три лодки и сопровождали красавицу до берега. Из прозрачно-чистой голубоватой воды Ана не выходила, пока не удалился Бейхами. А Бейхами сделал вид, что уходит, по пути свернул в густую кипарисовую рощу и, царапая лицо и руки, теперь уже скрыто приблизился к берегу и, как он делал уже не раз, стал вождеденно подглядывать.

Прислуживали и одновременно неотступно следили за пленниками двенадцать мощных женщин-африканок. Мужчин-рабов, даже евнухов, Ана к себе не подпускала.

С врожденной грацией королевы, с гибкой пластикой амазонки, зачарованной сказкой улыбаясь брату и сестре, словно мифическая русалка, с блестящими капельками, будто серебристой чешуей, выходила из воды тонкая, высокая Ана, на ходу изящным движением красивой руки отбрасывая локоны золотистых густых волос с девственно сильной груди за спину. Пара рабынь, до предела вытягиваясь, вознесли над высокой Аной широкий атласный зонт, а две другие бархатными белыми полотенцами нежно обтирали ее, и кожа Аны была настолько белоснежной – как снег, что белые полотенца выглядели блекло.

Не только красотой, а более умом, выдержкой и силой духа сумела Ана поставить себя в особое положение – не рабыни, не субъекта торга или услады, а в какое-то возвышенное, неприкосновенное, но очень желанное.

«Нет, – думал подглядывающий Бейхами, – никому не отдам, сегодня же...».

А потом, уже у себя в кабинете, куда он вызвал Ану, Басро почему-то вспомнил крыс, которых он много повидал и в порту и на кораблях, и как он их боялся и ненавидел... Неужели теперь, когда он достиг всего своим трудом, хоть, как говорит Зембрию, неправедным (а где праведный, если жить лучше раба желаешь? пусть на себя посмотрит!), и вдруг такое...

«Нет, и до сих пор не соблазнялся, товар берег, и сейчас выстою... Нет, нет, что за наваждение? Что за страсти вокруг этой рабыни?! Да и краше и юнее сколько их было!.. А может, она ведьма... или, скорее, богиня?.. Нет, до сих пор держался, и сейчас не поддамся соблазну – товар есть товар, дело есть дело, страсть – не жизнь, как свечка, растает: кину ее, откупаясь, в прокаженные объятия Феофаны, пусть облизывает ядовитым языком!»

Эти поворотные к истокам Басро мысли перенесли встречу с Аной, как и прежде, в приемные покои, а не в опочивальню, о чем грезил накануне он, и, как прежде, Ану сопровождала свита – сестра, брат, две африканки. В отличие от других комнат в роскошном восточном стиле, эта комната носила несколько более скромный, деловой вид: полы облицованы ониксом, отполированным так, что всегда казалось: замерзли капельки воды и льдинками покрыта поверхность; с небольшим фонтаном, выходит на террасу с видом на море, а в глубине, на толстых коврах с узорчатым орнаментом два больших кожаных кресла с подлокотниками из слоновой кости, на золотых ножках.

Грозным повелителем восседал Бейхами, негодуя на жизнь, и даже не ответил на легкий поклон Аны. Но ее взгляд, сначала исподлобья, из-под высоко поднятых золотистых бровей, эти бездонные, доверчивые, обворожительно-манящие зеленовато-лиловые глаза вновь его нейтрализовали, загипнотизировали, сделали подвластным ей.

– Садитесь, присаживайтесь, Ана! – вскочил услужливо Басро, на ходу меняя ход своих мыслей. – Видишь, как скверны дела, ведь мы никто – все рабы. А знаешь, кто правит миром?.. У-у-у, только не говори, что твои языческие Боги, нет; миром правят деньги и интерес к ним, а у кого больше всех денег – у правителей. А кто организовал истребление твоей семьи, вас пленил и держит здесь?.. Не знаешь? А я подскажу: не я, как ты думаешь; я никто, босяк, а правители Византии, и лично принцесса Феофания, которая до сих пор мнит себя императрицей. Кстати, и этот остров, и этот дворец, и я, и ты принадлежим ей.

– Я никому не принадлежу, – бархатистым голосом, будто с ленцой отвечала Ана, глядя только вперед, сидя с величавой осанкой в кресле.

– Да пойми, спустись с небес, ты невольница, ты рабыня...

– Прекратите бредить, я скорее покончу с собой...

– Ана, – в свою очередь перебил ее Бейхами, – это не бред, а ожидаемый блуд, если бы не моя привязанность и снисходительность к тебе.

Краска залила гладкое лицо Аны, так что еще не обсохшие, но уже начинающие волниться пышные волосы приняли иной, золотисто-ядренный оттенок.

– Этого не будет, будет смерть, – уже без ленцы, с едва заметной тревогой.

– Это тебе кажется, а умереть нелегко, не дадут, – уже склонился к уху Бейхами, предвещающе шепелявил. – Человек изощрен в пороках. Выбьют из тебя эту спесь, надругаются так, что ни жить, ни умирать, ни думать не будешь, будешь куклой, рабой, как вон те, в лучшем случае.

– Нет! – крикнула Ана, обхватив костяные подлокотники.

Сидящие в противоположном углу брат и сестра со страхом в глазах вскочили, на них то указывал теперь Бейхами:

– А о них ты думаешь? Или до себя и с ними покончишь? – слащаво-ядовитое шипение. – Разбросают вас по белу свету, будете лет пять, пока молоды, всех, кто захочет, ублажать, а там и помирай сколько хочешь...

– Нет... – еще ниже склонила Ана голову, – если бы не они... – упала на шелковую ткань крупная слеза.

– В том-то и дело... Хотя, – забарабанил пальцами о слоновую кость Бейхами, – когда голодная крыса начинает грызть пятку, думаешь только о себе.

– Не мучайте меня, – иступленным голосом взмолилась Ана, пребывая на грани истерики.

– Разве это мучение? – еще ближе от ее красивого уха зашептали влажные губы работноговца. – Мучение, когда из-за жалкого куска хлеба будешь с улыбкой на лице ублажать отцеубийцу.

– Нет! – истошно закричала Ана, закрывая руками уши. От ее прежней горделивой осанки ничего не осталось, согнулась, чуть ли не в коленях пряча лицо.

– Слушай меня, – вкрадчиво-повелительным металлом резанул голос Бейхами. – Хотя и баловал я тебя – ты рабыня, и не моя... Я к тебе привязался, и, жалея тебя, подскажу: у тебя есть шанс спасти не только себя, сестру и брата, но и меня заодно. Ты сильная и смелая, я уверен, ты справишься, или... твоя красота так тебя изведет, что тысячу раз пожелаешь смерти, а не сможешь, и будешь с завистью вспоминать утонувшую сестру... Вставай, у нас мало времени, тебя пожелала «императрица» Феофана, а в Византии ее пожелание – закон... Пошли, нам далеко плыть, по пути все узнаешь.

...Феофана – умная, красивая, избалованная судьбой единственная сестра императора Романа Лекапина. С детства она была не по годам способной и, главное, внимательной. Она быстро поняла и освоила нравы и мораль империи. Еще очень юной, с политической целью, а более чтобы обуздать замужеством сестру, Роман выдал ее за уже немолодого, влиятельного префекта претория Востока, чревоугодника Иоанна Капподийского. Их брак был фикцией, и супруги намеренно досаждали друг другу. Обыкновенно не совсем здоровый, толстый Иоанн Капподийский появлялся в кругу пестрой толпы фривольно одетых девиц легкого поведения, опираясь на плечи которых он продвигался в живописном и полном распушенности великолепии. А когда Иоанн следовал в Константинополь или еще куда-либо, его сопровождало до десяти тысяч рабов и слуг. Он был горд, богат, заносчив. Примерно так же вела себя и жила его жена – Феофана. Между супругами частенько возникали серьезные скандалы, дошедшие до вражды, и, наверное, из-за неприязни к Феофане Иоанн Капподийский постепенно принял сторону врагов Романа – византийских евреев, которых Роман Лекапин яро преследовал за узурпацию власти. Зять императора недолго пребывал в стане врага; вскоре его нашли мертвым на собственном ложе. Говорили о насильственной смерти не без участия жены. Впрочем, это было не редкостью в коррумпированной Византии; никто не возмущился и не удивился. Однако, не дожидаясь новых жертв, немногочисленные, но влиятельные и сплоченные противники императора свершили очередной дворцовый переворот, Романа Лекапина посадили в яму, а сестру пожалели – отправили в монастырь. Думали – распутная бабенка, там от горя и помрет, но не тут-то было, Феофана показала свой характер и ум. Она бежала, и не куда-нибудь, а к враждебным сарацинам, сконцентрировала вокруг себя деньги, а значит и людей, наняла армию в Византии и вихрем погромов прошла по стране. Освободила брата, вновь посадила его на императорский трон, и сама стала называться «императрицей».

С тех пор жизнь стала сказочной: власть, деньги, страсть – составляющие ее вечного праздника. Лучшие бани, театры, гостиницы, ипподромы – эти самые зланные заведения принадлежат Феофане, она решает многое, если не все. Оргии не прекращаются неделями, на многочисленных конкурсах красоты она выбирает юношей, а ее еще совсем юный сын – девушек.

Но не бывают праздники вечными: где юно и тонко оборвалось – сын не выдержал марафона сладострастий – внезапно умер. Это был страшный удар для Феофаны – с полгода она не могла прийти в себя, потом мечтала вновь забеременеть – не получалось. И потихоньку началась прежняя жизнь со сплетнями, интригами, казнокрадством и мздоимством – днем, и страстными оргиями – по ночам. И как ожидаемое – страшная болезнь. Лекари и знахари, шаманы и ведьмы, колдуны со всех концов мира за любые деньги лечили Феофану – бесполезно. А этот еврей – императорский врач Лазарь Мних – и осмотреть Феофану отказался, сказав посылному: «Дело не в болезни, а в профилактике, бороться надо не со следствием, а с причиной, лечить надо не тело, а душу – пусть возвращается в монастырь».

Что было дальше, известно: семью Мнихов вырезали, остался только Зембрия, а Феофану в монастырь и не взяли бы. Решением суда ввиду заразной неизлечимой болезни ее изолировали от общества, взяли под домашний арест. Но как удержать столь богатую и влиятельную женщину? С еще большим шиком и размахом Феофана появляется то там, то здесь,

днем на ипподроме, вечером в театре, ночью в бане, под утро в гостинице. Многие, ожидая ее благосклонности и содействия в карьере или просто желая задарма пошиковать, не брезговали общением с могущественной «императрицей» – началась эпидемия.

По личному указу императора Феофану выселили подальше, за Босфорский пролив, поставили круглосуточную охрану. И тогда Феофана не сдалась: морем ее верный Бейхами поставлял ей юношей и мужчин, и не только рабов, но и тех, кто в отчаянии хотел подзаработать.

А потом прогрессирующая болезнь вылезла наружу, обезобразила ее красивое лицо. Феофана возненавидела весь мир, и особенно мужчин, заразивших ее; все, что касалось мужского пола – от людей до животных – было изгнано с территории ее дворца. Но и в гниющем теле страсть жила, оказалось, больней приятнее не мужская грубость, а женская ласка. И уже многие из окружения Феофаны поумирали, а она все держалась, жила, влияла и все еще проныцательным умом понимала, что ее поддерживает только одно – юная отборная поросль, впиваясь в которых она, словно вампир, высасывает их ауру, их молодость, их дух...

И выпал черед Аны.

– Нет-нет, я не смогу это сделать, – в отчаянии безжизненным голосом сказала она в очередной раз.

– Сможешь! – внушал ей Бейхами, от гребли и вечерней духоты на его смуглом, некрасиво-носатом лице выступал обильный пот, стекая по многочисленным глубоким, искривленным, как его жизнь, морщинам. – Знай, ты пока еще привилегированная цаца – нетронутый цветок, и как только эта оса высосет твой нектар – увянешь, засохнешь... И помни, кто повинен в твоих горестях, на чьих трупах создана эта неземная роскошь.

С этими словами Бейхами обернулся, глянул в сторону движения: вдалеке, на берегу пролива, с прямым видом на Константинополь в лучах заходящего солнца ярким золотом, ослепляя, сияла зеркалом сложноперекатная громадная крыша, и ее блеск был так могуч, что Бейхами не сразу заметил лодку, ожидавшую их.

– Не трусь! Как договорились, на заре, – последнее, что сказал Бейхами.

Море было спокойным, прозрачным, и тем не менее, покачивающиеся лодки нелегко сошлись. Обычно ловкая, Ана еле-еле, неуклюже перебралась, как на спасителя, сквозь слезы молчаливо долго глядела на исчезающую в морской дали лодку Бейхами, и, конечно, думала не о нем, а об оставшихся в его руках сестре и брате.

Те же три женщины, что днем были на острове, одна в чадре, в полном безмолвии везли Ану к золотому сиянию. Что ни говори, жизнь – есть жизнь, ее не обманешь, и красота манит: с каждым взмахом весел перед Аной разворачивалась потрясающая панорама. В лучах заходящего солнца длинными тенями на всю ширь обозрения раскинулся диковинный, цветущий парк с ровными аллеями, беседками, фонтаном, а в этом окружении – белокаменный дворец с портиками и балконами. С первого взгляда кажется, что часть его затоплена; подплывая, видно – стоит он на мощных колоннах в виде античных богатырей, со следами зимних морских бурь у головы. Прямо в гавань выходит просторная арка, под которую лодка всплыла, а дальше ступеньки из грубо отесанного гранита, чтобы мокрые ноги не скользили. Огромная, тяжелая дверь полностью из слоновой кости с золотыми ручками, и за ней ярко освещенный лучами солнца просторный зал. На стенах и высоком потолке фрески и мозаика на темы египетской, римской и древнегреческой мифологии; по углам статуи в античном духе, рыцарский костюм со всеми доспехами, кубки и вазы с живыми цветами. На весь зал толстый ковер, на нем разная мебель: огромный, тяжелый стол, ложи, сиденья и всего одно кресло – все отделано золотом, серебром, слоновой костью. Все стены облицованы зеркально позолоченным металлом, и лишь одна картина – на ней красивая, молодая царственная особа. «Феофана», – определила Ана.

– Меня зовут Мартина, – с гнусавой хрипотцой сказала женщина в чадре, и далее в полном молчании провела Ану из зала в боковую галерею, а затем в просторную овальную комнату с лазурным бассейном.

Совсем юные, почти обнаженные девочки – словно феи – привычно, играючи обнажили сконфуженную Ану; произнося лишь отдельные фразы, с серьезными лицами занятых людей усаживали ее в ванны, со странным цветом воды, с благовониями, с различными наборами плавающих на поверхности цветов. Потом ее парили, до зуда обтирали мочалами все конечности, лазали повсюду, пока Мартина не распорядилась заканчивать. Тщательно обтерев, те же «феи» веничками из цветастых перьев диковинных птиц обрызгали Ану какими-то жидкостями, в которых превалировали запахи лаванды и розового масла, и, как и раздевали, так же играючи, накинули на нее легкую, почти прозрачную шелковую вуаль.

– Пошли, – приказал гнусавый голос.

Они поднялись по нарядной лестнице на второй этаж, на каждом проходе по две вооруженных женщины – стража, молчаливые изваяния, лишь глаза блестят, за каждым движением Аны наблюдают, двери открывают и закрывают.

Наконец, зашли в большую, но уютную комнату. На стене фрески с эротическими сценами, потолок зеркальный, бронзовая люстра с рожками для светильников. Много бронзовых и глиняных светильников в виде лилии, рыбы, головы дракона и верблюда на полу. Все светильники уже горят, ровно освещая громадную кровать, устланную шелковыми и шерстяными одеялами и подушками. Рядом с кроватью цельно вытесанный из горной породы низенький удивительный стол замысловатой формы, на нем в серебряной и золотой посуде разнообразнейшие яства и напитки.

– Жди. Хочешь ешь, хочешь пей, хочешь спи, – повелел гнусавый голос. Его обладательница тихо ушла, и наступила гробовая тишина.

От непрекращающейся дрожи у Аны пересохло в горле, но она брезговала прикоснуться к чему-либо. Светильники в люстре плавно догорели, наступил полумрак. Ану, видимо разморенную баней и странными благовониями комнаты, тягуче клонило ко сну, веки смыкались, хотелось лечь. Она изо всех сил противилась, да не смогла... Холодная, влажная змея, сквозь сон, проползла по ее ноге. Ана только раскрыла глаза – противная костлявая рука с прожилками, поглаживая кожу бедра, двигалась к ней, будто к горлу.

– Ай! – вскочила в ужасе Ана.

Тень шевельнулась, хищно блеснули глаза, что-то гортанно просипев; те же руки попытались ее удержать. Ана бросилась в угол, к единственному горящему трезубцем бронзовому светильнику; за ней же медленно двинулась эта страшная тень, еще сильнее сопя, будто вскрытыми легкими.

– Хе-хе-хе-хе! – ржавый смех, и осипло-соскобленный голос. – Что ж ты, красавица, не поделишься счастьем? Не готова усладиться ласками самой императрицы?!

Еще один страшный шаг, и зловещая тень попала в зону блеклого света.

– А-а-а! – еще истошнее закричала Ана.

Перед ней была не безликая тень, а будто череп с выпученными глазами.

– Иди сюда! – протянулись длинные костлявые руки.

– Нет! – в самый угол забилась Ана, опрокинула светильник, огонь и раскаленный воск моментально воспалил ее вуаль, а вместе с этим и сознание. – Гадина! – взбесился ее тон, и уже в неукротимой ярости, скопившейся в ней за год неволи, она схватила за ножку сбитый, увесистый бронзовый светильник, наотмашь рубанула прямо по страшному черепу – раз, падающую – еще раз, распластавшуюся в ее ногах – в третий. Даже во мраке Ана видела, как из черепа, выпирая, пузырится фосфоресцирующая ядовитая слизь, тварь еще дергается, глаза все блестят бешенством, угасая, а от двери шум, заблестели кинжалы, заискрились о бронзу. Раззадорила в борьбе Ана, почувствовала, что теперь не невольница, но кавказ-

ская горянка – дочь амазонки; да что поделают с ней несчастные рабыни, разве обучали их так, как ее обучал Алтазур.

Как трезубцем управляла Ана светильником, выбила кинжал, им же заколола одну, резанула другую, и застыла в удивлении – человеческое тело – ничто, как масло податливое, ткнешь – раскисает. Значит, только дух может спасти... На лестнице еще пара, и с ними Ана справляется, от других уходит, прыгивая с высоты пролета.

Она металась от острия кинжалов по темным и светлым комнатам, обежала почти весь дворец, наступала на спящих «фей», и под конец оказалась в зале. Выхватила обоюдоострый рыцарский меч – привычно легла рукоятка в ее жаркие ладони, попадали одни рабыни, другие стеной загородили выход к морю. И видит Ана: на балконе, под крышей дворца, как безучастный зритель, опершись на перила, откинув чадру, смотрит на нее обезображенная Мартина. Только подбородком Мартина повела – поняла Ана, где запасной выход.

Ланью неслась она сквозь густой парк, выскочила из колючего кустарника на главную аллею. Шумом прибоя поманило ее море, побежала Ана, а меч о мрамор искры метает, уже лунная дорожка подсказывает ей путь, уже рукой подать... И вновь рабыни. Но они ведь рабыни, нет в них духа, одно тело. Отбиваясь, почувствовала Ана свободную прохладу, сделала еще шаг назад – и нырнула вглубь, как в спасительную стихию.

Долго, зажмурив глаза, пока хватало дыхания, изо всех сил плыла Ана под водой, на секунду всплывала и вновь шла под воду, боясь, что ее с берега видят и еще хуже – преследуют. Лишь когда не стало видно блеска крыши, она всплыла на поверхность и по тихому, гладкому морю поплыла подальше от берега, придерживаясь лунной дорожки. Подустав, легла на спину. Над ней раскинулось бесконечное звездное небо, точно такое же, как на Кавказе: мгновение она была счастлива. А потом осознала, что под ней такое же бездонное море; восторг улетучился, заволновалась, ей казалось, что крысы уже пощипывают ее пятки, а со дна вот-вот всплывет эта женщина-скелет и со ржавым смехом потащит в эту мрачную толщу глубин.

Ана знала, что много времени могла бы продержаться на морской воде, да видно предыдущая баталия на суше и страх на воде выбили ее из колеи, загнали в смятение, и она в бессилии закричала, заплакала, запаниковала, и наверное пошла бы ко дну, но в это время увидела: заревом осветилась часть неба. «Утро настанет!» – чуть взбодрилась она, а сил уже нет, судорогой коченеют ноги, и – сквозь ночную тишь – всплеск весел. «Бейхами плывет?!» Точно, уже видна тень.

– А-а! – жалко вскрикнула Ана, направляясь туда.

Черная безмолвная фигура восседала в лодке.

– Держись, – кажется родным гнусавый голос Мартины. – Хе-хе, небось думала, Бейхами тебя ждет? Дождидайся! Он такая же тварь, что ты накануне забила... Молодец, девочка, завидую тебе, то, что я и многие-многие не посмели, ты осилила. Спасибо! Хоть этого дождалась... пробудилась. То зарево – уже мое дело... Залезай, не дрожи; видишь, в ночном море тебя нашла, знала, что по лунной дорожке поплывешь... А точнее, это твоя судьба. Бери лодку, плыви к свободе, она только на родине... а я все – прощай.

С этими словами Мартина бросилась в море, оставляя на ровной поверхности расходящееся волнение, а Ана в бессилии, уже не могла смотреть за борт, она легла калачиком на дно лодки и, с трепетом ощущая под собой твердь, до беспамятного забытья слышала бешеный бой жаждущего жизни сердца.

Часть II

*Вместо путешествий в отдаленные страны, на что так жадно
кидаются многие, приляг к лужице, изучи подробно существа –
растения и животных, ее населяющих...*

К. Ф. Рулье, 1851

* * *

Ученье – нелегкий жизненный процесс, а жизнь без ученья – тягостна... Будучи педагогом, учитель истории Малхаз Шамсадов прекрасно осознавал этот постулат, и тем не менее не сиделось ему за партой; то ли стыд, то ли еще что, гнали его, вроде уже взрослого человека, от класса, где и учительница английского языка гораздо моложе него, да и одноклассники, юноши и девушки со всего мира – ему в дети годятся.

Учеба платная, хочешь – ходи, хочешь – не ходи, никому дела до тебя нет, и посему, изредка посещая занятия, Малхаз выучил только несколько фраз, которые помогали ему в кафе или в магазине.

В благодатной Англии проблема одна – деньги. У Шамсадова этой проблемы нет: то мать, то братья, то даже отчим, будто соревнуясь, присылают ему валюту на счет. Живет он в маленьком, уютном городке Пуле, в двух часах езды от Лондона, на берегу океана. После кошмаров Чечни – Англия просто рай, однако Малхаза тянет в родные горы, тоска и одиночество изъедают его; кругом много людей, и все улыбчивы, да излить душу не с кем, как немой среди говорящих манекенов, и пора бы освоиться, ан нет, обошел он всю округу, насытил свое природное любопытство и все – чужое благоденствие опостылело, окружающие стерильность и порядок создают мир иллюзий или иллюзию мира. А Малхаза тянет домой, и никто не поймет, как ему здесь мучительно, несносно: по ночам постоянно снится печальная бабушка, днем грустит об Эстери. И если две эти женщины, как говорится, под Богом ходили и ходят, и вроде Бог им судьбу предписал, то третья его женщина – Ана с картины – это плод его собственного художества, он должен был позаботиться об ее судьбе; да не смог, подкачал, значит, недостойным стал, а иначе как, ведь как ни пытается – ничего не выходит, не может он даже начать вновь изобразить на полотне Ану. Уже все для этого сделал, понакупил столько и необходимого и лишнего, такого, о чем в Чечне даже не слышали; ну пиши, валяй, ну делать-то все равно нечего, раз не учишься, – да не просто все: он не может. Никак не может! Даже не знает, с чего начать, а начинается – «курица лапой», будто кисточку впервые в руках держит, и никакого порыва, страсти, вдохновения! Да, он хочет ее нарисовать, он хочет ее видеть, но, увы, это стало ему недоступно, и от этого совсем ему плохо; все три любимые женщины разным образом покинули его. Да, слава Богу, пустот в мире не бывает – другая, не менее, если не более родная женщина прочно и ныне навсегда, с полным основанием, заняла эту нишу, и знает Малхаз, что мать любит его даже пуще остальных детей, чем вызывает в разной степени ревность последних. И Малхаз по-своему любит мать, и нет у него вроде ближе на земле человека, и, тем не менее, что-то не то, нет той близости, сыновней любви, тепла, и это не от того, что без матери вырос или держит злобу, что в детстве бросила, завела другую семью – нет, отнюдь нет; дело в другом, в более потаенном, и хоть и родная она мать, но иная, чем он, иной, более прагматичной, деловой закваски. Все, в первую очередь второй муж, у нее под пятой, и это не ущемление чьих-либо прав или позиций, нет, это холодный расчет во всем, и весь этот расчет направлен только на благополучие и процветание ее семьи. А что тут плохого? Однако Малхазу не по душе

эта «слюнявая» опека, эти еженедельные послания из Москвы – руководства к действию, и лишь действие одно – первенец, уже не молод, должен жениться, и жениться не просто так, а на той, кого она, любящая мать, выберет, а выбирает она с толком, с расстановкой: чтобы красивой была, да стройной; конечно, не на голову выше низенького Малхаза, но и не ниже (породу улучшать надо); чтоб и тейп²⁶ был и тукум²⁷, не из босяцкой семьи, желательно с гор, а не с равнины; ну и, конечно, все предыдущее можно откорректировать – ведь вкусы различны, идеальных нет, а вот достаток – значит уважение – у сватов должен быть, иначе не ровня, и нечего красотой стращать, она нынче есть, завтра – нет, а дети пойдут – и в обеспеченной семье мир да любовь будут.

Словом, стройной логики в письмах матери нет, но цель вроде ясна, и фотографий столько накопилось, что Малхаз уже путается, какие поручено порвать, какие обратно выслать, а какие под подушку положить и ждать, пока сердце, правда, материнское, достойную из достойных выберет.

Жалко Малхазу этих девчат, понимает он, что война, что Москва не Грозный, и как иначе чеченским девушкам замуж выйти, но не может понять он свою мать – кого, а точнее чего она в конце концов хочет?

Так прошло несколько месяцев, наступили рождественские каникулы. Почти все учащиеся разъехались по домам. Шамсадову ехать никуда нельзя. Зима в Англии, да еще на побережье, очень сыра, скучна, дождлива. Совсем было затосковал он, оказывается, школа и ее обитатели уже стали близкими, и тут радость – мать вылетает к нему, да не одна, а с хорошей новой подругой, и главное, с ними дочь! И это не все. Оказывается, еще одна достойная дочь учится в Лондоне, в очень престижном вузе.

Первую звали Роза. С нею, а вернее, с нею вслед за двумя мамашами, Малхаз обходил за два дня почти все центральные магазины Лондона. Вечером, в гостинице, Малхаз валился с ног от усталости, а мамыши в соседнем номере все еще обсуждали, что они накупили, что еще предстоит, что по глупости не взяли, что – наоборот – зря, в общем, хлопотный отчет за день, то же должен сделать и сын. Уже полночь повелительный стук в дверь.

– Ну, как? – в дверях, подбоченясь, мать.

– Отличный костюм! – сонно протирает сын глаза.

– Это понятно – деньги какие! А я о дочери.

– Ну-у-у! – зевнул Малхаз.

– Ладно, не торопись, еще вторую посмотрим, и будем решать.

Вторую звали Лиза. Тоже молодая, и, сразу видно, очень умная девушка, в очках: уже оевропеизировалась, в штанах, говорит на многих языках, но с чеченцами, в отличие от матери, только на чеченском. Лиза будущий юрист, мечтает о карьере, без излишних комплексов. Она вызвалась быть гидом, и несмотря на молчаливое сопение матери, повела «оценивающих» ее не по магазинам, а по музеям, историческому центру Лондона и под конец пригласила в шикарный ресторан, где после наводящих вопросов матери Лиза весьма деликатно ответила, что у нее уже есть парень, с ней учится, чеченец; мнение родителей есть мнение родителей, а жить и выбирать ей самой. На что мать, разумеется после расставания, постановила: «Дура!» – и еще хлеще, так что даже Малхаз поморщился.

В общем, обе девушки внешне не очень, да Малхаз трезво понимает: их молодость – уже красота, и он тоже не ахти какой, но как с одного взгляда взять и жениться? Впрочем, все разрешилось проще. С Лизой ясно – «дура», а вот Роза ничего, да ее мать оказалась «дурой и сплетницей», да и вкус у нее колхозный, недаром говорят, что человек только в пути познается.

²⁶ Тейп (чеченск.) – род, племя

²⁷ Тукум или тухум (тюрк.) – то же самое

– Короче! – под конец констатирует мать. – Эти все и не похожи на чеченок, тем более на горянок! Иначе и не поехали бы в Лондон, на смотрины! Ишь, до чего дошли! Лишь бы я их дочь взяла – на все готовы!..

– Разве ты их берешь? – съязвил сын.

– Не пройдет! Меня не обведешь! – будто бы не слышит мать. – Фу, Бог миловал!.. А для тебя, сынок, в Москве есть достойная кандидатура, и смотреть не надо, – тут называется общеизвестная среди зажиточных чеченцев фамилия.

– Так на кого смотреть не надо? – не без иронии спрашивает Малхаз. – На фамилию или на дочь?

В крайнем недовольстве сузились губы матери, с прищуром, искоса долго всматривалась она в первенца.

– Что-то не нравится мне твой тон! Или я для себя стараюсь? Столько денег потратила, на край света с невестами примчалась!

– Я знаю твою заботу, – стушевался сын и, пытаясь оправдаться, выдал ляпсус. – Просто ты как-то говорила, что эта богатая, то есть известная семья – несносно тупа, и вообще туманного происхождения.

– Чего?! Я? Про них?! – и далее посыпались возмущенные междометия. Конечно, любимый первенец «дураком» не стал, но вышло еще хуже. – Лампро²⁸, – что было странно слышать от матери того же рода.

Словом, между матерью и сыном сложилось явное недопонимание, а точнее недовольство сыном.

– Будешь слушаться, или живи, как знаешь... Не маленький, – был последний вердикт, и даже в аэропорт, провожать ее, она Малхаза не пустила. Правда, в ту же ночь позвонила из Москвы и уже плакала, просила простить ее вспыльчивость: она больна, много забот, одна за всех не успевает, а он ей так дорог, столько лет она по нему тосковала. Следом позвонил старший из сводных братьев и почти грубо потребовал больше не расстраивать их мать. Ансар, главный спонсор его обучения, вообще не позвонил – Малхаз подумал: вслед может быть и финансовый бойкот. Но он особо не переживал, доселе жил расчетливо, на счету еще приличные деньги. А тут и жизнь коренным образом поменялась.

После Нового года в школе новый набор, много студентов из России, среди них ровесник Шамсадова – Игорь Мельник; по тестированию попадает в класс начинающих – значит в тот же, где до сих пор Малхаз.

Узнав, что Малхаз чеченец, Игорь, не задумываясь, назвал происходящее в Чечне варварским бизнесом, идиотизмом, чем сразу же покорила кавказца. Они сблизились, подружались, каждый день вместе обедали, и тогда к ним присоединялась красивая особа – любовница Игоря. Спустя две недели красавица исчезла, Игорь заключил: «В лес с дровами не ездят», а еще через две: «Англичанки Богом позабыты, а редкие шедевры его не понимают... Скука, тоска!». Следом Игорь предлагает Малхазу жить вместе: оказывается, еще из Москвы он арендовал просторный двухэтажный дом, где всего одна бабуля-хозяйка.

После мрачной комнатухи – два на два – Малхаз блаженствует: они вдвоем занимают просторный этаж со всеми удобствами, и никаких стеснений. Игорь предприимчив, эрудит, занимается весьма экзотическим бизнесом – поставляет в Россию и страны СНГ бананы и другие, как он выражается, «обезьяньи продукты». С раннего утра он звонит по всему миру к своим партнерам, и на каком-то эсперанто, а более пальцами, что до умора смешит Малхаза, общается то с Африкой, то с Латинской Америкой.

С важностью взрослых только ко второй паре занятий является этот тандем. И только одну пару часов они могут высидеть, а потом обед по-русски, легкая прогулка и ланч

²⁸ Лампро (чеч.) – горец

по-английски, вечерний «сон-дренаж», и вновь маленький ресторанчик – Игорь любитель восточной кухни и шотландского виски, к полуночи – боулинг, паб, под утро они выходят из дискотеки. И так жизнь прекрасна три месяца, а там Игорь преждевременно срочно улетает – проблемы в Москве.

Малхаз возвращается в свою прежнюю стесненность, и не только жилищную, но и финансовую. А вскоре ожидаемое – срок визы истекает, и еще не совсем, но тоже ожидаемое – Ансар не желает более оплачивать обучение, на то веский и справедливый аргумент: Малхаз за девять месяцев так и не освоил английский язык, не говоря о компьютерных курсах.

Казалось бы, все к лучшему, он наконец-то освободился от принудительной опеки и может спокойно убраться домой. Но где этот дом, и кто его там ждет? В Чечне еще продолжается война, в Москву нельзя, а более ему и деваться некуда; он действительно дурак, по крайней мере дурака провалял, теперь жалеет, зависть гложет, видя, как «щебечут» чисто по-английски те, кто с ним начинал. Да и что таить, главный-то аргумент другой: соблазняет, ой как соблазняет европейская цивилизация, и кажется: а чем и мой народ хуже? А жить только так хочется, вот только бы в кругу своих сородичей! Нет, нельзя так позорно бежать, надо освоить азы благоразумного общества и всеми силами постараться, конечно, не все, но лучшее и приемлемое из этого перенести на родной Кавказ.

Задним умом все мы крепки – получил Малхаз официальное уведомление: мол, пого-стил и хватит, или доплати и вкушай наше щедрое, пожалуйста. От строгого предписания он в восторге удивлен – без словаря все понял, и вроде не учился, а тем не менее жизнь в среде заставила автоматически многое уяснить. «Еще чуть-чуть, и бегло бы заговорил», – сожалеет он, собирая жалкие вещички. Уже проработал маршрут: Лондон – Стамбул – Баку или Тбилиси; как раз на этот авиаперелет у него остались деньги, а далее как Бог даст, а скорее всего – всухомятку и пешком, напрямик через перевал Шатили – там земляки помогут.

Малхаз уже собирался покупать билеты, а тут непредвиденные расходы: на заключительный банкет, на групповые фотографии, какой-то должок по жилью и телефон – в итоге и до Стамбула он не долетает. Он в смятении: это страшная ситуация, застрять в чужой стране без средств к существованию.

Просить у матери совесть не позволяет – сам виноват, не ценил. После нелегких раздумий на авось набрал Москву, Мельника. К Игорю от скуки он много раз звонил, лишь дважды удалось поговорить. Связь была односторонней, и только по служебному номеру через секретаря (домашний не дал), и Игорь оба раза хоть и был вроде рад и приветлив, но немногословен – то у него встреча, то совещание. На сей раз Малхазу повезло, вновь общие фразы, восторженные воспоминания; и слыша, что Игорь собирается прощаться, Малхаз скороговоркой выпалил просьбу – тысячу долларов в долг, и в конце уже совсем увядшим голосом:

– Игорь, только не знаю, когда верну, и верну ли вообще... я направляюсь в Чечню.

– М-да, – по-деловому сух голос Игоря, после нелегкой для Малхаза паузы. – Надо ли туда соваться, там беспредел?

– Больше некуда, – уныло.

– М-да! Дело дрянь!.. Я о том, что ты в Чечню. А насчет денег не волнуйся, нет проблем, и еще, ха-ха-ха, помнишь? «если хочешь потерять друга – дай ему в долг». Так что по-дружески помогаю... это, так сказать, мое маленькое участие в этой общей беде. А ты звони, всегда звони, оставляй секретарю сообщение, и запиши еще один телефон... Береги себя! Обнимаю! Мы еще погуляем, обязательно, и в Москве и в Чечне!

Через день деньги поступили, и гораздо больше – тысяча фунтов стерлингов.

Чего-то выжидая, а может, выгадывая, мать до конца не верила, что Малхаз уедет на родину; узнав о билете, заплакала, умоляла остаться, обещала, что готова любые суммы высылать, пока война в Чечне не закончится. В последний раз Малхаз позвонил ей перед

самым вылетом – в трубке истерика, но ему вся эта благодать надоела – он хочет домой. Пусть бомбят – зато он у себя, в родных горах, где раздолье для души, и небо ближе, где он первым делом посетит могилки дедушки и бабушки, где он выяснит судьбу Эстери и где, быть может, а этим он страшно страдает, сможет наконец-то восстановить утерянный портрет Аны.

С этими помыслами он взлетал, шестичасовой перелет растянулся, он никогда не засыпает в транспорте, а тут вдруг что-то случилось, будто попал в другое летоисчисление!.. Стоит перед ним печальная Ана, вся в слезах, и корит: «Ничему ты не выучился. А я в тебя верила... Теперь как ты меня спасать будешь? Или тоже бросишь, и еще тысячу лет я буду страдать, как и Родина наша?.. Найди меня, схорони, как положено, и я, наконец-то, обрету покой, а вместе со мной и вся земля наша».

– Вот я и лечу к тебе, в наши горы, Ана!

– «...Да, Малхаз, я в горах, совсем рядом всегда, но найти меня ныне не просто – времена другие, требования не те... Попытка изолироваться от перемен в горах – самоубийственна. Самодовольство, надменность, успокоенность – как сейчас, наказываются недремлющими конкурентами и соседями. Сегодня идет разделение между сведущими, готовыми к переменам, мыслящими глобально, и теми, кто стал жертвой традиций, предубеждений, косности, ненависти к переменам... Малхаз, ты, в отличие от многих, пытаешься докопаться до истин нашей истории. Не останавливайся, всегда иди, всегда учись, и тогда ты найдешь меня, избавишь нас всех от не прекращающегося в веках ига... Или ты ничего не хочешь, устал, соскучился, боишься трудностей, не хочешь спасти меня?»

– Хочу, хочу... но как?!

«Учись!.. Ты познал историю, сделал правильные выводы – первый шаг... Осталось всего два... В мое время источником богатства, жизни и, что всегда важно, информации – были караванные пути и обслуживающие их караван-сарай. Ныне это Интернет – всемирная паутина, компьютеры и всевозможные их программы. И наконец, третий, во все времена – языки, зная языки, и сам не заблудишься и других на правильный путь выведешь... ко мне тропинку найдешь... Научись спасти меня! Прошу тебя, учись! Через поля, моря, горы знаний – лежит путь нашего будущего! Спаси меня, себя, весь наш Кавказ!»

– Леди и джентльмены! Через двадцать минут наш самолет приземлится в Стамбуле.

Малхаз очнулся, прильнул к холодному иллюминатору. Во всю ширь взгляда огни, огни; ведь это бывший Константинополь! А между огнями глубокая чернь, всасывающая его сонный взгляд. Это и есть Босфора пролив. Та же мгла, те же звезды, то же море, то же лето... а может, и Ана еще здесь, одинокая, в лодке, еще боится оторваться от дна. «Боже! Вот она... точно... я вижу эту лодку!»

...Все еще в наваждении, рассеянно глядя под ноги, Шамсадов только ступил на турецкую землю, как кто-то по-свойски, от чего уже отвык он, схватил его за рукав:

– Ты Малхаз Шамсадов? – чеченский язык, незнакомая широкая улыбка в свете неоновых огней.

Без каких-либо проволочек его быстро вывели через VIP-зал, на роскошном лимузине ехали около часа. Повяло прохладой и соленостью моря, на берегу роскошный мраморный особняк, фонтан, парк. «Дворец Феофании» – подумал Малхаз. Много земляков, знакомые по телевизору лица лидеров революции. Тема одна – война в Чечне. Оказывается, предатели те чеченцы, что живут в Москве и по всей России.

– Хватит делить народ, и так нас мало, – не сдержался учитель истории. – И вообще, я думаю, оценку событий надо делать не здесь, сидя у теплых берегов, а только будучи там, в пекле событий.

– Ишь ты, какой прыткий! – еще больше скосились глаза обоих лидеров, так что непонятно, куда они смотрят и что реально видят. – А ты совсем далеко к христианам забрался, аж в Лондон! Хе-хе-хе!

Кровью зардело лицо учителя истории, забарабанило в висках, в плечо что-то ударило, сжались кулаки, и он вспомнил это яростное, бесшабашное отчаяние, когда пошел за «крепышом» в рукопашный бой.

– Я... я, – не находил он в гневе нужных слов.

– Успокойся, успокойся, – кто-то из близсидящих погладил Шамсадова по руке.

– Я! – вскочил он. – Вот смотри, смотри! – и он разорвал штанину, а следом пуговицы сорочки, обнажая еще иссиня-бурые раны на ноге, груди и в предплечье.

– Вот, вот где я был! – орал он. – Пока вас, засланных казачков-шарлатанов, чуть ли не с почетным караулом провожали из сданного вами разбитого Грозного!

– Что?!

Начался гвалт вскипевших темпераментов. Были и здравомыслящие, Шамсадова проводили в отдельную спальню. «Вот и встретился с земляками!» – нервно ворочался он в роскошной кровати, пока не услышал ласкающе-манящий волнообразный шум сквозь надоедливое жужжание кондиционера.

Он осторожно раздвинул бархатисто-увесистую, на ощупь рельефную портьеру. За стеклом во всю ширь фосфоресцирующей россыпью блещет в волнах морских спелая луна. От простого нажатия дверь легко открылась: – «Да, – язвительная мысль, – а в „освобожденной“ Чечне эти лидеры свои замки обрешечивали». Под легким навесом мраморная, озелененная по бокам терраса со скамейками, ступеньки тонут в волне. «Еще бы античные статуи – и точно дворец Феофании». И уже без зависти, а скорее с горечью: ведь не знают эти революционеры уроков истории: свой берег подмочили, на чужой переступили, так и будут без своей родины-опоры на одной ноге стоять, пока вывезенные капиталы не кончатся, новым хозяевам будут служить, пока в утиль не сдадут, либо предадут забвению, а детей, от многих жен, приголубят, дадут свой паспорт, и вырастут они уже «турками»...

После вируса кондиционера воздух у моря свеж. Хлесткие волны не дают обмыть руки, так и норовят всего оплескать, того и гляди с собой в глубь заманят. «И как это Ана решилась в это убийственное, мрачное безбрежье броситься? Какую надо иметь силу духа, чтобы броситься в пугающую стихию, в поисках смерти или свободы?! ... А смог бы я?» – тягостно думал Малхаз, и от одной этой мысли его тело дрожало. Ему казалось, что Ана все еще плавает в море, глядит на него, ждет, надеется.

– Смогу, смогу! – злясь на себя, зашептал он, сжимая кулаки будто в атаке, ступил в враждебное, холодное море; хлесткая, жесткая волна ударила в грудь, пушинкой вышвырнула из своей стихии, ударила головой о каменные ступеньки, и, еще постанывая от боли, он еле приходил в себя, когда явственно услышал уже знакомый голос: «Не ищи, мой друг, примитивных путей, не бросайся дикарем в пекло: взвешенный разум, а не эмоции варвара, познание мира, а не отрешенное существование в нем, шаг вперед, а не оглядывание вспять!».

* * *

Знакомый запах, теплое дыхание и нежное прикосновение пробудили Малхаза. Мать в умильных слезах, за ее спиной улыбающийся Ансар, чуть позади отчим. В настежь раскрытые окна доносится раскатистый гул прибоя, солнце уже высоко, ближе к полудню.

Мать рассыпалась в благодарностях перед хозяевами роскошного дома, от еды отказалась, и уже выезжая с территории, сплюнула в окно:

– Вот ублюдки! В Чечне что наворотили, а здесь хоромы с гаремами возвели.

Это мнение, с разной интонацией, поддержали муж и Ансар, только Малхаз безучастно глядел в окно. В данный момент уже должна была начаться регистрация его рейса на Баку, и никто не смог бы свернуть его с этого пути домой, если бы не эта ночь, проведенная у пролива Босфора. Теперь Малхаз осознал, что это был «примитивный» путь, а домой, в воюющую Чечню, надо возвращаться достойно вооружившись, и не автоматом, а, как сказал классик, полнотой знаний, накопленных человечеством. Только это, он теперь уверен, спасет благодатный Кавказ от периферийного прозябания...

Ему предложили на любой срок остаться в Турции, но Малхаз попросил помочь вернуться в Англию, там так нужный ему теперь язык и лучшие компьютерные курсы.

– Малхаз, – оставшись наедине, встревоженным голосом говорила мать, – нас, чеченцев, в Москве власти сильно прижимают, копейки заработать не дают. Твоему отчиму тяжело... так что какая разница, где учиться... Ну, поучился год в Англии, а теперь в Турции поучись. Здесь и дешевле, и земляков много... И главное, ты уже не молод, давно пора жениться... Я нашла невесту – просто чудо, и семья замечательная. Посмотри на фото... тут она не совсем удачно вышла, а в жизни такая красавица!

Пригорюнился Малхаз, аж зубы заболели, не знал он, как ему быть, на сей раз артачиться не мог; уступить воле матери – все помыслы насмарку. Растерянность и смятение воцарились не только в его голове, но видны были даже в движениях, во взгляде и в разговоре. На помощь пришел Ансар.

– Не волнуйся, брат, – обнял он Малхаза, – я помогу... только зря не трать время и деньги, не до этого нам сейчас, сам знаешь – война, и она всюду над нами довлеет.

– Помоги, помоги! – ткнулся Малхаз в братскую грудь высокого Ансара, наверное, впервые истинно уяснив, что такое брат. – Мне очень надо... помоги!.. Я в долгу постараюсь не остаться.

– Хе, – крепче обнял старшего брата Ансар. – Какие долги между братьями? Только учти, былой щедрости не будет. Не дают нам работать, бандитами обозвали, партнеры услышат, что чеченец – будто от прокаженного шарахаются... Изгой мы, а выжить надо, так что учись, для себя учись, а мне ничего не надо, меня родители вовремя выучили, в любой точке мира, где есть компьютеры, свой хлеб найду.

– В Чечне компьютеров нет, – горько усмехнулся старший брат.

– Значит, надо, чтоб были.

Улететь в Англию оказалось непросто – не дают визу. Стали оформлять документы, что он участник сопротивления, раненый беженец, преследуется российскими властями. Оказалось, что этими делами, то есть связью с российским посольством, как и в Чечне, заправляют оскорбленные Малхазом лидеры революции, живущие во «дворце Феофании». В результате едкие слова, презрительное отношение, стопор. Через две недели пустых хлопот Малхаз, по подсказке сведущих людей, позвонил к директору школы в Пуле. Малхаз только поздоровался, а потом объяснялся на английском Ансар. Все оказалось проще, цивилизованнее: на третьи сутки Шамсадов уже вылетал в Лондон.

Вновь была ночь, вновь он прильнул к иллюминатору, ища пролив Босфор, однако на сей раз за окном сумрачность, тучи, хлещет дождь, и Малхаз только видит в окне свое грустное отражение, уже четкие ложбинки обозначились на лице, сединой пробился волос, а уголки губ, некогда всегда вздернутые, теперь сникли, отражая печаль: война на родине – война в душе, где бы ты ни был. И теперь учитель истории понимает, что Чечня и чеченцы, по большому счету, никого не интересуют, просто планомерно, как учит исторический материализм, подставили еще не окрепший после депортации, неопытный, подавленный, малочисленный и амбициозный народ. И теперь к этой жертве слетелись хищники, и каждый хочет урвать свой кусок, для приличия прикрываясь гуманными лозунгами... Чечня в эпицентре, где столкнулись не какие-то национальные или иные принципы, а глобальные эко-

номические интересы не только сверхдержав, но даже разных цивилизаций... А народ? Ну, сколько их было, и не стало. Как, к примеру, та же Хазария... Однако не спасаться летит учитель истории в Англию, а спасать, надо в ногу идти со временем, в котором живешь, если не хочешь остаться на обочине или в канаве цивилизации. И неужели этот маленький, щупленький человек, жалкий, по сути, бездомный, несчастный учитель истории, живущий если не подавляющим, то на иждивении точно, способен кого-то или что-то спасти?

Над этим думает он сам, сам в угнетенной тоске, абсолютно не верит в эту миссию, и тем не менее, самолет его стремительно возносит ввысь, во мраке туч лайнер трясет, кидает то вниз, то вверх, но вот чуточку прояснилось, еще светлее, светлее, и чудо лунной ночи, бесконечное множество звезд, они манят к себе, и не хочется более ныть, хочется жить, если не блеснуть, как звезда, то хотя бы мерцать во благо родного Кавказа. И от этих мыслей его блеклое отражение в иллюминаторе то ли оскалилось, то ли слегка улыбнулось... Нет, надо жить только с улыбкой, а иное выражение лица отражает иные помыслы души! Вперед, Малхаз! Учись. Это никогда не поздно!

Повторное пришествие в Англию в корне отличается от первого. Новый школьный набор – совсем ребятня, и в классе Малхаза есть ученик моложе его на двадцать лет. Ныне эти обстоятельства мало волнуют Малхаза, он полностью поглощен изучением английского языка.

Англия страна дорогая, и Шамсадову денег теперь не хватает, масса непредвиденных расходов по приобретению учебников, тетрадей и других сопутствующих учебе товаров. Живет он впроголодь, питается всухомятку, так что довел себя до изжоги. Пул – городок приморский, и летом прилично оплачиваемой работы для студента-иностранца – навалом, однако Малхаз не может отвлекаться, у него строгий распорядок дня и ночи, полная концентрация на языке. По стимулирующей методике обучения каждые две недели контрольный тест – преподаватели поражены: Малхаз «перешагивает» через ступени и уже по знаниям переведен в высший класс. В середине августа самый сложный контрольный экзамен, который будет продолжаться шесть часов. Малхаз сильно волнуется, в голове полный сумбур от напичканного лексикона, сложной грамматики и орфографии. Имея преподавательский опыт, он до экзамена принял верное решение: два дня полностью отдыхал и впервые купался в море, отдыхая.

И все-таки мандраж перед экзаменом вновь усилился, и только увидев контрольные тесты, он максимально мобилизовался. Вскоре стало легко – к годовщине пребывания в Англии все уложилось в стройный порядок; он даже невольно улыбнулся и словно играючи, всего за пару часов решил предложенные задания; еще час для надежности перепроверял и, удивляя учителей, за два часа до окончания экзамена сдал свои листки.

Через три дня на доске объявлений в фойе вывесили итоги: Шамсадов в списке первый, напротив – высший балл, тысяча из тысячи, и красным – «превосходно».

В тот же вечер Малхаз звонит в Москву, специально впервые заговорил с Ансаром на английском, брат в восторге, даже поражен. Затем трубку берет мать и сообщает радостную новость – в Хасав-Юрте Россия и Чечня подписали мирный договор, война закончилась, все российские войска выводятся с территории Чечни. От своих успехов и этой новости Малхаз в душе ликует, а потом вспомнил все, кто, как и где воевал и воевал ли вообще, и кто, как он, даже ползком, не мог выйти из окруженного Грозного, а кто уходил как при параде. «Нет, что-то не то, не то. Игра! – анализирует Малхаз. – Кошка с мышкой играет, издевается, продлевает агонию одних, блажь других!» А мать уже требует, чтобы Малхаз возвращался в свободную Чечню, как раз туда уже выезжает нареченная ею невестка; откладывать некуда, первенец под старость идет, бездетный – скоро будет свадьба, и только в родовом селе, в горах; мать покажет, как она любила и любит сына, а то до сих пор твердят остолопы, будто она бросила малолетку Малхаза, выскочила замуж.

Ой, как хочет Малхаз домой, ой как хочет; и кто бы знал все эти страдания на чужбине. И теперь согласен на любой жениться, лишь бы дома быть, и семью иметь, и детей растить, и в своей школе хоть бесплатно учительствовать. Однако никто не знает тайн его души, его сердечных чаяний, что живет он в двух измерениях: современном – визуально-реальном и в другом, не то чтобы в прошлом, но в каком-то исторически-виртуальном, то ли выдуманном им самим, то ли извне навязанном, а, впрочем, для него ныне это не играет никакой роли, ибо он, или ему, кто-то уже определил цель, есть задачи, есть этапы, и по «наставлению» остался последний – изучить «оружие современности», компьютер.

Изначально с этой же целью и прислал Ансар Малхаза в Англию, да теперь ситуация изменилась, и, вторя матери, Ансар тоже настаивает, чтобы старший брат возвращался в свободную Чечню, а в Чечне компьютер не нужен, там и электричества-то нет. На робкие просьбы Малхаза о продолжении учебы последовал финансовый бойкот, это факт непреодолимой силы. Тем не менее, Шамсадов настойчив, и директор школы, что весьма благоприятно, дает рекомендательное письмо на курсы компьютерного программирования. Учитывая это и то, что Шамсадов беженец из Чечни, ему во всем идут навстречу и даже дают скидку в оплате, и все равно сумма столь велика, что он падает духом. Конечно, как и многие студенты, можно и вроде нужно устроиться на какую-нибудь малоквалифицированную работу, но, как иностранец, он в лучшем случае сможет зарабатывать только на свое существование, но не на сверхдорогостоящее обучение.

Несколько дней Малхаз уныло бродил по городу, по многолюдной набережной; вариантов не было, надо возвращаться, и тут случай, вроде бы заурядный, решил его проблему. На набережной каждый день пожилой импозантный господин, вероятно, профессиональный художник, и несколько молодых людей, судя по всему, его учеников, вот уже два-три дня пытались изобразить на холстах окрестный пейзаж. Из любопытства Шамсадов каждый раз подолгу следил за творчеством мастера и его учеников. С одной стороны, в нем постепенно возгорелась словно уже утраченная страсть к рисованию, с другой – он отвлекался от своих горестных мыслей, поглощаясь замыслом картины, и с третьей – ему было смешно от прямолинейности вроде бы маститого художника – тот пытался просто копировать природу, что крайне примитивно, без души; и главное, линии, что видит объемный человеческий глаз, не так должны ложиться на плоский холст; и учитель это же, выучив по теории, объясняет ученикам, да сам как следует отобразить не может.

Разумеется, Малхаз теорию рисования не проходил, у него более глубокие познания – они от природы, Богом данный дар, и он, стоя в толпе восторженных зрителей, не удержался, решил дать совет:

– Простите, мне кажется, что не такими линиями и тонами надо бы отобразить это движение... и дух картины изменится...

Добродушная улыбка вмиг сошла с лица англичанина, он глянул свысока на советчика и презрительно хмыкнул. Малхаз ничего не ответил, знает: англичане деликатны до поры – а по нужде иностранца так оштрафуют, еще упекут, глазом не моргнут, что дикую Чечню и Россию вспомнишь. Но злость и обида гложут, надо же как-то кавказцу ответить. Тотчас направился Малхаз в уже давно известный ему художественный магазин-салон, взял на прокат мольберт, купил краски, кисточки и всякое другое, а сам боится, помнит, что год назад даже кисточку не смог в руки взять, когда Ану попытался перерисовать, и теперь испытывал гораздо большее волнение, нежели неделю назад перед экзаменом. Это тоже был экзамен, но экзамен перед самим собой, он бросил вызов, прежде всего, самому себе.

В стороне, чтобы никому не мешать, установил Малхаз свой мольберт, заметил, как в язвительной гримасе скривилось лицо художника. Еще раз, очень внимательно, всмотрелся Шамсадов в прибрежный вид, а руки все дрожат, губы шепчут Богу о помощи. И только он

натянул холст, взял в руки карандаш и сделал первый штрих, как вмиг все улеглось, страх прошел, вернулась уверенность, а с ней – вдохновение.

Любое творение – это, прежде всего, абстракция, это идея и душа! Нельзя копировать все как есть, получится бездуховное отражение, просто голая фотография. А в творении нужен фокус – чувственность картины, средоточие разума, жизни, движения. И линии должны быть плавные, изогнутые, змеевидные, а волны, как огонь, пирамидальные, устремленные ввысь. И резких красок не должно вовсе быть, а только переходящие полутона, расплывчатые тени, будоражащие фантазию и мысль!

В бухте было пришвартовано множество яхт, но Малхаз решил изобразить лишь одну, стоящую чуть поодаль в гавани на якоре трехмачтовую белоснежную красавицу. В первый день он к холсту даже не прикоснулся – делал наброски карандашом на бумаге. И почему-то захотелось ему, чтобы бухта бурлила и яхта на волнах качалась, чтоб ветер был, и гнал облака и море, и теребил одежду людей на берегу.

Только на второй день взялся Шамсадов за кисти, побежали игривым задором яркие краски на холсте. К обеду обозначились контуры картины – а за спиной толпа зевак. К вечеру к последним присоединился и «мастер» с учениками.

– Откуда же волны, ведь море спокойно? – не удержался художник.

– Будут! – улыбался Малхаз, ему творилось, кисти будто сами бегали по холсту.

А к вечеру, как нередко бывает в Англии, нагрянула с океана тяжелая туча и стал накрапывать мелкий дождь. Сами зрители одолжили зонт у кафе-мороженое и укрыли под ним нового художника.

И хотя говорят, что на свете чудес не бывает, так это только говорят, а чудеса сплошь и рядом: на третий день, когда картина была уже почти завершена, заштормило море, прилетели кучевые облака, а яхта так и закачалась, как ее Малхаз изобразил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.